

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Научный журнал

№ 2

Санкт-Петербург
2016

PUSHKIN LENINGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Scientific journal

№ 2

St. Petersburg
2016

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2016
№ 2

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи
и массовых коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-64980

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Главный редактор:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук,
профессор, президент ЛГУ им. А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, Россия (отв. ред.)
Л. Ю. Гусман, доктор исторических наук, доцент, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор, Россия
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (отв. секретарь)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент, Республика Молдова
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
И. А. Тропов, доктор исторических наук, профессор, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2016
№ 2

The journal is registered by
The Federal Service for Supervision of
Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-64980

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

The chief editor:

V. N. Skvortsov, Doctor of Economics, Full Professor,
President of Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (executive editor)
L. Yu. Gusman, Doctor of History, Associate Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
N. D. Kozlov, Doctor of History, Full Professor, Russia
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (executive secretary)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
S. M. Nazariia, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Republic of Moldova
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
I. A. Tropov, Doctor of History, Full Professor, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В.В. Каминский

«Белый» герой Алексей Петрович Архангельский –
один из создателей Красной армии..... 9

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

А.Е. Жукова

Особенности повседневной жизни служащих Министерства
иностраннных дел России второй половины XIX – начала XX в..... 17

О.В. Северцева

Образование, воспитание и мечты женщин-работниц
фабрик и заводов Санкт-Петербурга
во второй половине XIX – начале XX вв. 26

А.В. Федькин

Материально-бытовое положение петербургских рабочих
в годы первой русской революции
в освещении «пролетарской» прессы 34

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова

Вопросы питания в повседневной жизни горожан
Центрального Казахстана в 1950–1970-е гг. 43

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

В.Н. Бенда

Материальная часть артиллерии, боеприпасы к ней
и средства их производства в последней четверти XVIII в..... 58

Г.Ю. Афанасьев

Транспортная повседневность: кораблекрушения и безопасность
судоходства в Российской империи в XIX – начале XX вв..... 74

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Е.В. Годовова

Дневники и письма как исторический источник
по изучению военной повседневности казачьего сословия..... 86

ИСТОРИЯ ПРАВА

И.Б. Михайлова

«А старостам татины и розбойные дела делати»:
повседневная судебная практика
в Московском государстве конца XV–XVI вв. 93

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Н.Л. Пушкарева

Интимные тайны «молодых штурманов будущей бури»
(что лежало в основе самоотверженности
российских радикалов-шестидесятников?)..... 107

ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

С.В. Любичанковский

Рецензия на кн.: Кобозева З.М. Мещанское сословие г. Самары
в пространстве власти и повседневности
(вторая половина XIX – начало XX вв.),
или Рассказ о «душе с повинностями». Самара:
Изд-во Самарский университет, 2013. 608 с. 118

В.А. Веремenco, В.О. Левашко

Материальный фактор и предпринимательство
в повседневной жизни населения России:
история и современность: об итогах международной научной
конференции 17–19 марта 2016 г. (Санкт-Петербург, г. Пушкин) 127

Сведения об авторах 137

Contents

PERSONALITY IN THE EVERYDAY LIFE HISTORY

V.V. Kaminskiy

“White” hero Alexey Petrovich Arkhangelsky –
one of the founders of the Red Army 9

EVERYDAY LIFE OF SOCIAL GROUPS

A.E. Zhukova

Features of daily life of employees of the Russian Ministry
of Foreign Affairs in the second half of XIX – early XX century..... 17

O.V. Severtseva

Education, training and dreams of women-workers of St. Petersburg
factories and plants in second half XIX – early XX centuries 26

A.V. Fedkin

Material and social position of the St. Petersburg workers
in the years of the first Russian revolution in the coverage
of the “proletarian” press 34

REGIONAL ASPECTS OF DAILY LIFE HISTORY

Z.G. Saktaganova, K.G. Abdrakhmanova

Nutrition in the everyday life of the citizens
of Central Kazakhstan in 1950-ies – 1970-ies 43

ECONOMIC DAILY LIFE

V.N. Benda

Issues of provision of material part of artillery
in the last quarter of the XVIII century..... 58

Gr.Yr. Afanasiev

Daily life of transport: shipwrecking and safeness
of the shipping in Russian empire of the second part of XIX –
beginning of XX centuries 74

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Ye.V. Godovova

Diaries and letters as a historical source
of the Cossacks military daily life studying..... 86

HISTORY OF LAW

I.B. Mikhailova

“And starostas should decide thieves and robbery cases”:
the everyday judicial practice in Moscow state
in the late XV–XVI centuries 93

POWER AND SOCIETY

N.L. Pushkareva

Intimate secrets of the “young navigators of future storm”
(what was the basis of the dedication of the Russian radicals
of the sixties?) 107

RESPONSES, REVIEWS

S.V. Lyubichankovskiy

Review of the book: Kobozeva Z.M. Bourgeois estate of Samara
in space of the power and daily life (the second half of XIX –
the beginning of the XX centuries), or the Story about
“Soul with duties”. Samara: Publishing house
"Samara university", 2013. 608 p..... 119

V.A. Veremenko, V.O. Levashko

Material factors and entrepreneurship in the everyday life
of the Russian population: History and Modernity:
results of the International Scientific Conference on March 17–19,
2016 (St. Petersburg, Pushkin)..... 127

About authors 139

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(47)"19"
ГРНТИ 03.23.55

В.В. Каминский

«Белый» герой Алексей Петрович Архангельский – один из создателей Красной армии

Генерального штаба генерал-лейтенанта А.П. Архангельского по праву можно считать одним из тех «генштабистов», кто стоял у истоков Красной армии. Занимая должность начальника Управления по комсоставу при Всероссийском Главном штабе данной армии, Архангельский как раз должен был заниматься привлечением, регистрацией и распределением комсостава по различным должностям в войска. В лагере «белых» Алексей Петрович оказался по чистой случайности – вследствие командировки, в которую, как и многие десятки других «генштабистов» РККА, был направлен военным руководством республики Советов. Должности, занимаемые А.П. Архангельским у «белых» по их значимости в большинстве своем не могли сравниться с той, которую он занимал в РККА в первой половине 1918 г.

Ключевые слова: Красная армия, «белые», «генштабист».

V.V. Kaminskiy

“White” hero Alexey Petrovich Arkhangelsky – one of the founders of the Red Army

The General Staff of the lieutenant-general A. P. Arkhangelsky by right it is possible to consider one of those "genshtabist" who stood at the origins of Red Army (RKKA). Because holding a position of the head of department of a command personnel (komsostav) at the All-Russian General Staff of the Red Army, Arkhangelsky just had to be engaged in attraction, registration and distribution of a komsostav on various administrative positions in new army. In camp "white" Alexey Petrovich appeared by mere chance – owing to business trip in which, as well as many tens of other "genshtabist" of RKKA it was directed by the military management of "Sovdepiya". The positions held by A. P. Arkhangelsky at "white" camp on their importance in the majority, couldn't be compared to that which he occupied in RKKA in the first half of 1918.

Key words: Red Army, "white", "genshtabist".

Алексей Петрович Архангельский родился 5 марта 1872 г. и был выходцем «из дворян». В 1890 г. юноша окончил 2-й Московский кадетский корпус. 1 сентября 1890 г. он поступил на военную службу, став курсантом (юнкером) 3-го Александровского военного училища, откуда в 1892 г. был выпущен подпоручиком в л.-гв. Волынский полк, начав таким образом свою офицерскую карьеру в элитной гвардии Русской Императорской Армии (далее – РИА). Старшинство в чине поручика молодому офицеру было установлено с 4 августа 1896 г. [1, с. 879; 2, с. 259; 3].

В 1898 г., будучи 26 лет от роду, герой настоящей статьи окончил самое престижное военно-учебное заведение Российской империи – Николаевскую академию Генерального штаба – полный курс по 1-му разряду с последующим причислением к Генштабу [2, с. 259; 4, с. 45].

В период со 2 октября 1899 г. до 2 октября 1900 г. молодой офицер отбывал цензовое командование ротой в л.-гв. Егерском полку (1 год), а в период с 20 мая до 25 сентября 1907 г. – цензовое командование батальоном в 5-м гренадерском полку (4 мес.) [1, с. 879; 2, с. 259]. Состоял при Варшавском военном округе [2, с. 259].

По Генеральному штабу Алексей Петрович начал служить 24 января 1899 г., заняв должность старшего адъютанта штаба 18-й пех. дивизии, в которой оставался до 22 мая 1900 г., когда пошел на повышение, заняв ту же должность, но уже при штабе 6-го арм. корпуса (22 мая 1900 г. – 28 сентября 1901 г.). Далее, по выражению Н. Рутыча, герой нашей статьи «с сентября 1901 г. как выдающийся офицер Генштаба служил в Главном штабе» (далее – Главштаб). При этом он занимал следующие должности: 28 сентября 1901 г. – 16 февраля 1902 г. – столоначальник Главштаба; 16 февраля 1902 г. – 1 мая 1903 г. – младший делопроизводитель канцелярии военно-ученого комитета Главштаба; 1 мая 1903 г. – 15 декабря 1904 г. – столоначальник Главштаба; 15 декабря 1904 г. – 15 октября 1906 г. – состоял в числе двух штаб-офицеров Генштаба, положенных по штату при Главштабе; 15 октября 1906 г. – 14 марта 1909 г. – делопроизводитель мобилизационного отдела Главштаба; 14–28 марта 1909 г. – делопроизводитель того же отдела Главного управления Генерального штаба (далее – ГУГШ); 28 марта 1909 г. – 19 сентября 1910 г. – начальник отделения ГУГШ; с 19 сентября 1910 г. (утв. в должности 6 декабря 1912 г.) на 18 июля 1914 г. – помощник дежурного генерала ГУГШ. 6 декабря 1907 г. произведен в полковники, а 6 декабря 1913 г. – в генерал-майоры (в оба чина – за отличие по службе) [2, с. 259; 1, с. 879; 5, с. 33].

24 июля 1914 г. А.П. Архангельский был назначен исполняющим должность дежурного генерала ГУГШ и на этом посту оставался в течение почти всей Первой мировой войны, ведая всеми назначениями по армии [4, с. 45; 5, с. 33]. За службу в РИА герой нашей статьи удостоился награждения следующими орденами: Св. Станислава 3-й степ. – в 1902 г., Св. Анны 3-й степ. – в 1906 г., Св. Анны 2-й степ. – 6 декабря

1910 г. и Св. Владимир 3-й степ. – 6 декабря 1913 г. А также и во время Первой мировой войны – Св. Станислава 1-й ст., Св. Анны 1-й ст. и Св. Владимира 2-й ст. Три последних ордена были пожалованы А.П. Архангельскому Высочайшими приказами от 6 декабря 1914 г., 22 марта 1915 г. и 10 апреля 1916 г. [3].

Последней должностью А.П. Архангельского в старой армии являлось руководство Генеральным штабом – с мая 1917 г. [6; 5, с. 33]. 24 августа 1917 г. Алексей Петрович Архангельский был произведен в генерал-лейтенанты [5, с. 33], и это был его последний чин в «добольшеви́стской» русской армии. 23 ноября 1917 г. в должности начальника Генштаба его сменил «генштабист» Н.М. Потапов [3].

Военную службу большевистскому режиму «генштабист» Архангельский начал с первых же дней существования этого режима, приняв активное участие в первоначальном большевистском военном строительстве (исход 1917 – начало 1918 г.). Например, уже 23 ноября 1917 г. он участвовал в одном из первых военных совещаний большевиков, на котором присутствовали начальники главных управлений Военного министерства [7, с. 61]. По всей вероятности, с 8 декабря 1917 г. – до 8 мая 1918 г. Архангельский занимал должность начальника отделения по учету и призыву военных специалистов моботдела ГУГШ [8, с. 103–108; 5, с. 33–34]. 8 мая 1918 г. приказом Наркомвоена № 339 на основе ГУГШ был создан «красный» Всероссийский Главный штаб (далее – ВГШ), в котором Алексей Петрович приказом Наркомвоена № 440 от 14 июня 1918 г. занял важнейшую должность начальника Управления по комсоставу армии [9, 10 мая. № 11; 16 июня. № 39; 18 июня. № 40]. В последней должности Архангельский состоял непрерывно до начала сентября 1918 г. [10. Л. 330; 11. Л. 198–199, 265; 12. Л. 57].

Занимая указанную должность, А. П. Архангельский стоял таким образом у истоков политики активного привлечения русских «генштабистов» на службу в РККА. О том, что герой настоящей статьи имел реальное отношение к данной работе, свидетельствует ряд документов. Остановимся на них более подробно.

15/16 июля 1918 г. в Оперативное управление ВГШ (последним на указанное время руководил С.А. Кузнецов, о роли которого в этом процессе мы уже писали [13, с. 236–251] был направлен запрос из Управления по командному составу армии (отделение 2) за № 16675, подписанный «Генштаба А. Архангельским»: «Управление по командному составу армии ВГШ просит не отказать в распоряжении о высылке первых десяти списков офицеров Генштаба, заявивших о своем желании нести службу в рядах новой армии» [12. Л. 57].

3 августа 1918 г. начальник Управления комсостава РККА А. Архангельский докладывал начальнику ВГШ о том, что «...офицеры Генштаба состоят на учете в Оперативном Отделе...» (точнее – Управлении. – В.К.) [14. Л. 52]. За день до этого, 2 августа 1918 г., в Организационном

управлении при ВВС РККА была получена телеграмма Архангельского (вх. № 950) следующего содержания: «[Со]благоволите распоряжением [о] срочной высылке [в] управление по командному составу кандидатских карточек лиц, указанных [в] списке вашем, номер 16595/404, кандидатура коих утверждается Высшей Аттестационной Комиссией. Основание: приказ Наркомвоен 468» [11. Л. 198–199].

Наконец, ко времени не позднее середины августа 1918 г. должна быть отнесена почтотелеграмма начальника Управления [по] комсоставу армии А.П. Архангельского, адресованная начальнику штаба ВВС РККА. Она гласила следующее: «*[В] распоряжении Управления по комсоставу армии запаса неиспользованного комсостава нет. Для привлечения его делается все возможное. Приглашаются даже лица, еще не изъявившие согласия служить, но известные /своим/ местожительством*» (курсив наш. – В. К.). Почтотелеграмма в Организационном управлении при ВВС была получена 16 августа 1918 г. вх. № 1189 [11. Л. 265].

Принимая в расчет приведенные выше телеграммы (особенно последнюю), отправленные начальником Управления РККА по комсоставу А.П. Архангельским в различные инстанции большевистского военного «центра», есть все основания считать его на период первой половины 1918 г. добросовестным работником в деле «собираения» кадров для новорожденной Красной армии.

Между тем «белые апологеты» упорно стремятся навязать А. Архангельскому роль некоего «шпиона-двуручника». Так, Н. Рутыч полагает, что А. Архангельский, «...занимая ответственные должности» при ВГШ РККА, якобы, «...поддерживал подпольные связи с Московским возглавлением (так в тексте источника. – В. К.) Национального центра, всемерно способствуя отправлению многочисленных партий офицеров в Добровольческую армию...». Ему по сути вторит Р. Шмаглит [5, с. 34; 15, с. 56].

Содержание приведенного отрывка вызывает серьезные сомнения в своей достоверности прежде всего потому, что реальность самого т.н. «Национального центра» следует поставить под серьезный вопрос, поскольку, по нашему убеждению, этот центр существовал главным образом в воображении советских чекистов¹.

Считать «генштабиста» Архангельского неким «подпольным белым агентом», поступившим в начале 1918 г. на службу в РККА, якобы, для того, чтобы вести «подрывную работу» – значит выдавать желаемое за действительное. Ибо в указанный срок сам будущий вождь «белого» Юга Генерального штаба генерал-лейтенант А.И. Деникин в начале 1-го Кубанского похода (начало января 1918 г.) называл Добровольческую армию (далее – Добрармия) «... кучкой людей, затерянных в широкой дон-

---

¹ Об этом подробнее см. в статье автора настоящего материала: [16, с. 59–68].

ской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю...» [17, с. 224]. Да и возможность налаживания неких «связей» отдельного «белого агента», служившего будто бы в РККА, с лагерем «белых» также представляется крайне сомнительной [16, с. 62–63].

Между тем приказом большевистского Наркомата по военным делам за № 20 от 7 сентября 1918 г. Архангельский был переведен «в распоряжение» начальника ВГШ [18. Л. 34, 35, 45]. По сути, *это означало существенное понижение по службе, которое, на наш взгляд, и стало важнейшей причиной «перехода» А. П. Архангельского в «белый» лагерь Деникина. Поводом же к самому «переходу» стала служебная командировка.*

Далее, по данным В. Клавинга, 15 сентября 1918 г. «генштабист» Архангельский «был направлен по приказу... Троцкого в «инспекционную командировку» на Южфронт, где попал... в стан Белой Армии» [19, с. 9]. В. Клавинг, конечно, является не самым убедительным автором, но в данном случае приведенные им данные можно признать достоверными. Возможность указанной командировки Архангельского вполне вероятна, поскольку такие командировки широко практиковались большевиками осенью 1918 г. Только до конца 1918 г. на Восточный и Южный фронты командированию подлежало 113 «лиц Генштаба»².

Так или иначе, в феврале 1919 г. А.П. Архангельский «...прибыл в Екатеринодар в штаб Добрармии», где по своему собственному настоянию был предан военно-полевому суду, который не только оправдал его, но и высоко оценил его заслуги перед Добрармией. Вполне возможно, что Архангельский передал «белым» обширные сведения о назначениях «лиц Генштаба» в РККА. Однако его карьера у «белых» вовсе не была выдающейся: 26 февраля 1919 г. Архангельский был назначен лишь в резерв чинов при Главкоме ВСЮР, 14 мая 1919 г. – членом Комиссии по рассмотрению представлений к наградам и о производстве офицеров и классовых чинов. 3 июня 1919 г. он стал помощником начальника общего отдела военного управления с оставлением на прежней должности. 20 ноября 1920 г. Врангель назначил Архангельского дежурным генералом штаба Русской армии [5, с. 34].

Следует обратить внимание на явно выраженный факт невостреванности А. П. Архангельского в лагере «белых»: весь 1919 г. он находился на второстепенных ролях и сколько-нибудь важную должность (дежурный генерал штаба Русской армии) занял, уже когда «белое» движение Юга России переживало полную катастрофу.

Сразу после эвакуации «белого» Крыма Архангельский был назначен начальником отделения личного состава Штаба главнокомандующего и оставался в этой должности как в Константинополе, так и в Сремски

---

² Подсчитано автором по следующим материалам: [20. Л. 44 с об.; 14. Л. 103–104; 21. Л. 42 с об.; 22. Л. 8 с об., 11, 12, 14–16, 22 и др. См. также авторскую монографию [23, с. 120, 139].

Карловицы (Сербия) до 1926 г. С 14 октября 1926 г. – и.д. помощника начштаба Главкома (до 1 ноября 1926 г., когда штаб был расформирован). В 1927 г. Архангельский вслед за Врангелем переехал в Бельгию, где много лет работал служащим в одной из транспортных контор в Брюсселе. С 1927 г. состоял председателем общества офицеров Генштаба в Бельгии. После похищения генерала Е.К. Миллера в Париже Архангельский 22 марта 1938 г. занял пост начальника Русского общевойскового союза (РОВС).

Скончался герой нашей статьи в Брюсселе 2 ноября 1959 г. [5, с. 34]³. Он был похоронен на кладбище Юккль. О его личной жизни известно немного: на 1911–1914 гг. он был женат. Жену звали Софья Александровна (ум. в 1960 г.), на 18 июля 1914 г. имел сына [24, с. 137; 25; 2, с. 259].

Подведем краткий итог нашей биографической справки. Героя настоящей статьи А. П. Архангельского по праву можно считать одним из тех «генштабистов», кто стоял у истоков РККА. Занимая должность начальника Управления ВГШ РККА по комсоставу, Архангельский как раз должен был заниматься привлечением, регистрацией и распределением комсостава по различным должностям в новой армии. В лагере «белых» Алексей Петрович оказался по чистой случайности – вследствие командировки, в которую, как и многие десятки других «генштабистов» РККА, был направлен военным руководством советской республики. Должности, занимаемые А.П. Архангельским у «белых», по их значимости не могли сравниться с той, которую он занимал в РККА в первой половине 1918 г.

Список литературы

1. Список генералов по старшинству. Ч. I, II, III. Сост. по 1 янв. 1913 г. с указанием «главнейших перемен, происшедших за время печатания списков с 1 янв. по 1 февр. 1913 г.». – СПб.: Воен. тип. в зд. Главштаба, 1913.
2. Список Генерального Штаба, испр. по 1 июня 1914 г. с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г. – Петроград, 1914.
3. Архангельский Алексей Петрович // Картотека Лихотворика А.А. – URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=363>
4. Список Генерального Штаба (испр. по 3-е янв. с прил. изм. по 8 февр. 1917 г.). – Петроград, 1917.
5. Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (Материалы к истории Белого движения). – М.: Regnum-Российский архив, 1997.
6. Приказы армии и флоту о чинах военных. 1917 г. 9 мая.
7. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. – М.: Наука, 1988. – 276 с.
8. Кавтарадзе А.Г. Из истории Русского Генерального штаба // Воен.-ист. журн. – 1976. – № 3.

---

³ По другим данным начальником РОВСа А. П. Архангельский являлся с 20 марта 1938 г. [24, с. 137].

9. Известия Наркомата по военным делам. 1918 г.
10. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 3. Оп. 1. Д. 51.
11. РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57.
12. РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96.
13. Каминский В.В. Сергей Алексеевич Кузнецов – «собиратель» «генштабистов» для Красной армии (весна – осень 1918 г.) // Проблемы новейшей истории России: сб. ст. к 70-летию со дня рожд. Г. Л. Соболева. – СПб.: ИД СПбГУ, 2005.
14. РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29.
15. Шмаглит Р.Г. Белое движение. 900 биографий крупнейших представителей русского военного зарубежья. – М.: Зебра Е., 2006. – 346 с.
16. Каминский В.В. Генерального штаба генерал-лейтенант Н.Н. Стогов – добросовестный военный специалист Красной Армии или заведомый «вредитель» в ее рядах? // Новейшая история России. – 2015. – № 1.
17. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2: Борьба генерала Корнилова (авг. 1917 г. – апр. 1918 г.). – М.: Наука, 1991. – 733 с.
18. РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 91.
19. Клавинг В.В. Кто был кто в Белой гвардии и военной контрреволюции (1917–1923 гг.): энцикл. справ. – СПб.: Нестор, 1998.
20. РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 253.
21. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97.
22. РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 134.
23. Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии. – СПб.: Алетейя, 2011. – 734 с.
24. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 гг.: в 6 т. / сост. В. И. Чуваков. Т. 1. – М., 1999.
25. Архангельский Алексей Петрович. РИА. – URL: <http://www.regiment.ru/bio/A/685.htm>

References

1. Spisok generalam po starshinstvu. Chasti I, II, III. Sost. po 1 janvarja 1913 g. s ukazaniem «glavnejshih peremen, proisshedshih za vremja pechatanija spiskov s 1 janvarja po 1 fevralja 1913 g.» [The list of generals by seniority. Parts I, II, III. Comp. on January 1, 1913, stating "the most important change that occurred during printing of lists, from January 1 to February 1, 1913"]. – SPb.: Voennaja Tipografija v zd. Glavshtaba, 1913.
2. Spisok General'nogo Shtaba, ispravlen po 1 ijunja 1914 g. s prilozheniem izmenenij, ob#javlennyh v Vysochajshih prikazah po 18 ijulja 1914 g. [A list of the General Staff, fixed June 1, 1914, with the application of the changes announced in the Higher orders on 18 July 1914]. – Petrograd, 1914 g.
3. Arhangel'skij Aleksej Petrovich: Kartoteka Lihotvorika A. A. [Card Index Of Latveria A.]. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=363>
4. Spisok General'nogo Shtaba (ispravlen po 3-e janvarja s prilozheniem izmenenij po 8 fevralja 1917 g.) [A list of the General Staff (fixed on the 3rd of January with app of the changes on February 8, 1917).] – Petrograd, 1917.
5. Rutyh N.N. Biograficheskij spravochnik vysshih chinov Dobrovol'cheskoj armii i Vooruzhennyh Sil Juga Rossii (Materialy k istorii Belogo dvizhenija) [Biographical directory of the higher ranks of the Volunteer army and the Armed Forces of South Russia (materials for the history of the White movement)]. – М.: Regnum-Rossijskij Arhiv, 1997.
6. Prikazy armii i flotu o chinah voennyh [Orders to the army and Navy to the ranks of the military.] – 1917. – 9 maja.
7. Kavtaradze A.G. Voennye specialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov [Military experts in the service of the Soviet Republic]. – М.: Nauka, 1988. – 276 p.

8. Kavtaradze A. G. Iz istorii Russkogo General'nogo Shtaba [From the history of the Russian General Staff] // Voенно-Istoricheskiy Zhurnal [Military-Historical Magazine]. – 1976. – № 3.
9. Izvestija Narkomata po voennym delam [News of the people's Commissariat for military Affairs]. 1918 g.
10. Rossijskiy gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian state military archive]. RGVA [RSVA]. F. 3. Op. 1. D. 51.
11. RGVA [RSVA]. F. 3. Op. 1. D. 57.
12. RGVA [RSVA]. F. 11. Op. 6. D. 96.
13. Kaminskij V.V. Sergej Alekseevich Kuznecov – «sobiratel'» «genshtabistov» dlja Krasnoj Armii (vesna – osen' 1918 g. [Sergey Kuznetsov – "collector" of "staff" for the red Army (spring – autumn 1918.)] // Problemy novejshej istorii Rossii. Sbornik statej k 70-letiju so dnja rozhd. G. L. Soboleva [Problems of modern history of Russia. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary from the day of birth. G. L. Sobolev]. – SPb.: Izdat. Dom St-Peterburgskogo Universiteta, 2005.
14. RGVA [RSVA]. F. 11. Op. 4. D. 29.
15. Shmaglit R. G. Beloe dvizhenie. 900 biografij krupnejshih predstavitelej russkogo voennogo zarubezh'ja [The white movement. 900 biographies of the leading representatives of the Russian military abroad]. – M.: Zebra E., 2006. – 346 p.
16. Kaminskij V. V. General'nogo shtaba general-lejtenant N.N. Stogov – dobrosovestnyj voennyj specialist Krasnoj Armii ili zavedomyj «vreditel'» v ee rjadah? [The General staff, Lieutenant-General N. N. Stogov – a bona fide military expert of the red Army or the notorious "pest" in its ranks?] // Novejšhaja Istorija Rossii [The Recent History Of Russia]. – 2015. – № 1.
17. Denikin A. I. Oчерki ruskoj smuty. T. 2: Bor'ba generala Kornilova (avgust 1917 g. – april' 1918 g.) [Essays on Russian troubles. Vol. 2: the Fight of General Kornilov (August 1917 – April 1918)]. – M.: Nauka, 1991. T. 2. – 733 p.
18. RGVA [RSVA]. F. 11. Op. 6. D. 91.
19. Klaving V. V. Kto byl kto v Beloj gvardii i voennoj kontrrevoljucii (1917–1923 gg.). Jenciklopedicheskiy Spravochnik [Who was who in the White guard and the military counter-revolution (1917–1923 years). Encyclopedic Reference]. – SPb.: Nestor, 1998.
20. RGVA [RSVA]. F. 1. Op. 1. D. 253.
21. RGVA [RSVA]. F. 11. Op. 5. D. 97.
22. RGVA [RSVA]. F. 11. Op. 6. D. 134.
23. Kaminskij V.V. Vypuskniki Nikolaevskoj Akademii General'nogo Shtaba na službe v Krasnoj Armii [The graduates of the Nicholas Academy of the General Staff serving in the red Army]. – SPb.: Aletejja, 2011.
24. Nezabytye mogily. Rossijskoe zarubezh'e: nekrologi 1917–1997 gg. [Unforgotten graves. Russian abroad: obituaries 1917–1997]. V 6-ti tomah. Sost. Chuvakov V. I. – T. 1. – M., 1999.
25. Arhangel'skiy Aleksej Petrovich [Arkhangelsk Alexey Petrovich]. RIA. – URL: <http://www.regiment.ru/bio/A/685.htm>

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

УДК 93(47)"1851/1917"
ГРНТИ 03.23.31

А.Е. Жукова

Особенности повседневной жизни служащих Министерства иностранных дел России второй половины XIX – начала XX в.

В статье на основании личных историй некоторых служащих центральных учреждений МИД России второй половины XIX – начала XX в. (А.А. Толстого, М.А. Гамазова, А.А. Базилевского и др.) анализируются основные аспекты повседневной жизни чиновников МИД. Источниковую базу статьи составляют несколько типов источников, в первую очередь делопроизводственные документы, формулярные списки ряда служащих МИД, а также источники личного происхождения: воспоминания и дневники чиновников, письма, личные документы и пр. Рассматриваются особенности будних дней чиновников, связанные не только с выполнением служебных обязанностей и распределением рабочего времени, но и посещением различных мероприятий, которые могли иметь непосредственное отношение к дипломатическим функциям министерства. Помимо того, затрагивается тема выходных дней и способов их проведения, продолжительности отпусков и особенностей отдыха чиновников, их внерабочих занятий и увлечений. Отмечена специфическая для данного ведомства взаимосвязь служебных и неофициальных контактов, необходимость ведения светского образа жизни, а также отношение самих служащих к данному положению вещей. Показан сложный многосторонний характер жизни и деятельности чиновников, входящих в личный состав центральных учреждений министерства, судьба каждого из которых заслуживает отдельного внимания.

Ключевые слова: Россия, дипломатия, чиновничество, дворянство, государственное управление, повседневная жизнь.

А.Е. Zhukova

Features of daily life of employees of the Russian Ministry of Foreign Affairs in the second half of XIX – early XX century

The article based on the personal stories of some officials of the central institutions of the Russian Foreign Ministry the second half of XIX – early XX century (A.A. Tolstoy, M.A. Gamasov, A.A. Basilewski etc.) examines the basic aspects of daily life MFA officials. Source base of the article comprises several types of sources, primarily business documents, official lists of a number of employees of the Foreign Ministry, as well as sources of personal origin: memories and diaries of officials, letters, personal documents, etc. The features of weekdays, not only related to the performance of official duties and the distribution of working time, but also visits to the various measures that could be directly related to

---

© Жукова А.Е., 2016
© Zhukova A.E., 2016

the diplomatic functions of the Ministry. In addition to being affected by the theme of the weekend, and methods of their implementation, the duration of the holiday and features recreation officials, their outside business activities and hobbies. There was a specific relationship to the agency official and unofficial contacts, the need to maintain a secular way of life, as well as the attitude of the employees to the present state of affairs. Showed a complex multifaceted nature of the life and work of officials, members of the staff of the central institutions of the Ministry, the fate of each of which deserves special attention.

Key words: Russia, diplomacy, bureaucracy, the nobility, public administration, daily life.

Одной из ведущих тенденций в развитии отечественной исторической науки в последние десятилетия стало исследование повседневной жизни и деятельности людей прошлого. История становится гораздо более интересной, когда позволяет узнать подробности того, как жили наши предки, каковы были их ежедневные занятия и заботы, как они проводили свободное время и чем увлекались. Среди множества различных направлений в рамках изучения повседневности можно выделить тему российского чиновничества. В данной статье предпринимается попытка определить и охарактеризовать особенности повседневной жизни служащих центральных учреждений Министерства иностранных дел России во второй половине XIX – начале XX вв. Для выполнения этой задачи были привлечены несколько типов источников, в первую очередь делопроизводственные документы: циркуляры по Министерству иностранных дел [1; 2], а также формулярные списки некоторых служащих МИД, находящиеся в Российском государственном историческом архиве [3; 4]. Помимо того, большое значение в вопросе изучения повседневной жизни имеют источники личного происхождения: воспоминания и дневники чиновников, письма, личные документы, приглашительные и пр. [5–12] Также не менее важным источником являются ежегодные издания министерства – «Ежегодники Министерства иностранных дел» [13–34]. В них регулярно публиковалась, кроме всего прочего, информация о МИД, а именно личный состав центральных и заграничных установлений министерства, что позволяет отследить передвижения чиновников по служебной лестнице.

В основе данной статьи лежат личные истории нескольких служащих МИД: А.А. Толстого, чиновника канцелярии; М.А. Гамазова, начальника учебного отделения восточных языков; А.А. Базилевского, дипломата и чиновника Азиатского департамента, и др., изучив которые можно получить представление о повседневной жизни представителей разного уровня личного состава Министерства иностранных дел России.

Одним из рядовых служащих МИД являлся граф Александр Александрович Толстой, который, как и многие его коллеги, был выпускником Александровского лицея, где регулярно получал похвальные листы «за благонравие, прилежание и отличные успехи в науках» [9. Л. 1, 32–35]. Благодаря данным Ежегодников МИД [29–34] известно, что поступил на

службу граф А.А. Толстой в 1892 г., когда в чине титулярного советника был причислен к Департаменту личного состава и хозяйственных дел. В 1897 г. получил чин коллежского асессора и в том же году был награжден темно-бронзовой медалью за труды по Первой Всеобщей переписи населения, свидетельство о чем хранится в материалах РГИА [9. Л. 49]. С 1899 по 1901 г. Александр Александрович состоял при Канцелярии сверх штата, а затем наконец получил штатную должность – 3-го секретаря Канцелярии в чине надворного советника. В этот же период он был награжден французским орденом Почетного легиона [9. Л. 46]. В 1904 г. – назначен 2-м секретарем Канцелярии в чине коллежского советника, в 1906 – награжден орденом Станислава II степени [9. Л. 36], а через два года – еще одним иностранным орденом, на сей раз шведским [9. Л. 47]. Спустя несколько лет граф Толстой получил еще одно повышение по службе (1912 г. – назначен 1-м секретарем Канцелярии [10. Л. 1]), а с 1917 г., как и многие представители дворянства, находился в эмиграции.

Благодаря материалам, хранящимся в РГИА, становится возможным описать рабочие дни служащего МИД. В фонде А.А. Толстого находится большое количество извещений обер-церемониймейстера об участии в различных мероприятиях. В частности, А.А. Толстой был назначен дежурным камер-юнкером по случаю приема императором посла Северо-Американских Соединенных Штатов Уолэса Ридля в январе 1907 г. Ему надлежало облачиться в парадную форму и встречать посла в Александровском дворце в Царском селе [11. Л. 1]. Через 2 года Александр Александрович будет встречать там же нового посла САСШ – Вудвиля Рокхила [11. Л. 3]. Также А.А. Толстой присутствовал в качестве дежурного камер-юнкера на церемонии бракосочетания великой княжны Марии Павловны с принцем Вильгельмом Шведским 17 апреля 1908 г. [11. Л. 2].

Трудовые будни были отнюдь не однообразными и серыми: А.А. Толстой (обратим внимание, что он не относился к «верхушке» министерства, занимая относительно невысокие должности в Канцелярии МИД) регулярно получал разнообразные приглашения на всевозможные мероприятия, к примеру, открытие выставки художника А.Г. Венецианова в Русском музее в четверг, 30 марта 1911 г., в 2 ч дня [11. Л. 4]. Среди документов фонда А.А. Толстого можно обнаружить приглашение на бал в Николаевском зале Зимнего дворца, который считался главным событием бального сезона и который историк О.Ю. Захарова называет «главным балом Российской империи» [35, с. 28]. Важным аспектом является то, что балы подобного уровня имели огромное международное значение ввиду присутствия на них высших чиновников, иностранных дипломатов с семьями и непосредственно представителей МИД, что позволяло наладить и укрепить не только официальные, но и межличностные контакты.

Вечера по будним дням скрашивали званые обеды и балы. В частности, например, встречаем среди документов А.А. Толстого приглашение на обед в фешенебельный ресторан «Контан» вечером в понедельник от одного из видных деятелей российской внешней политики Ивана Алексеевича Зиновьева, который к этому времени (1911) уже входил в Государственный совет, оставив дипломатическую службу.

В отделе рукописей РНБ хранится фонд Матвея Авелича Гамазова [8], сотрудника центрального аппарата МИД России, драгомана и переводчика 5-го класса в 1868–1872 гг., а впоследствии начальника учебного отделения восточных языков в 1873–1893 гг., среди документов которого особый интерес представляют его дневники. Исходя из записей, сделанным Матвеем Авеличем, становится возможным восстановить распорядок дня начальника одного из подразделений Министерства иностранных дел. Сохранился ежедневник М.А. Гамазова за 1890 г., в этот период он был руководителем учебного отделения и состоял в чине тайного советника. Практически каждый день М.А. Гамазов фиксирует в своем дневнике многочисленные визиты и встречи, которые дополнялись также совещаниями с профессорами, беседами с учениками, проведением экзаменов и уроков в учебном отделении. В качестве примера рассмотрим два дня, 15 и 16 апреля 1890 г. Первая половина 15 апреля была занята многочисленными визитами, встречами и беседами, в том числе нашлось время и для рюмки водки, а затем последовал обед и игра в преферанс вечером. Всего за день состоялись встречи с 16 лицами [8. Л. 1]. 16 апреля М.А. Гамазов провел экзамен вместе с профессорами учебного отделения, в процессе встреч обсуждал программы мусульманского права, переписку руководства турецкого языка, различные вопросы преподавания, а завершился день присутствием на именинах у некоего господина Бергоманко [8. Л. 1]. Помимо многочисленных обедов, игры в преферанс и прочих, скорее развлекательных, мероприятий, в дневниках М.А. Гамазова можно встретить, например, запись о его присутствии на свадьбе с перечислением приглашенных гостей [8. Л. 5].

Не менее разнообразно проходили у чиновников министерства и выходные дни. Например, вышеупомянутый А.А. Толстой мог быть гостем на открытии какой-либо выставки или посетить другие мероприятия. Среди материалов его фонда в РГИА мы находим приглашение на открытие Первой показательной выставки последовательного хода работ в различного рода производствах в Манежном корпусе [11. Л. 5], Исторической архитектурно-художественной выставки в Академии художеств и пр. [11. Л. 4–11].

Однако необходимость вести светский образ жизни не для всех представителей МИД была приятна. Так, небезызвестный В.Н. Ламздорф в своем «Дневнике» за 1886–1890 гг. писал: «Чувствую себя целый день несчастным и не в своей тарелке при мысли о том, что

вечером должен ехать на придворный бал... Одна мысль о необходимости быть в обществе уже причиняет мне жестокие страдания» [6, с. 139]. Также необходимо отметить, что в целом в его дневниках основное внимание уделяется описанию рабочих вопросов, относящихся к сфере государственной политики, и практически отсутствуют какие-либо записи, касающиеся личной жизни. При этом все мероприятия, связанные с появлением в обществе, описываются с неприязнью, а выходные и даже праздничные дни В.Н. Ламздорф часто проводил на службе. Это не оставалось незамеченным в министерстве и за его пределами, в частности, С.Ю. Витте написал в своих воспоминаниях, что «граф Ламздорф вечно работал...» [5, с. 112–113].

Что же касается отпусков, то, вероятнее всего, они были не таким частым явлением, однако по продолжительности были существенно больше привычных современному человеку двухнедельных отпусков. Довольно яркий пример представляет собой Александр Александрович Базилевский, который был определен на службу в МИД 12 июля 1850 г. после окончания учебного отделения восточных языков. После 10 лет консульской службы в Персии, а затем Тавриде, в 1860 г. Александр Александрович вернулся в Петербург, где получил новое назначение: сначала помощником столоначальника в Азиатском департаменте с произведением в чин титулярного советника, а затем, 11 декабря 1861 г. – младшим столоначальником в АД. Спустя 2 года, в 1863 г., он уже был старшим столоначальником в АД. После реорганизации МИД в 1868 г. Александр Александрович стал делопроизводителем 7 класса АД. С 1873 г. с получением чина статского советника состоял в ведомстве МИД. За все время службы А.А. Базилевский, согласно его формулярному списку, хранящемуся в РГИА [4. Л. 1–2] был в отпуске три раза: в 1858 г. – с 24 октября на год в Италии и Южной Франции, в 1862 г. – в трехмесячном отпуске и в 1871 г. – всего 29 дней.

М.А. Гамазов в своем ежедневнике за 1890 г. отмечал, что с конца мая и до сентября у него «вакации» в Царском селе, однако при этом уже во второй половине августа он возвратился к выполнению служебных обязанностей и писал, что «экзаменовал сам офицеров. Все превосходно. 5 человек приняты» [8. Л. 5–7]. При этом он являлся начальником учебного отделения восточных языков, соответственно, и рядовым служащим МИД не всегда удавалось полностью отгулять отпуск, так как бывали случаи, когда руководство министерства вызывало чиновников раньше положенного срока, например, в связи с большим объемом работы. В частности, несколько таких телеграмм получил А.А. Толстой, чиновник Канцелярии МИД, от своего руководителя Н.В. Поггенполя, который жаловался на «массу работы» и «просил находящихся в отпуске товарищей вернуться» [12. Л. 1–3]. А.А. Толстой в это время был в Ялте, одном из популярных мест отдыха.

Обобщая приведенные данные, можно выделить некоторые особенности повседневной жизни чиновников МИД России второй половины XIX – начала XX в. Во-первых, необходимо отметить тесное переплетение выполнения непосредственно служебных обязанностей с ведением светского образа жизни, посещением неофициальных мероприятий, личными контактами не только с коллегами, но и другими представителями так называемой «верхушки общества». Для успешного прохождения службы, продвижения по карьерной лестнице просто необходимы были налаженные личные связи и наличие нужных знакомств, соответственно, для тех чиновников МИД, которые стремились к достижению определенных высот в министерстве, это было одним из важнейших факторов жизни и деятельности. Во-вторых, очевидно разнообразие интересов служащих МИД. С одной стороны, мы видим «дипломатов», ведущих светский образ жизни, которые проводят свободное время в изысканных беседах на всевозможных приемах и балах, и это вполне соответствовало действительности для большинства представителей внешнеполитического ведомства любого государства. С другой стороны, среди чиновников МИД были и исключительно интересные ученые и исследователи в различных областях, например, в исторической науке [36, с. 172–176]. Такие служащие российского МИДа, как С.С. Татищев, А.Б. Лобанов-Ростовский, Н.П. Павлов-Сильванский, отнюдь не ограничивали свои жизненные интересы рабочими и бытовыми вопросами, и, благодаря своим трудам, сумели не только достичь успехов в карьере, но и оставить след в российской исторической науке. Таким образом, личный состав министерства предстает перед нами как сложный разно-сторонне развитый организм, где каждый из служащих заслуживает отдельного внимания. В-третьих, несмотря на привилегированность и высокий статус МИД, его чиновники в первую очередь были обычными людьми, со своими желаниями, интересами и заботами, и неправильно было бы рассматривать их лишь как элементы сложной системы государственного управления.

Список литературы

1. Министерство иностранных дел. Его права и обязанности. Сборник практических сведений. Центральные учреждения. Заграничные установления. Консула. – СПб.: Тип. М.П.С. (Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко), 1904. – 23 с.
2. Собрание циркуляров Министерства иностранных дел по Департаменту личного состава и хозяйственных дел. 1840–1908. – СПб.: Тип. насл. А.М. Менделеевича, 1908. – 276 с.
3. Российский государственный исторический архив (далее РГИА) Ф. 1343 – Третьего департамента Сената. Оп. 19. Д. 1597.
4. РГИА. Ф. 891 – Базилевских. Оп. 2. Д. 42.
5. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2 (1894 – октябрь 1905). Царствование Николая II. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 639 с.
6. Ламздорф В.Н. Дневник (1886–1890). – М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. – 396 с.

7. Ламздорф В.Н. Дневник (1894–1896). – М.: Междунар. отношения, 1991. – 456 с.
8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 172 – М.А. Гамазова. Д. 17.
9. РГИА. Ф. 1663 – Толстого Александра Александровича. Оп. 1. Д. 1.
10. РГИА. Ф. 1663 – Толстого Александра Александровича. Оп. 1. Д. 3.
11. РГИА. Ф. 1663 – Толстого Александра Александровича. Оп. 1. Д. 8.
12. РГИА. Ф. 1663 – Толстого Александра Александровича. Оп. 1. Д. 47.
13. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie*. 1868. – SPb.: Impimerie du Journal de ST-P., 1868. – 340 с.
14. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie*. 1870. – SPb.: Impimerie du Journal de ST-P., 1870. – 266 с.
15. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie*. 1871. – SPb.: Impimerie du Journal de ST-P., 1871. – 284 с.
16. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie*. 1872. – SPb.: Impimerie du Journal de ST-P., 1872. – 160 с.
17. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie*. 1873. – SPb.: Impimerie du Journal de ST-P., 1873. – 253 с.
18. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie*. 1874. – SPb.: Impimerie du Journal de ST-P., 1874. – 242 с.
19. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie*. 1875. – SPb.: Impimerie du Journal de ST-P., 1875. – 281 с.
20. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie*. 1876. – SPb.: Impimerie du Journal de ST-P., 1876. – 255 с.
21. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie*. 1878. – SPb.: Impimerie du Journal de ST-P., 1878. – 579 с.
22. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie*. 1879-1880. – SPb.: Impimerie du Journal de ST-P., 1880. – 220 с.
23. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie*. 1883. – SPb.: Impimerie du Journal de ST-P., 1883. – 473 с.
24. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie*. 1884. – SPb.: Impimerie du Journal de ST-P., 1884. – 354 с.
25. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie*. 1885. – SPb.: Impimerie du Journal de ST-P., 1885. – 373 с.
26. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie*. 1886. – SPb.: Impimerie du Journal de ST-P., 1886. – 414 с.
27. Ежегодник Министерства иностранных дел. 1887. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1887. – 476 с.
28. Ежегодник Министерства иностранных дел. 1890. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1890. – 457 с.
29. Ежегодник Министерства иностранных дел. 1891–1892. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1892. – 458 с.
30. Ежегодник Министерства иностранных дел. 1893. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1893. – 820 с.
31. Ежегодник Министерства иностранных дел. 1894. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1894. – 930 с.
32. Ежегодник Министерства иностранных дел. 1895. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1895. – 879 с.
33. Ежегодник Министерства иностранных дел. 1896. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1896. – 561 с.

34. Ежегодник Министерства иностранных дел. 1897. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1897. – 868 с.
35. Захарова О.Ю. Балы России второй половины XIX – начала XX в. – СПб.: Лань; Планета музыки, 2012. – 176 с.
36. Жукова А.Е. За границами служебных обязанностей: дипломаты-исследователи на службе в Российском Министерстве иностранных дел во второй половине XIX века // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016.

References

1. *Ministerstvo Inostrannyh del. Ego prava i objazannosti. Sbornik prakticheskikh svedenij. Central'nye uchrezhdenija. Zagranichnye ustanovlenija. Konsula.* [Ministry of Foreign Affairs. Its rights and duties. The collection of practical information. Headquarters. Foreign establishment. Consuls]. – St. Petersburg: Tip. M.P.S. (T-va I.N. Kushnerev i Ko), 1904. – 23 p.
2. *Sobranie Cirkuljarov Ministerstva Inostrannyh del po Departamentu Lichnogo sostava i Hozjajstvennyh del. 1840–1908.* [Collection of Circulars of the Ministry of Foreign Affairs at the Department of personnel and economic affairs. 1840–1908]. – St. Petersburg: Tip. nasl. A.M. Mendeleevicha, 1908. – 276 p.
3. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 1343 – Tret'ego Departamenta Senata. Op. 19. D. 1597.
4. *RGIA.* [RSHA]. F. 891 – Bazilevskih. Op. 2. D. 42.
5. *Vitte S.Ju. Vospominanija.* [Memories]. Т. 2. (1894 – oktjabr' 1905). *Carstvovanie Nikolaja II.* [(1894 – October 1905). Nicholas II's reign]. – Moscow.: Socjkgiz, 1960. – 639 p.
6. *Lamzdorf V.N. Dnevnik (1886–1890).* [Diary (1886–1890)]. – Moscow-Leningrad: State Publishing house, 1926. – 396 p.
7. *Lamzdorf V.N. Dnevnik (1894–1896).* [Diary (1894–1896)]. – Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1991. – 456 p.
8. *Otdel Rukopisej Rossijskoj Nacional'noj Biblioteki.* [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. F. 172 – Gamazova M.A. D. 17.
9. *RGIA.* [RSHA]. F. 1663 – Tolstogo Aleksandra Aleksandrovicha. Op. 1. D. 1.
10. *RGIA.* [RSHA]. F. 1663 – Tolstogo Aleksandra Aleksandrovicha. Op. 1. D. 3.
11. *RGIA.* [RSHA]. F. 1663 – Tolstogo Aleksandra Aleksandrovicha. Op. 1. D. 8.
12. *RGIA.* [RSHA]. F. 1663 – Tolstogo Aleksandra Aleksandrovicha. Op. 1. D. 47.
13. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie. 1868.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1868]. – St. Petersburg: Impimerie du Journal de ST-P., 1868. – 340 p.
14. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie. 1870.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1870]. – St. Petersburg: Impimerie du Journal de ST-P., 1870. – 266 p.
15. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie. 1871.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1871]. – St. Petersburg: Impimerie du Journal de ST-P., 1871. – 284 p.
16. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie. 1872.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1872]. – St. Petersburg: Impimerie du Journal de ST-P., 1872. – 160 p.
17. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie. 1873.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1873]. – St. Petersburg: Impimerie du Journal de ST-P., 1873. – 253 p.
18. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie. 1874.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1874]. – St. Petersburg: Impimerie du Journal de ST-P., 1874. – 242 p.
19. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie. 1875.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1875]. – St. Petersburg: Impimerie du Journal de ST-P., 1875. – 281 p.

20. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie. 1876.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1876]. – St. Petersburg: Impimerie du Journal de ST-P., 1876. – 255 p.
21. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie. 1878.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1878]. – St. Petersburg: Impimerie du Journal de ST-P., 1878. – 579 p.
22. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie. 1879-1880.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1879-1880]. – St. Petersburg: Impimerie du Journal de ST-P., 1880. – 220 p.
23. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie. 1883.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1883]. – St. Petersburg: Impimerie du Journal de ST-P., 1883. – 473 p.
24. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie. 1884.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1884]. – St. Petersburg: Impimerie du Journal de ST-P., 1884. – 354 p.
25. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie. 1885.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1885]. – St. Petersburg: Impimerie du Journal de ST-P., 1885. – 373 p.
26. *Annuaire diplomatique du L'Empire de Russie. 1886.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1886]. – St. Petersburg: Impimerie du Journal de ST-P., 1886. – 414 p.
27. *Ezhegodnik Ministerstva Inostrannyh del. 1887.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1887]. – St. Petersburg: Tipografija Trenke i Fjusno, 1887. – 476 p.
28. *Ezhegodnik Ministerstva Inostrannyh del. 1890.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1890]. – St. Petersburg: Tipografija Trenke i Fjusno, 1890. – 457 p.
29. *Ezhegodnik Ministerstva Inostrannyh del. 1891-1892.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1891–1892]. – St. Petersburg: Tipografija Trenke i Fjusno, 1892. – 458 p.
30. *Ezhegodnik Ministerstva Inostrannyh del. 1893.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1893]. – St. Petersburg: Tipografija Trenke i Fjusno, 1893. – 820 p.
31. *Ezhegodnik Ministerstva Inostrannyh del. 1894.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1894]. – St. Petersburg: Tipografija Trenke i Fjusno, 1894. – 930 p.
32. *Ezhegodnik Ministerstva Inostrannyh del. 1895.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1895]. – St. Petersburg: Tipografija Trenke i Fjusno, 1895. – 879 p.
33. *Ezhegodnik Ministerstva Inostrannyh del. 1896.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1896]. – St. Petersburg: Tipografija Trenke i Fjusno, 1896. – 561 p.
34. *Ezhegodnik Ministerstva Inostrannyh del. 1897.* [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs. 1897]. – St. Petersburg: Tipografija Trenke i Fjusno, 1897. – 868 p.
35. *Zaharova O.Ju. Baly Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka.* [Balls of Russia in the second half of XIX - early XX century]. – St. Petersburg: Publishing house «Lan'»; Publishing house «Planeta Muzyki», 2012. – 176 p.
36. *Zhukova A.E. Za granicami sluzhebnyh objazannostej: diplomaty-issledovateli na sluzhbe v Rossijskom Ministerstve inostrannyh del vo vtoroj polovine XIX veka* [Beyond the limits of official duties: diplomats-researchers at the service of the Russian Ministry of Foreign Affairs in the second half of the XIX century] // *Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17–19 marta 2016 g.* [Material factor and entrepreneurship in the everyday life of the Russian population: Past and Present: Proceedings of the international scientific conference, 17–19 March 2016]. – St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2016. – P. 172–176.

О.В. Северцева

**Образование, воспитание и мечты
женщин-работниц фабрик и заводов Санкт-Петербурга
во второй половине XIX – начале XX вв.**

В статье анализируется морально-нравственное состояние женщин – фабричных работниц Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв. Мечты этих женщин сводились к удовлетворению самых простых человеческих потребностей. Причины таких чаяний очевидны: отсутствие качественного образования и воспитания, низкий материальный уровень жизни, тяжелый монотонный труд, постоянное психологическое и физическое насилие со стороны мужчин. Даже государственная власть не считала своей обязанностью менять годами сложившийся стереотип отношения к женщине.

Ключевые слова: женщины, Санкт-Петербург, вторая половина XIX – начало XX вв., образование, воспитание, мечты.

O.V. Severtseva

**Education, training and dreams of women-workers of St. Petersburg
factories and plants in second half XIX – early XX centuries**

In article it to be told about female factory workers of St. Petersburg in the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries. Dreams of these women were reduced to satisfaction of the lowest human wants. The reasons of such expectations were simple: lack of quality education and training, a low material standard of living, hard monotonous work, a constant psychological and physical abuse from men. Even the government didn't consider as the duty to change for years the developed stereotype of the attitude towards the woman.

Key words: women, St. Petersburg, the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries, education, education, dreams.

Реформы, проводимые в нашем государстве во второй половине XIX – начале XX вв., затронули различные сферы общественных отношений. Не обошли нововведения и сферу народного образования. Необходимость преобразований на поприще просвещения была продиктована ужасающими цифрами уровня грамотности среди населения

Российской империи. Только 29,3 % мужчин и 13,1 % женщин в стране к концу XIX столетия были грамотны [1, с. 64].

В среде петербургских рабочих эти цифры были значительно выше. Так, процент грамотных мужчин, работников столичных фабрик и заводов был равен 74,8 %, женщин – 40,8 % [1, с. 64]. Но процесс модернизации в России требовал не просто работников, которые умеют читать и писать, а высококвалифицированных специалистов, занятых в промышленном производстве.

Однако многие общественные деятели считали, что детям из бедных семей ни к чему получать образование. По их мнению, «большинству этих подростков предстоит трудовая жизнь, причем исключительно физический труд, а соответственно школа для них является «предметом роскоши», поэтому бедным нужно давать только те знания, которые можно применить в будущей жизни» [2, с. 23].

И сами родители, сохраняя традиции патриархального общества, не видели необходимости в получении образования для своих детей. Так, родители крестьянского мальчика, который упрашивал отпустить его в школу, отвечали ребенку: «Ну, полно, дитя, мы и неграмотны, да живем» [3. Л. 2].

Образование же для женщин из бедных семей, по мнению многих, вообще не имело никакого смысла. Не только правительство России, но и либеральные деятели в области народного образования не видели необходимости давать женщине глубокую образовательную и профессиональную подготовку. «Назначение женщины – это семья, – говорилось в докладе по вопросу о содержании профессионального образования женщин на I съезде по техническому и профессиональному образованию, – всякого рода познания, и общеобразовательные, и ремесленные, нужны ей в семье и для семьи» [4].

Так, например, в Санкт-Петербурге в 1882 г. только 29,9 % девочек в возрасте 7–12 лет обучалось в низших школах. И только 7,1 % девочек этого же возраста посещали городские училища [5, с. 97].

Чуть подросших детей старались как можно раньше устроить на работу. По словам Я. Абрамова: «...наши фабриканты и заводчики не церемонятся принимать на работу детей 8, 7 и даже 6 (!) лет» [6]. Некоторые девушки рассказывали, что стали работать на фабрике даже с пятилетнего возраста [7].

Тем не менее устройство детей на фабрику было большой удачей для родителей и для самого ребенка. По мнению А.Н. Ацаркина: «Вот почему молодежь всеми силами стремилась на фабрики, заводы; 10, 11 ч все же лучше, чем полная прикованность к станку; 40–60 коп. в день казались богатством в сравнении с 10–15 коп., которые подросток зарабатывал на дому или у хозяина кустаря» [8, с. 60].

Сами «родители нередко подделывали документы своим детям – приписывали лета – и были рады, когда удавалось умолить мастера или

мастерицу принять дочку в мастерскую» [9, с. 65]. Обучение проходило в самих цехах фабрики или завода. Большой радостью было, когда работница получала «свой» станок [8, с. 69].

Но, работая на фабрике, молодые девушки не переставали мечтать о лучшей жизни. «Одна из работниц описывала ситуацию в пролетарской семье следующим образом: «При 11-часовом рабочем дне [я] получала в день 13 коп. Заставляли работать сверхурочно, платили за 1 час – 1 коп.... Мои сверстницы искали выхода из этого положения в замужестве. Думали так – вот поработаю до 18 лет на фабрике, потом выйду замуж, муж будет работать, а я дома по хозяйству. Но выходило совсем не так: заработок мужа мал, а появлялся ребенок, другой, и поневоле она бросала детей без присмотра и возвращалась опять к станку»» [цит. по: 10, с. 51].

Таким образом, получение образования девочками, воспитывавшимся в рабочих семьях, было довольно затруднительно. Это было связано с традициями и обычаями российского общества, низким материальным уровнем жизни семьи и нежеланием государства взять на себя расходы по образованию бедных слоев населения страны.

Другой традицией родительского воспитания девочек в России было требование от них совершенного подчинения не только родителям, но и вообще мужчине. Мальчиков и девочек в семьях воспитывали по-разному. Девочкам прививали умение быть послушной, терпеливой, уступчивой. «...Поведение девочек ограничивалось в большей степени, чем мальчиков, им прививалась их подчиненность, а мальчикам – превосходство. Девочек воспитывали физически и психологически беззащитными, внушая им послушание и второсортность и навязывая определенный комплекс вины [2, с. 30].

Хозяева, администрация фабрик грубо обращались с женщинами, а сами рабочие-мужчины нередко применяли физическую силу, в случае непослушания работниц [11, с. 270].

Одна из работавших на текстильном предприятии столицы женщин так описывала отношение администрации к работницам фабрики: «Особенно плохо приходится в этом отношении женщинам и девочкам-подросткам, с которыми как с более слабыми и безответными мастера совсем не стесняются, а за отказ от гнусных предложений работницы нередко подвергаются расчету» [8, с. 44].

Воспитанные в постоянном страхе, необразованные девочки становились объектом для домогательств со стороны администрации фабрик. Огромное количество случаев сексуальных притязаний к работницам фабрик и заводов описаны исследователями жизни фабричных рабочих [12, с. 27; 9, с. 85; 8, с. 44]. Но еще ужасней, когда сексуальное насилие совершалось с позволения родителей девушки. Такой случай произошел на фабрике по производству резиновых изделий «Треугольник» в Санкт-Петербурге в 1912 г. К фабричной работнице Казиковой выказывал свое

расположение мастер этого предприятия. Девушка не отвечала ему взаимностью. Тогда он познакомился с ее отцом, который проживал в богадельне. Отец, веря в порядочность мастера, поручил ему присматривать за дочерью, «чтобы она не избаловалась». Мастер стал вести себя нагло и фамильярно. Девушке пришлось уволиться с фабрики. Мастер пожаловался ее отцу, что «его дочь груба, непослушна, непокорна». Отец забрал у дочери все деньги и вещи, оставив ей только одежду, которая на ней была одета. Девушке пришлось вернуться на фабрику. «Преследование закончилось изнасилованием» [13].

Никаких правовых возможностей для защиты своей чести и достоинства у работниц не было. Однажды работницы одной из столичных фабрик решились опубликовать материалы о мастере на их предприятии, который постоянно заставлял девушек вступать с ним в половые отношения. Статья об этом человеке появилась в газете. Мастер немного притих, и некоторое время девушки могли работать спокойно. Но затем, когда он понял, что никакого наказания ему не грозит, вновь принялся за свое. Девушки фабрики принесли в газету доказательства nepотpeбнoгo пoвeдeния их начальника. Но корреспондент решил, что совершенно незачем «шельмовать какого-нибудь одного Кузьму Сидоровича или Сидора Кузьмича, когда ему подобные не лучше» [14].

Понимая, что никакого наказания за домогательства, избиение, насилие хозяевам и администрации фабрик не грозит, девушкам оставалось только терпеть и молчать, что еще больше унижало и угнетало их, уничтожая женское самолюбие и уважение к себе. Бывали случаи, когда работницы кончали жизнь самоубийством. «Каждый год на нашей фабрике травятся; мотивы: «не выдержала крепостного гнета», «опозоренная»... «со стыда» [8, с. 44].

Именно из среды работниц и прислуги столицы выходило более всего женщин, занимавшихся проституцией [15]. Проституция, в том числе и детская, была в пореформенные годы настоящим позором для С.-Петербурга. Она явно отображала все социально-экономические проблемы низших слоев населения города. По данным врача Федорова за 1909 г. «при вечерних полицейских обходах бань, гостиниц, ночлежных домов попадаются иногда проститутки детского возраста, начиная с 15 лет и кончая 11-летним возрастом» [16].

Но проституцией девушки начинали заниматься не только по принуждению, но и в попытке найти более легкую, красивую жизнь. Ведь в городе, в отличие от деревни, откуда прибывало большинство фабричных работниц, они смогли увидеть другой уровень жизни.

Городская жизнь для женщин-крестьянок была более насыщенной и разнообразной, чем в деревне. Все свободное время женщины-работницы фабрик и заводов могли посвятить себе. Они стали интересоваться модой, могли посещать городские праздники и гулянья, катать-

ся на качелях, слушать песни, смотреть кукольный театр с участием Петрушки или цирковые представления [17].

Помимо этого, в Санкт-Петербурге в начале XX столетия стали открываться различные легальные просветительские общества, воскресные школы, где молодежь могла получить знания по тем или иным предметам. Это были общества «Знание и свет» на Нарвской заставе, «Источник света и знаний» на Васильевском острове, культурно-просветительное общество «Наука» и другие [18, с. 94; 19, с. 66]. Там работников фабрик обучали арифметике, русскому языку, географии, читали произведения классической и современной литературы [18, с. 94; 19, с. 66]. Вместе с тем в этих обществах подчас уделялось больше внимания агитационной работе, чем повышению уровня образования женщин. «Зачастую большевики были ведущей силой преподавательского коллектива. Кроме общеобразовательных знаний, они несли в среду рабочих идеи научного социализма» [8, с. 67]. Но для женщин-работниц идеи социального равноправия были совсем не понятны, их интересовала сентиментальная литература такая, как говорила одна из работниц, «чтобы я поплакать могла» [20, с. 55]. Книги, в которых рассказывалось об их тяжелой жизни, также были мало интересны работницам. «Возможность слез, потрясения, умиления, разрядки чувств – для них основное, что ценно в искусстве» [20, с. 55].

Результатом недостатка образования и должного воспитания в среде женщин-работниц стал и их уровень нравственного развития. В их обществе были приняты пьянство, ругань, шумные гулянья и песнопения. Многие конфликтные вопросы решались с помощью драк. Отношения в женской среде работниц строились на подчинении силе и мнению большинства. «Бабы праздники», «женские сходки», «магарычи» с вновь поступившей работницы всегда сопровождались обилием спиртных напитков, громких разговоров, песен, плясок [21; 22, с. 343; 23. Л. 13–15].

Загруженная с раннего детства работой, отягощенная постоянными домашними заботами и хлопотами, унижаемая мужчинами на работе и дома, малообразованная и не очень хорошо воспитанная женщина-фабричная работница мечтала только о том, что однажды в ее жизни наступит такой день, когда ей можно будет вообще не трудиться.

Вот как такую ситуацию описывала одна молодая учительница. Она взяла себе в помощницы женщину, которая работала раньше на фабрике. Это «была красивая молодая баба, как говорится, кровь с молоком. Она нисколько не походила на бледных худых фабричных работниц, с 12–13 лет, закупоренных в душном и сыром здании фабрики» [24]. Оказалось, что Матрена, так звали женщину, сбежала от мужа, которого не любила. Учительница очень гордилась своей помощницей. Ведь Матрена смогла «сбросить тупую покорность, которая заставляет быть рабом обычаев, предрассудков, которые со временем утратили свою силу и

только коверкают жизнь людей» [24]. Долгое время поговорить по душам учительнице с Матреной не удавалось. Но наконец, она поведала, что мечта ее родиться в большом и красивом доме, «я бы тогда в шляпах ходила, хорошо бы ела и ничего не делала» [24].

Подводя итог, можно с грустью отметить, что грезы работниц столичных фабрик во второй половине XIX – начале XX вв. сводились к удовлетворению самых простых человеческих потребностей. Женщины мечтали только о том, чтобы вдоволь наесться, красиво одеться и развлечься. Отсутствие качественного образования и воспитания, неустроенный быт, тяжелые условия труда, постоянно униженное состояние не позволяли им мечтать о чем-то более высоком. Женщины не имели никакой правовой возможности получить поддержку и защиту от государственной власти. Неудивительно, что работницы Санкт-Петербургских фабрик поддавались агитации различных, революционно настроенных организаций.

Список литературы

1. Бернштейн-Коган С.В. Численность, состав и положение петербургских рабочих. Опыт статистических исследований: тр. студ. эконом. отд. С.-Петерб. политехн. ин-та императора Петра Великого; № 4. – СПб.: Петерб. политехн. ин-т им. Петра Великого, 1910. – 188 с.
2. Синова И.В. Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861–1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2014. – 37 с.
3. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Архив И.И. Срезневского. Ф. 734. Д. 36.
4. Шубович В.Г. Становление профессионального образования в России на рубеже XIX–XX вв. // Право и образование. – 2012. – № 2. – С. 139–140.
5. Статистический ежегодник Санкт-Петербурга: материалы по статистике С.-Петербурга. – СПб.: Изд. статист. отд. городской управы, 1882.
6. Абрамов Я. Из фабрично-заводского мира. Ч. I // Отеч. зап. – 1882. – № 3. – С. 12–13.
7. Покровская М.И. Условия жизни петербургской фабричной работницы // Женский вестн. – 1903. – № 3. – С. 76.
8. Ацаркин А.Н. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России (1900 – октябрь 1917), 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мысль, 1976. – 415 с.
9. Шабалин Б.И. Фабрика на Обводном. Очерк истории завода «Красный треугольник». Кн. 1. 1860–1917. – Л.: Лениздат, 1949. – 340 с.
10. Верemenко В.А., Тропов И.А. История модернизации в России во второй половине XIX – начале XX вв.: учеб. пособие. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – 93 с.
11. Северцева О.В. Охрана труда женщин-фабричных работниц во второй половине XIX – начале XX века // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития. (Навстречу 300-летию российской полиции): материалы междунар. науч.-теорет. конф. Т. I. – СПб.: СПб ун-т МВД, 2016. – С. 270.
12. Сукновалов А.Е., Фоменков И.Н. Фабрика «Красное знамя». Очерки истории Ленинградской государственной ордена Ленина трикотажно-чулочной фабрики «Красное знамя». 1855–1967. – Л.: Лениздат, 1968. – 448 с.

13. Покровская М.И. Женский труд в России. // Женский вестник. – 1913. – № 9. – С. 181.
14. Иванова. Женщина-работница // Женский вестник. – 1911. – № 2. – С. 48–49.
15. Покровская М.И. // Женский вестник. – 1908. – № 3. – С. 67.
16. Покровская М.И. О проституции малолетних // Женский вестн. – 1912. – № 7–8. – С. 150.
17. Engel V. Between the fields and the city: women, work, a family in Russia, 1861–1914. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. – P. 155–156.
18. Артюхина А.В. и др. Женщины в революции. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. – 471 с.
19. Ганелин Р.Ш., Ушаков В.А. Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 – февраль 1917 гг.). – Л.: Лениздат. 1986. – 432 с.
20. Шагинян М.С. Фабрика Торнтон. – М.; Л.: Центр. упр. печати ВСНХ СССР, 1925. – 71 с.
21. Полищук Н.С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX вв.). Электронный ресурс. – URL: <http://hist.msu.ru>. (дата обращения: 09.05.2015). – С. 118–121.
22. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин. 2003. – 548 с.
23. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА СПб.). Ф. 1229. Оп. 1. – Фабричная инспекция Петроградской губернии (г. Петроград). Д. 15.
24. Пронина К. Матрена // Женский вестник. – 1907. – № 3. – С. 68–71.

References

1. Bernshtejn-Kogan S.V. Chislennost', sostav i polozhenie peterburgskih rabochih. Opyt statisticheskikh issledovanij. (Trudy studentov Jekonomicheskogo otdela Sankt-Peterburgskogo politehnicheskogo instituta imperatora Petra Velikogo; № 4). [Number, structure and position of the St. Petersburg workers. Experience of statistical researches.] – St. Petersburg.: St. Petersburg polytechnical institute of Peter the Great, 1910. – 188 p.
2. Sinova I.V. Deti trudjashhegosja naselenija v gorodskom rossijskom sociume v 1861-1914 gg.: problemy deviantnosti i viktimizacii (na materialah Sankt-Peterburga). avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk. [Children of the worker of the population in city Russian society in 1861-1914: problems of deviance and victimization (on materials of St. Petersburg)] – St.Petersburg, 2014. – 37 p.
3. Rossijskaja nacional'naja biblioteka. Otdel rukopisej. Arhiv I.I.Sreznevskogo. [I. I. Sreznevsky's archive]. F. 734. D. 36.
4. Shubovich V.G. Stanovlenie professional'nogo obrazovanija v Rossii na rubezhe XIX-XX vv. [Formation of professional education in Russia at a boundary of the 19-20th centuries.] // Pravo i obrazovanie. [Right and education.] – 2012. – №2. – P. 139–140.
5. Statisticheskij ezhegodnik Sankt-Peterburga: Materialy po statistike S.-Peterburga. [Statistical year-book of St. Petersburg: Materials according to St.-Petersburg.] – St. Petersburg, 1882.
6. Abramov Ja. Iz fabrichno-zavodskogo mira. Chast' I. [From the factory world. Part I.] // Otechestvennye zapiski. [Domestic notes.] – 1882. – № 3. – P. 12–13.
7. Pokrovskaja M.I. Uslovija zhizni peterburgskoj fabrichnoj rabotnicy. [Living conditions of the St. Petersburg factory worker] // Zhenskij vestnik. [Female messenger] – 1903. – №3. – P. 76.
8. Acarkin A.N. Zhizn' i bor'ba rabochej molodezhi v Rossii (1900 – oktjabr' 1917), 2-e pererabotannoe i dopolnennoe izdanie. [Life and fight of young workers in Russia (1900 – October, 1917)]. – Moscow, Thought. 1976. – 415 p.

9. Shabalin B.I. Fabrika na Obvodnom. Oчерk istorii zavoda Krasnyj Treugol'nik. Kniga pervaja. 1860–1917. [Fabrik on Bypass. Sketch of history of plant Red Triangle. Book the first. 1860–1917]. – Leningrad: Lenizdat, 1949. – 340 p.
10. Veremenko V.A., Tropov I.A. Istorija modernizacii v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: uchebnoe posobie. [Modernization history in Russia in the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries: aid for studies]. – St. Petersburg: LGU, 2015. – 93 p.
11. Severceva O.V. Ohrana truda zhenshin-fabrichnyh rabotnic vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka. [Labor protection of female factory workers in the second half of XIX – the beginning of the 20th century] // Gosudarstvo i pravo: jevoljucija, sovremennoe sostojanie, perspektivy razvitija. (navstrechu 300-letiju rossijskoj policii): Materialy mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii. T. I. [State and right: evolution, current state, prospects of development. (towards to the 300 anniversary of the Russian police): Materials of the international scientific-theoretical conference. T. I]. – St. Petersburg, 2016. – P. 270.
12. Suknovalov A.E., Fomenkov I.N. Fabrika «Krasnoe znamja». Oчерki istorii Leningradskoj gosudarstvennoj ordena Lenina trikotazhno-chulochnoj fabriki «Krasnoe znamja». 1855–1967. [Factory "Red Flag." Studies in the History of the Leningrad State Order of Lenin, the knitted hosiery factory "Red Flag." 1855–1967]. – Leningrad: Lenizdat, 1968. – 448 p.
13. Pokrovskaja M.I. Zhenskij trud v Rossii. [Female work in Russia.] // Zhenskij vestnik. [Female messenger.] – 1913. – № 9. – P. 181.
14. Ivanova. Zhenshhina-rabotnica. [Female worker] // Zhenskij vestnik. [Female messenger]. – 1911. – № 2. – P. 48–49.
15. Pokrovskaja M.I. // Zhenskij vestnik. [Female messenger]. – 1908. – № 3. – P. 67.
16. Pokrovskaja M.I. O prostitucii maloletnih. [About prostitution of juveniles.] // Zhenskij vestnik. [Female messenger]. 1912. – № 7–8. – P. 150.
17. Engel B. Between the fields and the city: women, work, a family in Russia, 1861–1914. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. – P. 155–156.
18. Artjuhina A.V. i dr. Zhenshhiny v revoljucii. [Women in revolution]. – Moscow: State publishing house of political literature, 1959. – 471 p.
19. Ganelin R.Sh., Ushakov V.A. Krushenie carizma. Vospominanija uchastnikov revoljucionnogo dvizhenija v Petrograde (1907 – fevral' 1917 gg). [Collapse of tsarism. Memoirs of participants of revolutionary movement in Petrograd (1907 – February, 1917)]. – Leningrad: Lenizdat, 1986. – 432 p.
20. Shaginjan M.S. Fabrika Tornton. [Factory Thornton.] – Moscow, Leningrad: Central management of the press of VSNKh of the USSR. 1925. – 71 p.
21. Polishhuk N.S. Obychai i nrawy rabochih Rossii (konec XIX – nachalo XX vv.) [Traditions and customs workers in Russia (end of XIX - early XX centuries.)]. Jelektronnyj resurs: URL: <http://hist.msu.ru>. Data dostupa: 09.05.2015. – P. 118–121.
22. Mironov B.N. Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): genezis lichnosti, demokraticheskoj sem'i, grazhdanskogo obshhestva i pravovogo gosudarstva. [Social history of Russia of the period of the empire (XVIII – the beginning of the 20th century): genesis of the personality, democratic family, civil society and constitutional state. T. 1–2]. – St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. – 548 p.
23. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (CGIA SPb.). F. 1229. Op. 1. – Fabrichnaja inspekcija Petrogradskoj gubernii (g. Petrograd). D. 15. [Central state historical archive (CSHA St.Petersburg.). Fund 1229. Inventory 1. – Factory inspection of the Petrograd province Petrograd) Delo 15].
24. Pronina K. Matrena [Matrna.] // Zhenskij vestnik [Female messenger]. – 1907. – № 3. – P. 68–71.

А.В. Федькин

**Материально-бытовое положение
петербургских рабочих в годы первой русской революции
в освещении «пролетарской» прессы**

Статья посвящена изучению материально-бытового положения рабочих Петербурга в годы первой русской революции (1905–1907) и основана на анализе периодических изданий, освещавших преимущественно проблемы рабочего движения и ориентированных на трудящееся население столицы. Определены причины увольнений рабочих и показана роль забастовок в жизни петербургского пролетариата. В статье дана характеристика повседневной жизни и морального состояния рабочих и членов их семей как потерявших работу, так и сумевших сохранить рабочее место, в условиях экономического кризиса. Особое место в исследовании занимает изучение мероприятий городских властей, а также общественных организаций и частных лиц, направленных на стабилизацию обстановки и улучшение положения трудящихся.

Ключевые слова: первая русская революция, кризис, рабочие, безработица, газета.

A.V. Fedkin

**Material and social position of the St. Petersburg workers
in the years of the first Russian revolution in the coverage
of the “proletarian” press**

The article deals with material and social conditions of the workers of St. Petersburg during the First Russian Revolution (1905–1907). It is based on the analysis of newspapers about problems of the labor movement and focused on the working population of the city. Determined the reasons of layoffs of workers and shows the role of the strikes in the life of St. Petersburg's proletariat. The article presents the characteristics of daily life and morale of workers and their families, both lost their jobs and have managed to keep their jobs in the economic crisis. A special place in the study is the analysis of events of city officials and non-governmental organizations and individuals, to stabilize the situation and improve the conditions of workers.

Key words: the first Russian revolution, crisis, workers, unemployment, newspaper.

В годы первой русской революции (1905–1907) общественностью широко обсуждалась борьба рабочих за свои экономические права. Вследствие этого резко возросло количество периодических изданий,

пристально следивших за развитием революционной ситуации в России и в особенности за положением рабочих. Десятки газет появились именно в непростое революционное время. Некоторые из них, выпустив 2–3 номера, тут же закрывались; остальным удавалось проработать несколько месяцев.

Издания могли иметь разные цели. Например, столичная «Рабочая газета» являлась органом Независимой социальной рабочей партии, основанной М.А. Ушаковым. Она была посвящена «насущным задачам рабочего вопроса» и имела девиз: «Освобождение рабочих – дело самих рабочих» [1]. А выходившее в тот же период «Рабочее слово», не примыкая ни к одной из существовавших политических партий, ставило своей задачей содействие борьбе рабочего класса за его политическое и экономическое освобождение. Но независимо от степени оппозиционности и радикальности на страницах «пролетарской» прессы широкое освещение получило материально-бытовое положение петербургских рабочих в годы первой русской революции.

Сокращение заказов вследствие кризисных явлений в экономике, а также массовые забастовки рабочих, вызванные изнурительными условиями труда, приводили к вынужденному закрытию отдельных цехов и целых заводов, что, в свою очередь, влекло за собой и массовые увольнения рабочих, а вместе с тем и потерю заработка. «Борьба посредством забастовки – опасное оружие. Это огонь, которым нужно пользоваться весьма осторожно... Забастовка влечет за собою обнищание, а бедность, хотя и не порок, но большое неудобство» [1. № 2, с. 2]. Такое предостережение звучало как нельзя кстати, однако не возымело нужного эффекта. События первой русской революции неблагоприятно сказались на материальном благосостоянии рабочих.

Закрытие завода зачастую становилось полной неожиданностью для рабочих, о грядущем увольнении их не предупреждали заблаговременно. Так произошло, например, на Обуховском заводе в начале декабря 1905 г.: «В половине второго должен был быть гудок – не последовало. Не было гудка и в последующие три дня. В тот же день исполняющий дела начальника завода Шеманов вывесил объявление о закрытии завода на неопределенное время, передав его полиции... Выжидая, пока Шеманов переменит гнев на милость, рабочие в полном составе жили близ завода. И вот, переговорив с администрацией завода, Шеманов объявил, что им будет принята только часть рабочих, причем не выяснил, кто именно будет принят и какое количество. Ждали еще две недели. И до сих пор никаких результатов. Рабочие гадают, что и как будет, и не могут прийти к утешительному выводу, а нужда давно уже большая» [2. № 3, с. 6].

Увольнения на заводах и фабриках Санкт-Петербурга приобрели массовый характер: «Общее количество безработных огромное, – писала пресса. – Они находятся в весьма бедственном положении и крайне

нуждаются; большинство без всяких средств к жизни, и многих рабочих выселяют из квартир за неуплату квартирных денег» [1. № 4, с. 3]. По состоянию на конец января 1906 г. «выставленных за ворота» в городе насчитывалось до 35 000 чел. [1. № 9, с. 3], что по самым приблизительным подсчетам составляло более трети петербургских рабочих разных фабрик и заводов [1. № 4, с. 3].

На уровень безработицы в столице влиял также и сезонный характер некоторых работ. Так, «на фабрике производства механической обуви за Московской заставой, где работает до 2000 человек, начался обычный весенний расчет рабочих. Здесь всегда с осени начинается усиленная работа, и осенью же набирают сотни две – три добавочных рабочих. Таким образом, число безработных в Петербурге увеличится теперь еще несколькими сотнями» [3. № 6, с. 3].

После частичного возобновления производства на том или ином заводе часть рабочих могла рассчитывать на получение работы, но обратно трудоустроивались далеко не все желающие [1. № 4, с. 3; № 19, с. 3]. Тяжелее всего приходилось политически активным пролетариям, проявившим себя в дни забастовок. Известно, что администрацией Путиловского завода были уволены депутаты всех 17 мастерских. Более того, «аттестаты их помечены какими-то таинственными значками, что в сущности из аттестата делает «волчий билет» – ни одна фабрика или завод не принимает работать обладателя такого аттестата» [3. № 5, с. 3].

Решающую роль при приеме на работу играли не квалификация рабочего и его стаж, а лояльность по отношению к администрации. Например, на чугунолитейном заводе «Лантезипен и Ко» при возобновлении работ было «рассчитано 206 рабочих, проработавших от 5 до 10 лет на заводе. Увольняя их, администрация заявила, что ими как работниками были довольны, но увольняют исключительно за политическую неблагонадежность» [1. № 4, с. 3]. На Обуховском заводе также была «сильная тенденция обойти приемом на работы своих старослужащих. Принимают исключительно тех, которые работали на заводах, не принимавших участия в забастовках или живших это время в деревнях» [1. № 4, с. 3].

Отмечены случаи неординарных подходов к трудоустройству: «Администрация Путиловского завода выделила из общего числа рабочих завода группу в 200 человек, наиболее умеренных, и уполномочила их определять благонадежность вновь принимаемых на завод рабочих. Группа эта отмечает в списках тех рабочих, которые принимали более или менее активное участие в проведении минувших забастовок, и такие рабочие на завод не принимаются» [1. № 4, с. 3]. «На заводе русско-американской резиновой мануфактуры рабочие мужчины заменяются женщинами как элементом более благонадежным. Из работающих в настоящее время 9000 человек три четверти составляют женщины» [1. № 22, с. 4].

На вновь открытых заводах внутренние правила ожидаемо ужесточались. Например, широкое освещение получили действия администрации Обуховского завода, где для трудящихся были введены «американские правила». Суть их сводилась к следующему: «Сбавили расценок, больше штрафуют... раньше получали по заработку, а теперь по категориям... к высшим категориям отнесены только «благонадежные» рабочие и все любимчики мастеров» [3. № 6, с. 3]. В строгости содержались рабочие и на Санкт-петербургском орудийном заводе: «запрещается из своей мастерской переходить в другую, собираться группами и т.д.» [3. № 6, с. 3]. Однако там эти меры были связаны с увеличением объемов производства на фоне всеобщего кризиса после декабрьской забастовки. На заводе в то время ожидали «большой заказ на трехдюймовые скорострельные орудия» и готовились к его выполнению. «Ввиду этого расширяются мастерские, устанавливаются новые станки и, как слышно, скоро число рабочих будет увеличено» [3. № 6, с. 3].

В тяжелые для столичного пролетариата дни на страницах газетной хроники периодически можно было заметить факты, свидетельствующие о попытках консолидации трудящихся с целью оказания посильной помощи попавшим в затруднительное положение собратьям. «На машиностроительном заводе Айваза по случаю сокращения работ должны были начаться в марте месяце расчеты рабочих одной смены, но мастеровые уговорились между собой работать лучше по одной неделе каждая смена и таким образом переждать безработицу. Но это продолжалось недолго: более жадные и «благонамеренные» рабочие повели агитацию, следствием чего было увольнение одной смены рабочих» [3. № 10, с. 4]. На фоне широкомасштабного кризиса и безработицы совершенно нетипичными выглядели новости с Александровского завода: «В виду скопившегося там ремонта рабочим предложили работать по вечерам, но последние отказались, говоря, что они могут существовать и работой дня, а за воротами много безработных, которых можно занять, устроив вторую смену... По всей вероятности, вторая смена будет введена» [3. № 12, с. 3]. На Путиловском же заводе «рабочие кузнечной мастерской... решили жертвовать 1–3 % от своего ежемесячного заработка на нужды голодающих рабочих. Общая сумма пожертвований составила 310 рублей в месяц» [4. № 1, с. 8].

Но вышеперечисленные факты являются скорее исключением из правил и явно выбиваются из общей хроники. В сложившейся ситуации некоторые рабочие предприняли попытки предъявить фабрикантам иски, требуя возмещения заработной платы за пропущенные дни из-за политической забастовки. Этот вопрос был передан на рассмотрение Сената, но сенаторы встали на сторону заводчиков [2. № 3, с. 14].

Бедственное положение трудящихся, имевшее место вследствие вышеуказанных обстоятельств, красноречиво описано на страницах «Рабочей газеты»: «Невеселую картину представляет местность за

Невской заставой. Хотя все частные фабрики и заводы находятся в действии, работает лишь половина прежнего состава, большая часть, по преимуществу семейные, разъехались по домам, а что остались, терпят сильную нужду. Часть домовладельцев, сознавая, что доходность их домов находится в зависимости от окружающих фабрик и заводов, ждут со своих квартирантов-рабочих плату уже четвертый месяц. Но зато лавочки уже давно прекратили своим клиентам кредит. Отсутствие столовых здесь более чем где-либо чувствительно. Тайные ссуды касс, их во время безработицы здесь завелось много, отнимают последние крохи, но и туда стало нечего населению носить: все движимое и недвижимое давно продано, сбыто и заложено. В камере местного судьи длинный список дел о выселении с квартир и взысканиях денег по книжкам за «забранный товар» [1. № 7, с. 3].

Крайняя нужда и голод становились причинами девиантного поведения рабочих и проявления асоциальных явлений в городской среде: «Изголодавшись, продав и заложив все, что было накоплено долгими годами труда, рабочие вынуждены обращаться к нищенству и высылают своих детей в город за подаянием. И неудивительно, что на всех перекрестках, чуть не на каждом углу, нам попадаются нищие: мужчины, женщины и малые дети. В комитет нищих никогда не приводили столько «задержанных за попрошайничество», как за последнее время. Загляните в любой рабочий квартал, что там делается? На каждой улице среди маленьких деревянных домов и почти в каждом из них можно увидеть ужасающие картины нищеты» [1. № 16, с. 3].

«...Нужда и голод в рабочих кварталах не ослабевают. Среди изголодавшегося и измученного обидами безработного люда начинает проявляться мрачное отчаяние. Люди несколько месяцев не знают, что с собой делать и куда деваться. Пользуясь кризисом, мастера и разное заводское начальство не стесняются в прижимках, и рабочий, принятый сегодня на завод, не надеется, что удержится на нем больше нескольких дней. Вне завода же рабочие находятся положительно как в стране, подвергшейся нашествию неприятеля... Краинный обыватель доведен теперь до полного отчаяния... Газетная хроника начинает пополняться фактами террористических выходок со стороны рабочих против мастеров и т.п. Несколько дней тому назад убит мастер Путиловского завода, сегодня сообщают об убийстве на Александровском заводе...» [1. № 16, с. 3–4].

Связь между революционным кризисом и здоровьем трудящихся показана на страницах «Рабочей мысли». Это издание не отличалось радикальностью взглядов. Уделяя основное внимание теоретическим вопросам рабочего движения, редакция не имела основной целью освещение положения рабочих фабрик и заводов города. Но тем не менее и на ее страницах нашлось место такого рода информации, что еще раз подтверждает поистине бедственное положение трудящихся, вре-

менно потерявших работу: «Положение безработных Петербурга ужасно. На последнем заседании Комитета по оказанию помощи рабочим из отдельных докладов обрисовались потрясающие картины той нужды, того ужаса, голода и холода, которые свили себе прочное гнездо на окраинах столицы. Непрерывное недоедание в течение долгого времени подготовило благодарную почву для развития всевозможных болезней» [2. № 3, с. 14].

Еще одним следствием кризисных явлений в экономической и политической сферах жизни общества, парализовавших столицу, стал отток рабочего населения. По данным «Рабочей газеты», «отчаявшиеся получить работу... массами выезжают в деревни; уроженцы близких к Петербургу местностей уходят на родину пешком» [1. № 16, с. 3]. В ряде случаев высылка из города осуществлялась в административном порядке с целью снижения социальной напряженности и криминогенной обстановки, как, например, за Нарвской заставой [1. № 19, с. 3]. Вместе с тем, по сообщениям «Рабочего слова» в апреле 1906 г., предвосхищая возможное усугубление кризисных явлений, министр внутренних дел предложил губернаторам тех губерний, где каждый год традиционно наблюдается массовая миграция крестьян на строительные работы в Петербург, предписать земским начальникам «принять соответствующие меры к предупреждению поездок их [крестьян] в текущую весну в Петербург, т.к. строительный сезон будет ныне слабый, а в Петербурге в настоящее время большое скопление безработных» [1. № 12, с. 4].

В годы первой русской революции сами рабочие и члены их семей остро осознавали собственное бедственное положение и переживали его крайне эмоционально. Подтверждение тому – письмо жены путиловского рабочего в редакцию: «Что же смотрит администрация завода, так красноречиво молчащая в ответ на все вопросы и вопли рабочих? Неужели у нее радуется сердце тогда, когда у рабочего оно обливается кровью? Что же вы, многоимеющие презренного металла, вы, разъезжающие на рысаках, в каретах, экипажах?.. Что же вы не откликнитесь на душу раздирающие стоны и плач детей?! Напомните вашим товарищам-капиталистам, что рабочие такие же люди, имеющие право пользоваться всей роскошью жизни. Гибнет рабочий народ и... вымирает Россия. Но доколе же будет продолжаться безмилосердие капиталистов к рабочим? Доколе рабочие, их жены, дети, их старики-родители, оглохшие и ослепшие от непосильного труда, будут под гнетом? Доколе будут глумиться нам рабочими их управители, администраторы фабрично-заводские, боготворящие рабочих предателей, присылающих из личной мести каверзные письма на своих же товарищей, письма, по которым рабочие выбрасываются с их семействами за ворота на голодовку. Пусть же вина падет не на грубых, неразвитых рабочих предателей. Нет! Она падет на образованную интеллигентную администрацию, тонко изучившую жизнь рабочего. Окутанная роскошью, плюет она, эта админи-

страция, с блестящего своего пьедестала на рабочих и... топчет их и морит их голодом. Пусть же ответ за голодную смерть рабочих, их жен и изнуренных детей падет на души виновников!» [1. № 31, с. 3]. Доведенные до отчаяния женщины заявляли даже о готовности жаловаться властям: «Пусть наша жизнь и жизнь детей наших прекратится, быть может, у Нарвских ворот. Пусть воротится 9 января, но мы твердо решили идти к градоначальнику. Жить нам больше нечем. Столовые прикрыты, в завод не берут» [1. № 16, с. 3].

Моральное состояние трудящихся, кроме всего прочего, подрывали слухи о том, что правительство и городские власти часть заказов, вполне посильных отечественной промышленности, отдавали за границу, усугубляя тем самым кризисные явления в экономике и дополнительно стимулируя рост безработицы в столице [1. № 10, с. 3].

В дни революционных потрясений, парализовавших нормальную жизнь, едва ли не единственным источником средств к существованию потерявших работу людей становились пособия. «В Нарвском районе в настоящее время находятся без работы около 9 000 рабочих. Представитель заявил, что для выдачи пособий требуется 700 руб. в день... В Невском районе без работы находятся 8 500 рабочих, обедов выдается 1500, а денежной помощи требуется ежедневно около 1 000 руб. Выборгский район: 850–900 рабочим требуется помощь около 200 руб. В Василеостровском районе 9 545 рабочим пособия выдается в день 400 руб.» [1. № 6, с. 3] Таким образом, по самым приблизительным подсчетам на основе данных газеты, размер пособий в разных частях города в среднем составлял от 2 до 12 к. на человека.

Еще одной мерой поддержки нуждающихся становились бесплатные столовые, организованные в том числе благотворительными обществами и частными лицами. Однако эта мера была неэффективной так как такие столовые немедленно закрывались полицией из-за боязни массовых скоплений революционно настроенного населения. Например, столовая для безработных на ижорских заводах проработала всего два дня [1. № 6, с. 3]. Такая же участь постигла и аналогичные заведения в других частях города [1. № 16, с. 3]. О негативных последствиях подобных полицейских мероприятий и неопределенном значении общественных столовых свидетельствует заметка, опубликованная в «Рабочей мысли»: «Столовая для рабочих Путиловского завода за Нарвской заставой, устроенная на средства союза инженеров, закрыта полицией несмотря на то, что тщательный обыск, произведенный там, не дал никаких результатов. В столовой этой обедало ежедневно более 3 000 рабочих, кроме того, из нее брали на дом почти все семейные Путиловского завода» [1. № 3, с. 14].

«Пролетарская» пресса изображала потерявших работу не только как бунтарей, пытавшихся бороться за свои экономические права, но и как людей, стремившихся к честному заработку и пытавшихся обратить-

ся с конструктивными предложениями к городским властям. На страницах газеты все чаще звучали призывы и даже требования об устройстве общественных работ для временно безработных пролетариев. Эти требования нашли широкую поддержку со стороны разных общественных сил, а также рабочих, которые еще продолжали трудиться на фабриках и заводах и сочувствовали своим собратьям [3. №9, с. 3–4; 2. №3, с. 14]. В «Рабочем слове» даже было опубликовано специальное воззвание: «Четыре месяца без работы довели до крайней нужды. Мы отчаялись уже дожидаться, пока хозяева надумают открыть заводы или расширить производство. Мы решили сами помочь себе. Мы решили требовать от города устройства общественных работ для всех безработных. Другого выхода из нашего положения нет, а дальше оставаться в нынешнем положении мы не можем. Но вы сами знаете, товарищи, как мало считается город с нашими рабочими нуждами. Хозяева-капиталисты, ворочающие городскими делами, палец о палец не ударят, чтобы облегчить наше положение... У нас одних недостаточно сил. Все вы должны помочь нам, товарищи... Без вашей помощи нам не выйти из нынешнего невыносимого положения, не добиться общественных работ» [3. № 8, с. 3–4].

Следует отметить, что эти требования были услышаны: «Рабочее слово» сообщало, что 12 апреля 1906 г. Городская дума постановила выделить кредит в 500 тыс. р. для выдачи безработным авансов в счет будущих общественных работ. «Работы все неотложные, которые давно должны были начаться» [3. № 10, с. 1–2].

В то время, когда на улицах столицы царил безработица, наметилась тенденция критики властей на страницах газет: «Петербургская городская дума до сих пор ничего не сделала для безработных, если не считать жалких пособий несколько тысяч рублей. Наибольшая доля помощи безработным в конце концов легла на тех же рабочих» [3. № 8, с. 1–2]. «Рабочее слово» призывало обратить внимание на трудящихся как на значимую категорию населения: «Рабочие города Петербурга, составляющие с семьями не менее четверти всего населения столицы, имеют полнейшее право требовать, чтобы город о них позаботился в постигшей их беде. Рабочие доставляют городу косвенные, при том огромные, доходы: они платят за проезд на конках, они платят за пользование водой, за мясо с городских боен. А известно, что наш город огромную часть своих доходов получает именно с конок, с водопроводов, с боен и т. д... Ясно, что рабочие такие же городские плательщики, как и все другие обыватели. Разница та, что рабочие и большинство обывателей бедного и среднего достатка не имеют в городе никаких прав» [3. № 8, с. 1–2].

Таким образом, во время первой русской революции внимание значительной части столичной прессы, в особенности ориентированной на трудящееся население, было приковано к положению рабочих. Именно

фабрично-заводские рабочие Санкт-Петербурга, ставшие движущей силой революционного процесса, пострадали от кризиса в наибольшей степени. Широко распространенным явлением стала потеря работы вследствие остановки производства. Обратное трудоустройство было затруднительно, особенно для участников забастовок: по данным прессы, заводчики и фабриканты считали таких людей политически неблагонадежными и делали все возможное, чтобы не допустить их до работы не только у себя, но и на других предприятиях столицы. Лишенные средств к существованию рабочие и члены их семей были доведены до бедственного положения, отчаяния и крайней нужды, что стимулировало рост дальнейшей социальной напряженности в столице и распространение асоциальных явлений, таких как нищенство, преступность и др.

Та часть рабочих, что смогла удержаться на своих местах, была вынуждена трудиться под жесточайшим надзором заводской администрации: за малейшее отклонение от внутренних правил могло последовать моментальное увольнение, так как предложение рабочей силы в городе значительно превышало спрос на нее. Вместе с тем на некоторых заводах последовало снижение заработной платы. Еще одним явлением в годы первой русской революции стал отток трудящегося населения из столицы. К этой мере прибегали рабочие, еще не утратившие связи с деревней. К отдельным пролетариям применялась административная высылка.

В сложившейся ситуации городские власти пытались наладить выдачу пособий временно безработным; под давлением населения были организованы общественные работы в Петербурге. Но мероприятия властей, направленные на стабилизацию обстановки и поддержку наиболее социально незащищенных пролетариев, были малоэффективными и решали проблему лишь частично.

Список литературы

1. Рабочая газета. 1906.
2. Рабочая мысль. 1906.
3. Рабочее слово. 1906.
4. Рабочий мир. 1906.

References

1. Rabochaya gazeta. [Working paper]. 1906.
2. Rabochaya mysl'. [The working idea]. 1906.
3. Rabochee slovo. [The working word]. 1906.
4. Rabochij mir. [The working world]. 1906.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(574.3)"1950/1970":642.5
ГРНТИ 03.23.55

З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова

Вопросы питания в повседневной жизни горожан Центрального Казахстана в 1950–1970-е гг.

История повседневности – одно из перспективных направлений в современной исторической науке. Важным аспектом её является изучение отношения людей к развитию системы общественного питания, т. е. столовых, ресторанов и кафе. В данной статье на основе анализа впервые вводимых в научный оборот архивных документов, а также материалов интервью анализируется уровень развития системы общественного питания Центрального Казахстана в 1950–1970-е гг. Проведен комплексный анализ культуры питания, а также степень удовлетворенности населения качеством обслуживания в ресторанах, кафе и столовых. Выявлены основные проблемы, с которыми сталкивалось население региона: неполный ассортимент блюд, дороговизна, антисанитария и др.

Ключевые слова: история повседневности, городская повседневность, Центральный Казахстан, уровень питания, общественное питание, потребление, столовые, рестораны, кафе, национальная кухня.

Z.G. Saktaganova, K.G. Abdrakhmanova

Nutrition in the everyday life of the citizens of Central Kazakhstan in 1950-ies – 1970-ies

The history of everyday life is one of the perspective directions in modern historical science. An important aspect of the history of everyday life is the study of people's attitudes to the development of the system of public nutrition, that is, canteens, restaurants and cafes. On the basis of the analysis of archival documents, and interviews (for the first time introduced into scientific circulation), the authors of the article analyze the level of development of public catering of the Central Kazakhstan in 1950-ies – 1970-ies. Comprehensive analysis of the culture of catering was conducted, as well as the degree of public satisfaction with service quality in restaurants, cafes and canteens. The main problems faced by the people of the region were revealed, namely, incomplete range of dishes, expensive, unsanitary conditions.

Key words: history of everyday life, the urban daily life, Central Kazakhstan, the level of nutrition, food, consumption, canteens, restaurants, cafes, national cuisine.

Изменение общественно-политической ситуации и некоторая экономическая стабилизация со второй половины 1950-х гг. оказали существенное влияние на развитие всей сферы торгового обслуживания, питания горожан в целом и в том числе советского общепита. В 1920–1940-е гг. в период кризиса снабжения государство принимало меры по регуляции потребления продовольствия на внутреннем рынке путем искусственного или принудительного снижения спроса на продовольственные товары. В условиях общего обеднения населения питание рабочих и колхозных семей было недостаточным как по ценности пищи, так и по количественным параметрам потребления. Из-за дефицита на многие виды продовольствия для населения были введены нормы отпуска некоторых товаров в одни руки, ограничена продажа из торговой сети предприятиям и учреждениям. В 1939 г. была введена закрытая форма торговли для работников некоторых стратегических отраслей (цветной металлургии, угольной и нефтяной промышленности, электроэнергетики, ряда отраслей машиностроения и металлообработки и др.). Поэтому до середины 1950-х гг., до «хрущевской оттепели», обсуждение проблемы питания считалось мещанством, проявлением бездуховности, не свойственной советскому человеку.

Но уже в условиях нарождающегося экономического благополучия жесткое директивное регулирование начало заменяться мягким регламентированием потребления. На смену «синдрому жертвенности» [1], столь характерному для сталинского периода, пришла «оттепель» и в потреблении: советские и партийные органы наконец-то признали советского человека полноценным потребителем, который должен был получать разнообразную, вкусную и обильную пищу. Директивные партийные документы пестрели планами, где предусматривалось увеличение сети общественного питания за пять лет не менее чем на 50 % [2].

Начиная с 1950-х гг. главным принципом организации системы общественного питания стало «активное использование научных теорий». Обращение к науке как основному источнику знаний о «правильном и здоровом» питании можно наблюдать везде: от постановлений ЦК КПСС до кулинарных книг, где цитировались высказывания академика И.П. Павлова, такие как «нормальная и полезная еда есть еда с аппетитом, еда с испытываемым наслаждением» [3]. Основным принципом в советском общественном питании становится соблюдение гигиены и санитарии (о чем практически не было речи ранее, в первые советские десятилетия), велась активная пропаганда: «Мыть руки перед едой, есть на белых скатертях, мыть посуду» или «Безукоризненная чистота и опрятность в кухне – важнейшее условие, от выполнения которого в значительной мере зависит качество приготовляемой пищи» [4, с. 16]. В целом следует отметить, что именно с 1950-х гг. происходит новое осмысление значений слов «здоровье» и «качество пищи» и озвучиваются их взаимосвязи. Если ранее под здоровьем понимали только от-

сутствие болезни, то теперь делается акцент на то, что это «гармоничное, сбалансированное, правильное развитие организма». Как подчеркивается в книге «Кулинария» за 1955 г., чтобы быть здоровой, пища должна содержать в должной пропорции все питательные вещества, необходимые человеку для его жизнедеятельности и нормального развития [5, с. 29].

Все сферы жизни человека по-прежнему регламентировались, но в более мягкой форме («оттепель» все-таки!), и с 1950-х гг. в партийных документах стали обозначаться стандарты повседневного общественного питания, рассчитанные на «нового потребителя». Эти тенденции стали отражаться в структуре выпускаемых блюд. В частности, в ресторанах Карагандинской области на первом месте находились мясные блюда – 21 %, затем овощные – 7 % и рыбные – 6 %. Крупяные и мучные изделия составляли 10%, сладкие изделия – 11 %, холодные закуски – 15 % [6. Л. 417–418].

Однако провозглашенные принципы нередко оказывались чрезвычайно далекими от реалий повседневной жизни. Разнообразие питания можно было отследить зачастую только в меню, фактически же выбор был ограничен двумя-тремя стандартными блюдами, неслучайно в общественном мнении в это время закрепились расхожие фразы: «в меню одно, а подают другое...» [7. Л. 230]. Поэтому изменения в советском общепите в конце 1950-х гг. были, скорее, идеологическим проектом, в то время как «новый советский потребитель», во всяком случае казахстанец, в реальной жизни по-прежнему сталкивался как со значительным дефицитом мест общественного питания, так и низким качеством еды и обслуживания.

Питание советских трудящихся возлагалась на разнообразные учреждения общепита: столовые, закусочные, кафе и рестораны. Государство четко регламентировало функции каждого заведения общепита. Столовые и закусочные были призваны «обеспечить нормальную работу социалистической промышленности и сельского хозяйства» [8], предоставляя работникам возможность перекусить в обеденный перерыв, значит, работали эти заведения исключительно в дневное время. Кафе предназначались для отдыха после работы, «чтения газет и журналов, легкого ужина и чашечки кофе», а рестораны – «для дегустации изысканных блюд», а также для «развлечений и празднований знаменательных дат или семейных событий» [5, с. 87–88].

Города Центрального Казахстана не были исключением из общего правила, сеть общественного питания, как и в целом по союзу, находилась в ведении Карагандинского треста столовых и ресторанов. В 1957 г. в системе треста столовых и ресторанов состояло 10 хозрасчетных предприятий, но с конца 1950-х гг. растет сеть общепита в Центральном Казахстане: например, в 1958 г. в Темиртау был открыт ресторан № 4 и столовая на 100 посадочных мест, павильон-пельменная на 24 посадоч-

ных места, столовая на вещевом рынке на 80 посадочных мест [9. Л. 82–83]. В целом по городам и рабочим поселкам области было открыто 70 буфетов и 10 павильонов-закусочных, трестом столовых и ресторанов – 4 столовые, в г. Темиртау – 2 столовые, 4 буфета, 2 столовые открыты были в г. Балхаше и 2 столовых в г. Джезказган [10. Л. 105]. В целом, в 1959 г. в городе Караганда функционировало 22 ресторана и столовых, тогда как в конце 1960 г. – 26 на 1494 посадочных мест. Однако такое количество заведений общепита на город численностью более 300 тысяч человек было более чем недостаточным. Естественно, что попасть в праздничные или выходные дни в рестораны было не просто проблемой, а огромной проблемой. Закусочные и буфеты работали при промышленных организациях, и их количество в 1960 г. составило 66 точек на 586 мест. В г. Караганде была всего 1 чайная на 80 мест. С 1959 г. при диетической столовой (единственной на весь город) была организована продажа кондитерских изделий и полуфабрикатов, эта же столовая являлась базовой для школьных буфетов [6. Л. 416–417].

Согласно архивным данным, аналогичная тенденция прироста наблюдалась и по другим городам региона. В частности, в г. Джезказгане в 1959 г. функционировало 25 столовых и ресторанов на 1920 посадочных мест, тогда как в 1961 г. – 35 на 2938 мест (население более 32 тыс. чел.). В городе Темиртау в 1959 г. работали 22 столовые и рестораны на 2078 посадочных мест, в 1961 г. – 41 на 4296 посадочных мест (на 76 тыс. горожан) [11. Л. 160]. Во втором полугодии 1961 г. в городе Караганде было открыто еще 2 столовых: столовая при школе № 53 на 124 посадочных места и столовая при артели «Ткач» на 20 посадочных мест, при шахтах № 42 и № 33 было открыто 2 буфета [12. Л. 71]. Новые объекты системы общественного питания вводились согласно плановому графику, но этот процесс не всегда проходил своевременно. Из докладной записки за 1959 г.: «Из-за плохой работы строительных организаций Совнархоза, такие крупные объекты как диетическая столовая, столовая на 32 квартале и кафе-автомат из года в год срываются строительные работы, а наши неоднократные требования и ходатайства через партийные и советские органы ни к каким результатам не привели» [9. Л. 83].

С 1957 г. некоторые предприятия Карагандинского треста столовых и ресторанов были переведены на самообслуживание, это была первая практика, новинка для карагандинцев [13. Л. 3]. Вспоминает сторожил г. Караганды М.В. Фролова (1943 г.р.): «В столовых было самообслуживание. Брали, что хотели покушать, на кассе оплачивали, потом убирали все за собой. Всегда было чисто, столы были убраны. Вкусно пахло едой, и продавцы были вежливые, и продукты всегда привозили в столовую свежие. Никогда не слышала, чтобы кто-нибудь отравился в столовых. За этим в то время очень строго следили, продукты никогда не были просроченными. В общежитии мы тоже питались в столовых, также

ходили и в пельменные. Помимо пельменей там были и салаты разные и к чаю сладости» [14].

Самыми распространенными и часто посещаемыми учреждениями общепита являлись столовые, которые в основном были закреплены за предприятиями: заводами, учреждениями, совхозами, машинно-тракторными станциями «для обеспечения нормальной работы социалистической промышленности и сельского хозяйства» [15]. Как отмечает респондент Н.А. Потапова, проработавшая всю жизнь на заводе ЖБИ, «где работаешь, там и питаешься» [16]. Выполняя свою основную задачу – накормить трудящихся, они становились механизмами массового воплощения советских идеологем в повседневность. Партийные директивы, да и сама практика пространственного размещения столовых, предельно четко обозначали желаемый социальный состав их посетителей. Рабочие, служащие и учащиеся в директивных документах объявлялись основными клиентами общепита. Таким образом, к рубежу 1950–1960-х гг. и в идеологическом дискурсе, и в повседневной практике закрепились и усилились связь общественного питания и производства. Питание вне дома, зачастую приобретает «добровольно-принудительный» характер (на некоторых предприятиях часть зарплаты или соцпособий выдается талонами на питание в «своей» столовой), выступая своего рода производственной необходимостью. Естественно, что столовые, которые располагались при заводах и иных учреждениях, зачастую оказывались недоступными для неработающих на данных предприятиях горожан или приезжих. Ограниченный доступ превращался в «неприступность» части общепита. Таким образом, известный социалистический принцип «кто не работает, тот не ест», из метафоры превращался в неотъемлемую составляющую советской повседневности. Перекусить во вне рабочее время или неработающим (помимо дома) в городах региона было весьма непростым делом.

Несмотря на внесение общественного питания в список наиболее значимых направлений социальной политики и тщательный контроль партийных органов различных уровней, положение в городах Центрального Казахстана в конце 1950-х не претерпело значительных изменений. Как отмечал в 1958 г. начальник областного управления торговли А. Головин, «сеть общественного питания недостаточна и развивается крайне медленно. Существующая сеть общепита не справляется с быстрым темпом увеличения численности населения в городах области» [11. Л. 234].

Кроме недостаточного развития самой системы, проблем в общепите было очень много. Достаточно распространенным явлением в повседневной практике была и антисанитария в системе общепита. Были столовые, в которых системно отмечались несоответствия элементарным требованиям санэпидемстанций. Грязь, задымление плит, отсутствие или плохая работа водопроводной системы, отсутствие горячей

воды, отсутствие ремонта, разрушение стен и потолков и т. д. являлись нормой [10. Л. 3].

С общепитом были связаны различные ситуации. В частности, в редакцию газеты «Советская торговля» 30 марта 1958 г. поступила заметка-жалоба от работника вагона-ресторана А. Белова, который находился в командировке в г. Караганде. Жалоба описывала сюжет, достаточно типичный для советской действительности. Позволим себе привести эту жалобу почти полностью, чтобы почувствовать эпоху: «Мы всей бригадой вагона 131 пошли в город и решили пообедать в одной из столовых по центральной улице Караганды. Зашли в три столовые, но они все были закрыты на обеденный перерыв. Кто-то из прохожих нам порекомендовал пройти в центральный ресторан. Мы зашли в ресторан, заняли стол, посмотрели меню, достаточно обширное. Подошла к нам официантка, записала заказ. Наш заказ из 4 блюд был принят, одновременно она предложила купить водки. Мы отказались, так как зашли только пообедать. В ответ она отказала нам в обеде, мол, обеда только с водкой. Мы попросили администратора (Никитина), однако и она отказала нам и еще надерзила. Чтобы мы могли пообедать, нас заставили купить 9 бутылок водки. Хочется отметить, качество обеда было низкое, куда хуже простой столовой. Холодные щи, винегрет из капусты, а на второе блюдо подали вареную печенку вместо жареной. Бесконтрольность и безответственность, принудительно вводят алкоголизм. Прошу редакцию об этом рассказать, чтоб другим неповадно было» [10. Л. 26]. Содержание жалобы позволяет отметить ряд моментов. Во-первых, парадоксально, что столовые, которые были рассчитаны «на обеда» для карагандинцев, в обеденное время закрывались (невозможно попасть в них, они «закрыты на обед» для самих работников)! Во-вторых, в ситуации, когда посетители ограничены в выборе не только блюд, но и «обеденного» места, каждый работник мог диктовать свои условия (например, обязательное приобретение спиртного, причем диктуется не только ассортимент обязательных для приобретения напитков, но и их количество), правила и др. Жаловались люди редко, конкуренция в системе общепита отсутствовала, ситуацию это не меняло.

Были типичны для общепита и комплексные обеды, в них входили рыбные, мясные, овощные, крупяные, молочные и другие блюда. Однако скудность ассортимента и их сомнительное качество нередко являлись объектом обсуждения во многих годовых отчетах. К примеру, из докладной записки Карагандинского облторга за 1959 г.: «на протяжении нескольких дней в столовых при шахтах нет мяса, овощей, сельди. Плохо снабжают птицей, нет творогу, нет фруктов, а народ просит» [17. Л. 230].

Власть ориентировалась в ситуации, поэтому в 1959 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии и улучшении общественного питания», обозначившее целью организовать

централизованное производство полуфабрикатов для комплексного снабжения столовых, кафе, закусочных и других предприятий общественного питания» [18, с. 34]. Но изменения произошли лишь в худшую сторону: в 1959 г. по сравнению с 1953 г. сократилась доля важнейших продуктов, используемых для приготовления пищи: птицы и мяса – с 35 до 31 %, рыбной продукции – с 16 до 11 %, овощей с 30 до 17 %, картофеля – с 36 до 22 %, растительного масла – с 25 до 12 %. Параллельно возрос удельный вес реализации в системе общественного питания продуктов, не требующих кулинарной обработки: консервов – с 10 до 15 %, алкогольных и безалкогольных напитков – с 12 до 29 %, колбасных изделий с 13 до 31 %, кондитерских изделий – с 10 до 20 % [19]. Начиная с этого периода реализация указанных товаров в буфетах, закусочных и палатках стала основным видом. К началу 1960-х гг. удельный вес продукции собственного производства снизился до 30 %, тогда как удельный вес покупных товаров увеличился до 70 % [12. Л. 25]. Однако, как показывают архивные материалы, эта тенденция дала негативные последствия: в 1975 г. только 10 % предприятий общественного питания системы государственной торговли СССР комплексно снабжались тремя видами полуфабрикатов – мясными, рыбными, очищенным картофелем [18, с. 51].

В 1960-х гг. стала несколько меняться культура общепита в городах Центрального Казахстана. В магазинах и кулинариях, столовых при промышленных предприятиях были организованы столы предварительных заказов от населения [20. Л. 200]. С особой теплотой вспоминают карагандинцы свое посещение столовых. М.Ф. Михайлова вспоминает: «Столовая была очень хорошая, большая. Много людей всегда посещало ее, вкусно всегда готовили. А самое главное все всегда свежее было. Я иногда и с детьми ездила, им очень нравилось там обедать. Также покупали и домой что-то. Пирог духовые всегда вкусные были. И с варением, и с повидлом, и с капустой, и с картошкой, и с мясом, и со свеклой, и с морковью. Детям я часто покупала пюре с котлетой, себе брала суп или борщ. Запивали все компотом или киселем... Вся еда уже стояла на прилавках, мы брали подносы, и выбирали, что хотели. Брали обычно первое. На первое были и супы, и борщи, и лапша-суп. На второе мы обычно брали или рыбу, или котлету с пюре. Всегда в столовой были компоты свежие, кисели варили. Можно было или чай, или кофе выбрать. Меню было очень разнообразным. Потом мы подходили на кассу, нам кассир считал все, мы расплачивались. Все это стоило очень дешево. А кушать и находиться в столовой было приятно. Всегда было чисто, убрано, все были вежливые, всегда улыбались» [21].

В меню столовых и ресторанов появились свои фирменные блюда. Например, в столовой № 2 по ул. Джамбула, в кафе «Весна», в ресторане «Караганда» – суп-лапша домашняя, оладьи, курица по-карагандински, салат по-шахтерски, котлеты по-шахтерски, филе по-

карагандински, кофе с мороженым и т. д. [22. Л. 563]. В хороших заведениях фирменные блюда отличались: в кафе «Отдых» рулет «юбилейный», блинчики «аппетитные». В ресторане «Встреча» фирменное блюдо «бризоль», в ресторане «Айгуль» – котлета «Айгуль» [23. Л. 117]. В кафе «Ласточка», «Салтанат», «Отдых» четыре раза в неделю проходили вечера с эстрадной музыкой. В ресторанах «Майкудук», «Казахстан» и «Айгуль» играл «меломан» [23. Л. 118].

С целью «популяризации и расширения ассортимента национальных блюд», а также «повышения культуры обслуживания в ресторанах и кафе» в каждый квартал проходили дни национальных кухонь: русской, казахской, украинской, литовской, белорусской, грузинской, узбекской и т. д. В августе 1968 г., например, в кафе «Ласточка» проходил месячник по украинской национальной кухне, что для Караганды было своеобразным «ноу-хау». Зал был украшен в украинском стиле, на стенах висели шитые украинским орнаментом полотенца (рушники), официантки были одеты в национальную украинскую одежду. У входа на тумбочке были поставлены караваи «хлеб-соль». Меню блюд было только украинское: борщ украинский, вареники с картофелем, капустой, творогом, крученики волынские, пампушки с чесноком, галушки полтавские и т. д. Это мероприятие даже освещалось по телевидению [24. Л. 15–16]. В 1970 г. в честь 50-летия Казахской ССР успешно прошел месячник казахской кухни в ресторанах «Старт», «Майкудук», «Казахстан» и кафе «Салтанат». Залы и форма официантов были оформлены казахским орнаментом. Были приготовлены такие блюда, как: куйрык-баур (печень с курдюком), манты жаренные, баурсаки (круглые шарики из теста, обжаренные в масле), кеспе (лапша), кабырга (ребрышки), балкаймак («медовая сметана» – домашняя подслащенная сметана, доведенная до кипения), куырдак (тушенные вместе мясо, печень, сердце и легкие), чай по-казахски (с молоком) и т. д. [23. Л. 118–119].

Во 1950–1970-е гг. большинство советских людей предпочитало питаться в столовых, это было значительно дешевле. Высказывания респондентов подтверждают это. В частности, сторожил Т.Е. Жунусов: «Мы чаще посещали столовые, реже рестораны, кафе. Столовые были очень доступные, зайти можно было любому человеку, заказать первое второе, третье. Раньше, может быть в то время, мы и критиковали столовые. А сейчас, когда вспоминаешь, сравниваешь с нынешним качеством, все кажется было очень вкусным. Даже у нас в столовой на шахте питались и директора шахты, и даже руководство не стеснялось зайти и покушать в столовых. Были пельменные, пельмени готовились у тебя на виду. Или блинные, тоже сразу при тебе пекли блины и клали на тарелку. Все было очень вкусно. Пирожки стоили 5–10 копеек, газированные автоматы стояли на улице по 3 копейки. Были бочки с холодным квасом, бокал стоил 6 копеек, литр – 12 копеек. Квас был очень вкусный, и люди стояли в очереди за квасом и набирали домой 2-х или 3-х литровые бан-

ки. В ресторан ходили очень редко, только по большим событиям. Но в ресторанах все было гораздо дороже: брали лишь небольшой салатик, а в основном там были в изобилии алкогольные напитки. В ресторанах только отмечали какое-либо событие, ходили, чтобы потанцевать. В ресторан ходили очень редко, обычно собирались дома друг у друга...» [25].

Участник интервьюирования Ш. Кудайбергенов (1940 г.р.): «Посещали мы в основном рабочие столовые, кафе «Весна» и др. Долго там не засиживались, дорогих обедов, изысков не заказывали. Так, слегка поесть, червячка заморить, и это вполне устраивало. В советское время в основном в столовых было самообслуживание: сам берешь поднос, блюда. В ресторанах обслуживали официанты. На 5 рублей можно было хорошо наесться, можно и даже выпить хорошо» [26]. А. Оспанова вспоминает: «А вот когда я работала, мы ходили обедать в столовую завода им. Пархоменко. Там были комплексные обеды, готовили очень вкусно. Там мы могли взять за 50 копеек и первое, и второе полностью. И все было очень дешево. Это было в 1968–1970 гг.» [27].

Несмотря на то, что профессиональные издания объявляли рестораны и кафе местом, где можно «развлечься, встретиться с друзьями, отметить праздник, знаменательную дату», партийные документы убеждали в обратном: общепит был прежде всего местом питания. Советские рестораны подчинялись общему правилу: «работать, чтобы накормить». «Посетитель приходит в ресторан прежде всего потому, что он хочет получить вкусное, изысканное, деликатесное блюдо, такое кулинарное изделие, которое ему нигде в другом месте и, особенно, в домашних условиях, не приготовят» [5, с. 87]. По воспоминаниям карагандинцев «ресторан от столовой внешне ничем не отличался... Единственно, занавески или ширма были посимпатичней, но так, чтобы зайти и почувствовать разницу – нет» [28. Л. 301]. Люди любили посещать рестораны, правда не все могли позволить себе потратиться на такие посещения. Неслучайно в воспоминаниях респонденты так и говорят «могли себе позволить», в частности, А. Оспанова: «В рестораны мы ходили, могли себе позволить. Знакомые, друзья справляли там дни рождения. То есть, в основном по праздникам» [27].

К 1970 г. мы наблюдаем существенное расширение системы общественного питания. В 1979 г. система общепита города Караганды состояла из 312 объектов: среди них столовые (132), рестораны (5), кафе (15), закусочные (12), буфеты (143), 1 пивной бар [14. Л. 194].

Любили горожане посещать и кафе. Как вспоминает респондент А. Оспанова: «Мы с мужем обязательно в воскресенье ходили в кафе при кинотеатрах. В городе были кинотеатры Ленина, Юбилейный, которые только открылись. Мы специально ходили туда пораньше и обязательно сидели в кафе. Там и сладкое, и могли позволить себе пиво взять, мороженное, пирожное, и лимонад попить. А потом начинался

фильм, и мы уходили на него. А вот в кафе мы ходили каждую неделю, когда дети были маленькие, мы ездили в парк обязательно: там было кафе «Парус», их фирменное корейское блюдо «кукси», которое подавалось в горячем виде. Очередь была большая, но мы все равно стояли» [27].

Несмотря на существующую сеть общественного питания, в повседневной практике горожан Центрального Казахстана выбор оставался за домашним питанием. По нашему мнению, причины в первую очередь были связаны с относительной дороговизной общепита для определенной категории людей, а также ориентированностью на массового потребителя при игнорировании индивидуальных вкусов. Домашнее (семейное) питание в Центральном Казахстане имело ряд отличий от общесоюзных тенденций.

Во-первых, в значительной степени на разнообразии блюд сказывалась полиэтничность казахстанского общества, поэтому и ассортимент семейной кухни был достаточно разнообразным. Причем отличия были характерны для семей различных как по уровню жизни, социальной принадлежности и стратификации, материальному достатку, так и этническим признакам. В казахских семьях в структуре питания мясо было не просто частым, а обязательным, ежедневным элементом. Традиционные казахские блюда (бешбармак, куырдак и др.), где основным продуктом питания является мясо (конина или баранина), были достаточно частыми в национальной домашней кухне. Многие семьи казахогорожан закупали на зиму $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ (более зажиточные семьи) или даже целную (как правило, казахская партийная, советская элита) тушу лошади в сельской местности (это называлось «согым»); мясо, как правило, зимой хранили целиком замороженным на балконах в деревянных ящиках. Заготовленный «согым» демонстрировал степень достатка в семье, это еще и позволяло решить проблему некоторого дефицита в продаже мяса. Причем казахские блюда стали со временем «визитной карточкой» для неказахов-карагандинцев при приеме гостей. Казахские национальные блюда готовили в русских, немецких и других семьях, так же, как и лепили манты, пельмени, делали узбекский плов, готовили корейские блюда (хе, кукси, пигоди и др.), варили украинские борщи, лепили вареники и т. д.

Во-вторых, заметно отличалось в 1960–1970-е гг. продовольственное снабжение в городах Карагандинской области (Караганда, Темиртау и др.). После событий 1959 г. в Темиртау, когда социально-бытовая неустроенность рабочих казахстанской Магнитки вызвала волнения, подавленные с применением оружия, внимание партийных и советских органов к проблемам быта и снабжения стало более пристальным, резко улучшилось снабжение, прежде всего продовольственными товарами. Как вспоминают опрошенные респонденты (М.Р. Иманкулов, 1939 г.р.) мясо, колбаса в магазинах достаточно регулярно были в свободной про-

даже, ассортимент был небогатым, но в отличие от российских городов имелся. 1 кг баранины стоил 1 руб. 20 коп., говядины – 1,40 руб.; наиболее популярной была чайная колбаса, стоившая за 1 кг – 80 коп. Копченая колбаса была очень дорогая, цена за 1 кг доходила до 5,4 руб. На «колхозных» рынках мясо (говядина) более высокого качества и лучшего ассортимента и продавались 1 кг за 4 рубля. М.Р. Иманкулов вспоминает: «Хорошо помню, как в магазинах стояли бочки с черной икрой, она не была такой популярной. Икра продавалась на вес, 1 баночка грамм в 100–120 стоила 80 копеек. Люди не покупали икру, она не ценилась, считалась дорогой. Вместо нее предпочитали взять 1 кг чайной колбасы. Дефицитными продуктами считались шпроты, печень трески. Еда в семье зависела от зарплат. В первые годы семейной жизни при маленьких зарплатах бедствовали: мясо 1 раз в неделю, иногда и в месяц, жили на картошке, 1 кг картофеля стоил 7–10 копеек, иногда брали банки с тушеной кониной, это было дешевле свежего мяса: 1 банка (200–250 грамм) стоила 27 копеек. Крупы были дефицитом: гречку не продавали вообще в магазинах, на прилавках – рисовая сечка, пшено. Хороший рис также был недоступен. Макароны изделия низкого качества, серо-коричневого цвета из муки низких сортов. При варке они «расползались», потом их промывали в холодной воде, чтобы смыть крахмал. Пили преимущественно чай, кофе был большой редкостью. Если удавалось достать баночку индийского кофе или цейлонского чая, в семье был праздник. Ассортимент овощей и фруктов в магазинах был небольшой: лук, картофель, морковь, яблоки. Апельсины или мандарины с огромным трудом «доставали» только на Новый год или же привозили из Москвы, Ленинграда. Более разнообразным было меню у дачников: они занимались заготовками, солили огурцы, помидоры, капусту, варили варенье из ягод и др. Основным лакомством и взрослых, и детей было мороженое, достаточно доступное по цене – 7 копеек порция. Очень сильно у горняков отличались «тормозки» (так карагандинские шахтеры называли взятый с собой обед – от слова «тормоз», остановка на обед): если мы ели хлеб, яйца, картошку, чайную колбасу, то у некоторых (чаще всего у много пьющих шахтеров) весь обед ограничивался кожурой от свиного сала, хлебом и парой луковиц. Но в целом мы жили неплохо, шахтеры хорошо зарабатывали, особенно те, кто имел хороший стаж работы и мало пил. Шахтеры пили, из спиртных напитков тоже по-разному: многопьющие работяги пили дешевые портвейны «Солнцедар» и др., их цена была от 70 коп. за 1 бутылку (0,7 л). Водка была дешевой, за 1 бутылку «Московской» отдавали 2 руб. 60 коп. Коньяки пили только очень зажиточные люди (чиновники, торговые работники и др.). Хорошие коньяки (КВ, КВК, армянские 3-х, 4-х и 5-ти «звездочные») были дефицитными, стоили дорого, в 2 и более раз дороже водки – от 5,2 руб. и больше» [29].

Для сравнения материалов интервьюирования горожан сопоставим данные архивных документов. Дефицит продовольственных товаров зачастую объяснялся в материалах отчетов тем, что «многие торгующие организации неумело организуют торговлю, плохо маневрируют имеющимися товарными ресурсами, допускают перебои в торговле достаточными товарами». Государственная инспекция по торговле при Совете Министров Казахской ССР при проверке в декабре 1961 г. установила случаи длительных перебоев в торговле достаточными товарами в городах Караганде, Сарани и Темиртау. Например, зафиксировано, что в филиале № 2 гастронома г. Сарани не было яблочного и виноградного соков, соусов всех наименований, концентратов каш, бараньего жира, советского и голландского сыров, килек соленого и пряного посолов, субпродуктов, детской смеси, соды пищевой, соли, овощных консервов, хотя эти товары имелись на оптовых базах и в подсобных помещениях магазина. В хозрасчетном магазине № 11 Карагандинского горпищеторга не было в продаже мяса фасованного и субпродуктов при наличии их на мясокомбинате; томатов, яблочного сока, свежемороженой рыбы, концентратов каш, пшена, джема и др. товаров, хотя они также имелись в подсобном помещении магазина. Аналогичные факты вскрыты и в других магазинах горпищеторга и ОРСа: в магазине №3 горпищеторга г. Темиртау в декабре не было в продаже макарон, крупы, перца, повидла, джема, жиров животных, хлопкового масла и др. Перебои в торговле выявлены и в магазине № 78 этого же торга. Особенно серьезные недостатки в организации торговли вскрыты в сельской торговой сети» [30. Л. 11].

Данные из конъюнктурных обзоров и сообщений торговых корреспондентов союзглавторга о состоянии розничной торговли по СССР за 1960–1962 гг. позволяют отследить продовольственное снабжение по Караганде: «Постоянно подсолнечное и хлопковое масло. В продаже постоянно широкий ассортимент круп и макаронных изделий. Достаточно картофеля. Мало моркови, чеснока, соленых помидоров и огурцов. Не было фруктов, помимо лимонов. Сахара достаточно, кондитерские изделия в основном местного производства. Мало кондитерских изделий в обертке. Перебои в продаже водки, вина в узком ассортименте» [31].

Питание горожан Центрального Казахстана напрямую было связано с продовольственным снабжением в торговой сети и, как уже отмечалось, было значительно лучше, чем в ряде регионов СССР. Для сопоставления приведем краткие выводы обзоров (по 24 учтенным городам СССР) по отдельным видам продовольственного снабжения. Торговля мясопродуктами в данные годы ухудшилась: нормально торговали мясопродуктами в 7 городах (г. Целинограде, Вильнюсе, Тбилиси, Ереване, Баку, Ташкенте, Ашхабаде), в остальных 17 спрос не удовлетворялся. В большинстве городов не хватало и колбасных изделий, они были в узком ассортименте. Молока и молочных продуктов в большинстве учтен-

ных городов не хватало. Торговля молочными продуктами во многих городах проходила неудовлетворительно: из 24 учтенных городов постоянно в продаже молоко в 11 городах; не удовлетворялся спрос на молочнокислую продукцию и животное масло, было недостаточно маргарина, в ряде городов не было твердого сыра. В 14 городах не хватало сливочного масла. Яиц не было или не хватало почти всюду: спрос на яйца не удовлетворялся в 22 городах, из них в 7 городах яиц вовсе не было в продаже. Постоянно в продаже сельдь и рыбные консервы, но в узком ассортименте. В ряде городов не хватало консервов в масле, рыбных деликатесов и гастрономии, жирных сельдей. Рыбы, особенно свежемороженой и копченой, недостаточно, ассортимент ее был ограничен. Из 24 учтенных городов в 20 масло растительное продавалось постоянно, в остальных городах его не хватало. Макароны изделия в продаже были бесперебойно, в отдельных городах не хватало макарон высших сортов. Крупы в недостаточном количестве и узком ассортименте. Торговля овощами в основном проходила удовлетворительно (в продаже были лук, свекла, огурцы), но в ряде городов не хватало свежей капусты, моркови, чеснока, овощных консервов. Во многих учтенных городах мало было фруктов и цитрусовых. Спрос на картофель по-прежнему не удовлетворялся в ряде городов, в 6–10 городах не хватало картофеля. Постоянно в продаже сахар в ассортименте. Чая достаточно, но ассортимент его в ряде мест был ограничен. Не хватало кондитерских изделий в расфасовке и коробках, шоколада и шоколадных конфет, карамели в завертке, халвы, пастилы, зефира, вафель и конфет в подарочном оформлении. С перебоями продавалась водка в 8 городах, не хватало шампанского, коньяка, марочные вина в узком ассортименте. В отдельных городах не удовлетворялся спрос на ликеры, настойки, наливки [31].

Некоторые из данных выводов типичны и для Центрального Казахстана, однако в целом ситуация с продовольственным снабжением, а соответственно и с питанием горожан была более благополучной в сравнении с некоторыми регионами СССР. Таким образом, питание горожан и развитие системы общественного питания – это составные части социальной сферы общества, успешное развитие которой являлось органической составной процесса урбанизации. За 1950–1970-е гг. наблюдалось существенное расширение количества столовых, ресторанов и кафе; улучшалось продовольственное снабжение и соответственно качество питания горожан Центрального Казахстана.

Список литературы

1. Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг. – Караганда, 2012. – 365 с.
2. О мероприятиях по дальнейшему развитию советской торговли // Правда. – 1953. – 23 окт.; О мероприятиях по улучшению работы предприятий общественного питания // Правда. – 1956. – 13 марта.

3. Правда. – 1957. – 15 сент.
4. О вкусной и здоровой пище. – М.: Пищпромиздат, 1954. – 447 с.
5. Кулинария. – М.: Госторгиздат, 1955. – 564 с.
6. Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф. 691 Оп. 1. Д. 1488.
7. ГАКО. Ф. 691. Оп. 1. Д. 1945.
8. Правда. – 1956. – 13 марта.
9. ГАКО. Ф. 555. Оп. 1. Д. 202.
10. ГАКО. Ф. 555. Оп. 1. Д. 201.
11. ГАКО. Ф. 555. Оп. 1. Д. 279.
12. ГАКО. Ф. 555. Оп. 1. Д. 343 а.
13. ГАКО. Ф. 613. Оп. 1. Д. 35.
14. Аудиозапись биографической беседы с Фроловой М.В. (1943 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
15. Правда. – 1956. – 13 марта.
16. Аудиозапись биографической беседы с Потаповой Н.А. (1958 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
17. ГАКО. Ф. 691. Оп. 1. Д. 344.
18. Басков Л.П. Системность в планировании общественного питания. – М.: Экономика, 1983. – 120 с.
19. Посчитано по: ГАКО, Ф. 596. Оп. 1/10. Д. 20. Л. 139–242; Д. 25. Л. 12–298; Д. 28. Л. 1–157; Д. 31. Л. 1–158; Д. 34. Л. 2–341; Д. 51. Л. 1–216; Д. 56. Л. 1–209.
20. ГАКО. Ф. 613. Оп. 1. Д. 407.
21. Аудиозапись биографической беседы с Михайловой М.Ф. (1948 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
22. ГАКО. Ф. 555. Оп. 1. Д. 489.
23. ГАКО. Ф. 555. Оп. 1. Д. 997.
24. ГАКО. Ф. 555. Оп. 1. Д. 814.
25. Аудиозапись биографической беседы с Жунусовым Т.Е. (1958 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
26. Аудиозапись биографической беседы с Кудайбергенов Ш.К. (1940 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
27. Аудиозапись биографической беседы с Оспановой А. (1952 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
28. ГАКО. Ф. 691. Оп. 1. Д. 455.
29. Аудиозапись биографической беседы с Иманкуловым М.Р. (1939 г.р.), записано З.Г. Сактагановой в Караганде в 2016 г.
30. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 81. Оп. 1. Д. 55.
31. РГАЭ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 186.

References

1. Saktaganova Z.G. *Ekonomicheskaya modernizatsiya Kazakhstana. 1946-1970 gg.* [Economic modernization of Kazakhstan. 1946–1970]. – Karaganda, 2012. – 356 p.
2. *O meropriyatiyakh po dal'neishemu razvitiyu sovetskoi trgovli* [On measures on further development of Soviet trade] // Pravda [Pravda]. – 1953. – October, 23; *O meropriyatiyakh po uluchsheniyu raboty predpriyatii obshchestvennogo pitaniya* [On measures to improve the operation of public catering enterprises] // Pravda [Pravda]. – 1956. – March, 13.
3. *Pravda* [Pravda]. – 1957. – September, 15.
4. *O vkusnoi i zdorovoi pishche* [About tasty and healthy food]. – Moscow: Pishpromizdat, 1954. – 447 p.
5. *Kulinariya* [Cookery]. – Moscow: Gostorgizdat, 1955. – 564 p.

6. *Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti (GAKO)* [State archive of the Karaganda Region (SAKR)]. F. 691. Op. 1. D. 1488.
7. SAKR. F. 691. Op. 1. D. 1945.
8. *Pravda* [Pravda]. – 1956. – March, 13.
9. SAKR. F. 555. Op. 1. D. 202.
10. SAKR. F. 555. Op. 1. D. 201.
11. SAKR. F. 555. Op. 1. D. 279.
12. SAKR. F. 555. Op. 1. D. 343 a.
13. SAKR. F. 613. Op. 1. D. 35.
14. *Audiozapis' biograficheskoi besedy s Frolovoi M.V. (1943 g.r.), zapisano K.K. Abdrakhmanovoi v Karagande v 2016 g.* [An audio recording of biographical interview with Frolova M. V. (1943), recorded by K. K. Abdrakhmanova in 2016 in Karaganda].
15. *Pravda* [Pravda]. – 1956. – March, 13.
16. *Audiozapis' biograficheskoi besedy s Potapovoi N.A. (1958 g.r.), zapisano K.K. Abdrakhmanovoi v Karagande v 2016 g.* [An audio recording of biographical interview with Potapova N.A. (1958), recorded by K. K. Abdrakhmanova in 2016 in Karaganda].
17. SAKR. F. 691. Op. 1. D. 344.
18. *Baskov L.P. Sistemnost' v planirovanii obshchestvennogo pitaniya* [Consistency in planning catering]. – Moscow: Ekonomika, 1983. – 120 p.
19. *Poschitano po* [Calculated on]: SAKR/ F. 596. Op. 1/10. D. 20. L. 139–242; D. 25, L. 12–298; D. 28. L. 1–157; D. 31. L. 1–158; D. 34. L. 2–341; D. 51. L. 1–216; D. 56. L. 1–209.
20. SAKR. F. 613. Op. 1. D. 407.
21. *Audiozapis' biograficheskoi besedy s Mikhailovoi M.F. (1948 g.r.), zapisano K.K. Abdrakhmanovoi v Karagande v 2016 g.* [An audio recording of biographical interview with Mihailova M. F. (1948), recorded by K. K. Abdrakhmanova in 2016 in Karaganda].
22. SAKR. F. 555. Op. 1. D. 489.
23. SAKR. F. 555. Op. 1. D. 997.
24. SAKR. F. 555. Op. 1. D. 814.
25. *Audiozapis' biograficheskoi besedy s Zhunusovym T.E. (1958 g.r.), zapisano K.K. Abdrakhmanovoi v Karagande v 2016 g.* [An audio recording of biographical interview with Zhunussov T.E. (1958), recorded by K. K. Abdrakhmanova in 2016 in Karaganda].
26. *Audiozapis' biograficheskoi besedy s Kudaibergenov Sh.K. (1940 g.r.), zapisano K.K. Abdrakhmanovoi v Karagande v 2016 g.* [An audio recording of biographical interview with Kudaibergenov Sh. k. (1940), recorded by K. K. Abdrakhmanova in 2016 in Karaganda].
27. *Audiozapis' biograficheskoi besedy s Ospanovoi A. (1952 g.r.), zapisano K.K. Abdrakhmanovoi v Karagande v 2016 g.* [An audio recording of biographical interview with Ospanova A. (1952), recorded by K. K. Abdrakhmanova in 2016 in Karaganda].
28. SAKR. F. 691. Op. 1. D. 455.
29. *Audiozapis' biograficheskoi besedy s Imankulovim M.R. (1939 g.r.), zapisano Z.G. Saktaganovoi v Karagande v 2016 g.* [An audio recording of biographical interview with Imankulov M.R. (1939), recorded by Z.G. Saktaganova in 2016 in Karaganda].
30. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (RGAE)*. [Russian State Archive of Economy (RSAE)]. F. 81. Op. 1. D. 55.
31. RSAE. F. 81. Op. 1. D. 186.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(47)"17":358
ГРНТИ 03.23.31

В.Н. Бенда

Материальная часть артиллерии, боеприпасы к ней и средства их производства в последней четверти XVIII в.

В статье анализируется развитие артиллерии и артиллерийской науки, находившейся в 80-е гг. XVIII столетия под начальством Ивана Ивановича Меллера-Закомельского. В работе отмечается, что в указанный период в Российской империи велась большая работа по усовершенствованию материальной части артиллерии, артиллерийских принадлежностей и различного типа боеприпасов. В частности, автор обращает внимание на тот факт, что в конце 70-х – начале 80-х гг. XVIII столетия активно проводились опыты по определению оптимального и лучшего состава металла, предназначенного для изготовления артиллерийских орудий. Отмечается, что большая творческая работа в этом плане была проделана талантливым русским артиллеристом Алексеем Осиповичем Базиным, который длительное время в ходе лабораторных исследований занимался систематизацией артиллерийских боеприпасов – бомб и гранат по весу, отбору зарядов, сортировке пороха и т. д. Активную исследовательскую работу в области определения лучшего состава металла, употребляемого для изготовления стволов артиллерийских орудий опытным путем, проводил директор Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса (АИШКК) генерал-майор П.И. Меллисино. В статье вводятся в научный оборот ранее не опубликованные архивные и малоизученные другие источники.

Ключевые слова: вторая половина XVIII в., артиллерия, изготовление орудий и пороха, И.И. Меллер-Закомельский, П.И. Меллисино, А.О. Базин.

V.N. Benda

Issues of provision of material part of artillery in the last quarter of the XVIII century

The article deals with the development of artillery and artillery science were in the 80-ies of the XVIII century under the command of Ivan Ivanovich Meller-Sammelklage. In the work it is noted that during the same period, the Russian Empire was carried out great work to improve the material part of artillery, artillery supplies and various types of ammunition. In particular, the author draws attention to the fact that in the late 70's-early 80-ies. The eighteenth century, actively conducted research and experiments to determine the optimum composition and the best composition of the metal intended for the manufacture of artillery shells. It is noted that most of the creative work in this respect was done by talented Russian artillery Alexei Osipovich Bazin, which is a long time in the laboratory studies,

---

© Бенда В.Н., 2016
© Benda V.N., 2016

was engaged in the systematization of artillery ammunition, bombs and grenades by weight, the selection of charges, sort of gunpowder, etc. Active research work in the area of determining the best composition of the metal used for the manufacture of trunks of artillery experimentally managed to establish, was conducted by the Director of Artillery and engineering gentry cadet corps (AISCC) General-major P. I. Melissino. In addition, the article introduces into scientific circulation previously unpublished and little known archival and other sources.

Key words: second half of the XVIII th century, artillery, the manufacture of guns and gunpowder, I. I. Meller-Zakomelsky, P. I. Melissino, A.O. Bazin.

В предыдущих наших публикациях мы уже освещали отдельные моменты состояния и развития артиллерии и артиллерийской науки во второй половине XVIII в. [1; 2; 3].

В ходе изучения дополнительного массива источников по данной теме нами выявлен ряд новых документов и фактов, позволяющих уточнить и дополнить уже имеющиеся сведения, касающиеся состояния и совершенствования материальной части артиллерийского корпуса русской армии, боеприпасов к ней и промышленной базы для их производства в последней четверти XVIII в.

Напомним, что после кончины в апреле 1783 г. генерал-фельдцейхмейстера (начальника русской артиллерии – *В.Б.*) князя Г.Г. Орлова старшим начальником в артиллерии стал генерал-поручик И.И. Меллер, но без полномочий должности генерал-фельдцейхмейстера. Права и полномочия генерал-фельдцейхмейстера перешли к Военной коллегии. В конце ноября 1783 г., в соответствии с указом Екатерины II, генерал-поручику И.И. Меллеру был присвоен чин (воинское звание) генерал-аншеф (полный генерал – *В.Б.*) и на него были возложены обязанности *исполнения должности генерал-фельдцейхмейстера*, но без официального присвоения ему этого звания [4, с. 304].

Иван Иванович Меллер начал военную службу в 1739 г. в артиллерии, в сентябре 1745 г. И.И. Меллеру было присвоено унтер-офицерское звание сержанта артиллерии [5. Л. 12], в 1752 г. – первый обер-офицерский чин – подпоручик артиллерии [5. Л. 17], в сентябре 1758 г. первый штаб-офицерский чин – майор артиллерии [5. Л. 26], а весной 1761 г. – воинское звание подполковника артиллерии [5. Л. 28]. 22 сентября 1764 г. И.И. Меллер был произведен в генерал-майоры, а 21 апреля 1773 г. ему был присвоено воинское звание (чин) генерал-поручика.

В каком организационно-штатном, численном и качественном состоянии принял артиллерию под свое управление И.И. Меллер в 1783 г.?

Личный состав полевой и осадной артиллерии был как и ранее сведен в пять артиллерийских полков двухбатальонного состава по 5 рот в

каждом, из которых один был бомбардирский, два канонирских (1-й и 2-й – В.Б.) и два фузелерных (соответственно 1-й и 2-й). Материальная часть артиллерии находилась в парках, а средства тяги к ней – в фурштатских командах. Общая численность артиллерийского корпуса составляла 21 750 чел., из которых 12 308 чел. составлял личный состав пяти артиллерийских полков [6. Л. 254, 294; 7. Л. 277–279].

Напомним, что в августе 1787 г. началась так называемая Вторая Русско-турецкая война (1787–1791), в ходе которой Османская империя, поддерживаемая в этой войне Англией, Францией и Пруссией, планировала возвратить себе все земли, которые вошли в состав Российской империи в течение Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., а также и присоединенный к России в 1783 г. Крым.

К 1788 г. в русской армии насчитывалось 244 орудия полевой и 207 орудий полковой артиллерии. Некоторое сокращение по сравнению с 1763 г. произошло за счет снятия с вооружения не оправдавших себя секретных гаубиц.

Еще более внушительный запас артиллерийского вооружения и запасов пороха был накоплен к началу Второй Русско-турецкой войны в арсеналах, складах и других местах хранения. Для полевой артиллерии хранились 12,8 и 6-фунтовые пушки, а также ½-картаунные единороги. Для осадной – 24- и 18-фунтовые пушки, а для полевой осадной артиллерии – 1-пудовые единороги, 5- и 2-пудовые мортиры. Места их хранения и количество представлены в табл. 1, составленной нами на основании данных Д.Ф. Масловского.

Таблица 1

Места хранения и количество запасного артиллерийского вооружения накануне Второй Русско-турецкой войны [8, с. 32]

Места расположения арсеналов и складов	Количество артиллерийского вооружения для полевой артиллерии	Количество артиллерийского вооружения для осадной артиллерии
Петербург	89	17
Киев	94	33
Херсон	30	128
Кременчуг	40	-
При корпусах		
Кавказский	32	-
Кубанский	16	-
Таврический	27	-
Феодосийский	10	-
Севастопольский	13	-
Всего	351	178

Помимо запасной материальной части артиллерии, хранившейся на складах и в арсеналах, там же было сосредоточено еще 53 202 пуда (более 870 т – *В.Б.*) запасов пороха для полевой и осадной артиллерии. В специальных складах, расположенных в Астрахани, Азове и Таганроге хранился запасной порох для корпусов.

Каких-либо существенных усовершенствований материальной части отечественной артиллерии не произошло. Еще в 1768 г. на вооружение русской артиллерии стали поступать 12- и 6-фунтовые пушки, а также 1-пудовые, 12- и 8-фунтовые единороги. Пушки были облегчены (ствол 12-фунтовой пушки до 60 пудов, а 6-фунтовой – до 31 пуда – *В.Б.*), а единороги, наоборот, были утяжелены. Стволы 12- и 8-фунтовых единорогов были удлинены. Удлинены были и лафеты, что придало единорогам большую устойчивость при стрельбе.

У большей части орудий подъемный механизм состоял из подъемного клипа с горизонтальным винтом, но были орудия (часть единорогов), у которых подъемным механизмом служил вертикальный винт с гайкой. Орудия имели мушки и диоптры [9, с. 463].

В рассматриваемый период продолжала возрастать роль артиллерии как одного из основных родов войск. Численность личного состава артиллерии составляла примерно 10 % численности всей армии, а на 1000 солдат полевых войск приходилось 4–6 артиллерийских орудия. Новая материальная часть поступала на вооружение не только полевой, но и гарнизонной артиллерии.

В последней четверти XVIII столетия были повышены требования к соблюдению строго определенных весовых характеристик изготавливаемых орудийных стволов. Если до этого различия в весе стволов артиллерийских орудий одного и того же калибра составляло примерно 1–2 пуда (от 16 до 32 кг – *В.Б.*), то теперь отклонение от установленного веса ствола артиллерийского орудия не должно было превышать 3–4 фунта (от 1,3 до 1,8 кг – *В.Б.*) [10. Л. 444; 11. Л. 1, 27]. С 1785 г. стволы артиллерийских орудий стали крепиться на лафетах с железными осями для колес, что, несомненно, укрепило их прочность и долговечность [12. Л. 2; 13. Л. 22]. Были проведены некоторые другие усовершенствования артиллерийских принадлежностей и боеприпасов. Например, были усовершенствованы передки и зарядные ящики. Чтобы повысить боеготовность орудий на марше и при переводе артиллерийских подразделений из походного порядка в боевой, стали изготавливать зарядные ящики на 30 зарядов и снарядов не только для полковой артиллерии, как это было раньше, но и для полевой [12. Л. 88; 13. Л. 64].

Был также заменен металл, из которого производился такой вид артиллерийских боеприпасов, как картечь. Ранее она изготавливалась из свинца, довольно дорогого металла на тот момент. Вследствие дороговизны и небольших запасов этого металла исполняющий обязанности генерал-фельдцейхмейстера И.И. Меллер в 1787 г. внес предложение о более широком внедрении чугунной картечи вместо свинцовой, а чтобы

вес картечи оставался прежним, рекомендовалось жестянки для чугуновой картечи делать длиннее и вкладывать в них чугунных пуль столько, сколько потребуется до полного веса свинцовой картечи [14. Л. 1–3, 6, 16–17, 19–20]. Свинцовая картечь не снималась с вооружения, но новые картечи (особенно для осадной артиллерии) изготавливались из чугунных пуль.

Важным позитивным новшеством стало и то, что к концу века количество образцов орудий в полевой артиллерии было уменьшено с 15 до 11. С вооружения артиллерии были сняты такие образцы артиллерийских систем, как: 9-пудовые мортиры, 2-пудовые единороги, 8-фунтовые пушки и так называемые шуваловские «секретные гаубицы». В табл. 2 приведены основные тактико-технические характеристики образцов артиллерийского вооружения, состоящего на вооружении русской армии в 1789 г.

Таблица 2

Основные тактико-технические характеристики артиллерийских орудий, состоящих на вооружении русской армии в 1789 г.

[9, с. 465; 15, с. 13–29, 64–73]

Наименование артиллерийских орудий и их калибр	Вес артиллерийского ствола (пуд)	Вес лафета (пуд)	Дальность стрельбы при угле возвышения 0°, м	Боекомплект (ядра, картечь, бомбы, каркасы и т.д.)
Осадная артиллерия				
Пушка 24-фунтовая (≈152 мм)	183	140	745	500
Пушка 18-фунтовая (≈137 мм)	138	109	745	500
Мортира 5-пудовая (≈333 мм)	90	65	-	250
Единорог 1-пудовый (≈196 мм)	86,5	100	1600	250
Полевая артиллерия				
Пушка 12-фунтовая (≈120 мм)	60	64,5	427	150
Пушка 6-фунтовая (≈96 мм)	31	42	320	150
Мортира 2-пудовая (≈245 мм)	31,5	60	-	150
Единорог ½-пудовый (≈152 мм)	42,5	59	1493	150
Полковая артиллерия				
Пушка 3-фунтовая (≈76 мм)	15,2	20	213	150
Единорог 12-фунтовый (≈120 мм)	23	38,5	1066	150
Единорог 8-фунтовый (≈100 мм)	12,5	31	1066	150

Из табл. 2 видно, что некоторые образцы артиллерийских орудий (24 и 18-фунтовые пушки в осадной артиллерии, а также 12 и 8-фунтовые единороги в полевой артиллерии – В.Б.) имея значительно меньший вес артиллерийского орудия и лафета к нему, т.е. улучшенные маневренные возможности, *имели сопоставимые показатели по дальности стрельбы.*

В данном случае нам трудно объяснить необходимость нахождения на вооружении более тяжелых по весу образцов артиллерийских орудий, в то время когда имелись облегченные варианты ничем не уступавшие образцам артиллерийских систем с более высокими весовыми характеристиками.

В конце 70-х – начале 80-х гг. XVIII столетия активно велись научные изыскания по определению оптимального состава пороха. В результате таких исследований было выявлено, что лучшим составом артиллерийского пороха является тот, который содержал 71 % селитры, 12 % серы и 17 % угля. Было принято решение о том, чтобы в дальнейшем на всех пороховых заводах артиллерийский порох, изготовлялся только в такой пропорции [9, с. 466]. Установление единой пропорции порохового состава было положительным явлением, так как это вело к однотипным зарядам и, следовательно, к повышению точности и эффективности артиллерийского огня.

Большая творческая работа в этот период времени была проделана талантливым артиллеристом Алексеем Осиповичем Базиным, который длительное время в ходе лабораторных исследований занимался систематизацией артиллерийских боеприпасов – бомб и гранат по весу, отбору зарядов, сортировке пороха и т. д. В 1785 г. А.О. Базиным было составлено урочное положение для всех лабораторных работ, в котором на основании многочисленных опытов и боевой практики были сделаны выводы об улучшении конструкции снарядов, о более строгом требовании к изготовлению орудий (стволов и лафетов), о порядке отбора снарядов, о сортировке пороха и его хранении в бочках новой конструкции, о приготовлении зарядов и др.

К сожалению, важные и ценные разработки и предложения А.О. Базина по усовершенствованию материальной части артиллерии и боеприпасов к ней не были реализованы. «Правила цельного стреляния», а также урочное положение для всех лабораторных работ, направленные А.О. Базиным генерал-фельдцейхмейстеру Г.Г. Орлову, оставались без внимания вплоть до 1797 г. [9, с. 467–468].

Продолжались работы по определению лучшего артиллерийского металла. Напомним, что большое количество артиллерийских орудий как для сухопутной, так и для морской артиллерии изготовлялось из чугуна. Вместе с тем с начала 80-х гг. XVIII в. велись опытные и лабораторные работы по определению лучшего состава металла для изготовления стволов сухопутной и морской артиллерии. Мы полагаем,

что толчком для подобного рода исследований послужил указ Правительствующего сената (ПС) от 10 июля 1784 г. которым запрещалось в дальнейшем отливать на Олонецких заводах для морской артиллерии чугунные пушки 36 и 30-фунтового калибра. В документе было сказано, что в соответствии с именным указом Екатерины II от 16 августа 1783 г. [16, с. 994] предписывалось «...завести во флоте Ея императорского величества вместо чугунной артиллерии медную» [17, с. 186–187].

Следует сказать, что отечественные конструкторы и исследователи артиллерийского вооружения и боеприпасов к нему не чурались использовать в ходе своих научных экспериментов и изысканий заграничный опыт и сведения, полученные различным путем.

Для того чтобы опытным путем определить лучший металл (чугун или медь), из которого следовало бы отливать стволы артиллерийских орудий, из-за границы в Россию доставлялись опытные образцы артиллерийского вооружения западноевропейских армий, которые испытывались ведением артиллерийского огня при различных вариантах объема порохового заряда и количества ядер. Результаты таких опытных стрельб, проведенных в присутствии специальной комиссии, с выводами и рекомендациями этой комиссии докладывались вышестоящему командованию.

Приведем один характерный пример. Упомянутый выше подполковник А.О. Базин в октябре 1784 г. по указанию И.И. Меллера принимал активное участие в проведении практических испытаний образцов 30-фунтовых артиллерийских орудий, привезенных из Англии. Английские орудия двух образцов (длинные и короткие – В.Б.) были изготовлены из чугуна и легче аналогичных образцов русских орудий. Подобные испытания были проведены во исполнение повеления императрицы Екатерины II, указавшей провести всесторонние испытания английских орудий в присутствии компетентных лиц [18. Л. 2]. По результатам этих стрельб был составлен подробный отчет, подписанный всеми членами комиссии и направленный 18 октября 1784 г. И.И. Меллеру [18. Л. 4–6].

Практические стрельбы из английских чугунных орудий проводились в условиях повышенного заряда пороха и большего количества ядер. Например, одна из пушек была заряжена пороховым зарядом весом «...12 фунтов 48 золотников и 7 ядер, прокладывая каждое ядро пыжом» [18. Л. 5 об.]. По заключению консилиума все образцы английских чугунных пушек успешно выдержали «... такую жестокую пробу... и все удостоверяют о их великой крепости, потому и признают их к употреблению весьма способными» [18. Л. 6]. Что же касается сравнения крепости чугунных пушек с медными, то комиссия указала, что определить способности чугунных пушек выдержать такое большое количество выстрелов, как и медные, возможно «... не иначе как через опыт действительной стрельбой» [18. Л. 6].

Неплохие характеристики английских чугунных пушек отмечал в своем докладе, поданном на имя императрицы 1 сентября 1788 г., и генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин-Таврический. В частности, он писал, что в качестве трофеев, взятых русской армией у турок, было много медных и чугунных артиллерийских пушек, и *чугунные пушки были английского производства «...и очень хороши»* [19, с. 524].

Опыты по определению лучшего состава металла, предназначенного для изготовления артиллерийских орудий, продолжались и в дальнейшем. Так, например, в середине 80-х гг. XVIII в. по указанию И.И. Меллера *стали отливаться стволы артиллерийских орудий из сплава меди и цинка*. Но опытные стрельбы из этих орудий подтвердили низкое качество артиллерийского металла из такого сплава.

Активную исследовательскую работу в этой области проводил директор Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса (АИШКК) генерал-майор П.И. Меллисино, назначенный на эту должность 29 ноября 1782 г. [20. Л. 1]. В 1785 г. П.И. Меллисино опытным путем удалось установить, *что лучшим металлом для изготовления стволов артиллерийских орудий является сплав из 100 частей меди и 10 частей олова*, который в дальнейшем и был принят на всех заводах и арсеналах в качестве единственного образца для изготовления артиллерийских орудий [21, с. 141].

Заметим, что круг обязанностей генерал-поручика П.И. Меллисино был довольно обширен. Помимо руководства АИШКК, П.И. Меллисино с 1783 г. исполнял обязанности старшего начальника в Канцелярии главной артиллерии и фортификации (КГАиФ) на время отсутствия по делам службы И.И. Меллера [22. Л. 1–5]. Его исследовательская и научная деятельность касалась различных сфер производства и эксплуатации артиллерийского вооружения и подготовки офицерских и унтер-офицерских кадров для артиллерии. В частности, в 1786 г. по ходатайству П.И. Меллисино в АИШКК были поставлены по несколько образцов мортир, единорогов и пушек для обучения кадет практической стрельбе из них [23. Л. 1–3].

Опыты по определению лучшего состава металла, употребляемого для изготовления стволов артиллерийских орудий, продолжались и в последующие годы. Так, в 1791 г. литейный мастер Крюгер предложил отливать стволы из сплава, в состав которого входило 87,4 % меди, 8,3 % олова и 4,3 % цинка. Из такого сплава были изготовлены стволы двух артиллерийских орудий, но при проведении опытных стрельб, эти орудия сумели выдержать не более 600 выстрелов, в результате предложенный артиллерийский металл был забракован [24. Л. 4–5]. П.И. Меллисино продолжил свои опыты по определению лучшего состава артиллерийского металла, и в 1793 г. им было предложено отливать стволы орудий из сплава, содержащего 90,91 % меди и 9,09 % олова. Из такого сплава были отлиты стволы для двух 18-фунтовых пушек, кото-

рые на опытных стрельбах выдержали по 2200 боевых выстрелов [21, с. 141]. После этих удачных опытов стали отливать стволы орудий из сплава, содержащего 91 % красной меди и 9 % олова.

В ходе Русско-турецкой войны русскими войсками в качестве трофеев было захвачено много артиллерийских орудий противника. В то же время некоторая часть отечественных артиллерийских орудий была выведена из строя. Вследствие этого появилась необходимость перелить стволы трофейных орудий на русские образцы. О масштабах этой работы можно судить по тому, что только в одном 1790 г. было решено перелить 679 стволов [25. Л. 146–150]. На основании опытов пришли к выводу, что при изготовлении стволов орудий из старого металла на каждый пуд металла необходимо прибавлять 1 фунт олова [21, с. 141].

В ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. продолжались работы не только над усовершенствованием материальной части артиллерии, но и над улучшением техники производства и ремонта материальной части. Тот же генерал П.И. Мелиссино в 1791 г. предложил усовершенствованную машину для зачистки раковин в канале ствола [26. Л. 178–179]. Новая машина отличалась от старой не только более совершенным способом зачистки раковин, но и тем, что с помощью машины легко и просто можно было осуществлять ремонт стволов как в арсеналах, так и в действующей армии [27. Л. 1].

В это же время была улучшена конструкция сверлильного станка. Усовершенствованные станки все шире внедрялись в производство [10. Л. 377].

Помимо научных опытов и лабораторных исследований в области артиллерийского вооружения, боеприпасов и снаряжения к нему, правительством Российской империи предпринимались и другие меры по своевременному и в полном объеме обеспечению армии всеми видами снабжения и довольствия.

В этой связи расширялась производственная база для изготовления материальной части артиллерии. В частности, на основании именного указа императрицы Екатерины II на имя начальника русской артиллерии генерала И.И. Меллера от 6 февраля 1786 г., изданного в соответствии с предложениями Меллера, был учрежден пушечный завод в Сестрорецке [17, с. 531].

Для удовлетворения всех потребностей численно возросшей русской армии в порохе [17, с. 279; 28, с. 231–232] Екатериной II был издан именной указ Государственной военной коллегии (ГВК) от 23 февраля 1787 г., которым предписывалось ежегодно выделять КГАиФ 23 000 р., чтобы последняя имела возможность заготавливать порох и свинец в нужном количестве для армии и флота [17, с. 811].

Производство пороха в России в течение второй половины XVIII в. постоянно увеличивалось. В Малороссии в 1765 г. были построены новые заводы по производству пороха и селитры [29. Л. 1–15]. На Охтин-

ских пороховых заводах в период с 1769 по 1770 гг. было произведено 14 306 пудов пороха, в период с 1777 по 1782 гг. – 47 786 пудов, а с 1783 по 1791 год – 141 883 пуда [30, с. 362].

Несмотря на это, чтобы обеспечить в полной мере растущие потребности русской армии в порохе, российским правительством были предприняты некоторые запретительные и ограничительные меры по торговле порохом. Так, например, 16 февраля 1788 г. в соответствии с именным указом Екатерины II, данным ПС, запрещалось продавать селитру (один из компонентов для изготовления пороха – В.Б.) за границу до окончания войны [17, с. 1032]. В мае 1790 г. на основании донесения КГАиФ Государственная военная коллегия (ГВК) издала указ, в соответствии с которым запрещалась свободная продажа казенного пороха частным лицам. В указе говорилось, что в случае осуществления свободной продажи пороха он мог бы попадать не только в руки неприятеля, но и к «ворам и разбойникам» [31, с. 136].

Состав пороха и в середине XVIII в. определялся Высочайшим указом Петра Великого от 17 января 1724 г., в котором говорилось: «Порох иметь и готовить таково качества, дабы 24-золотниковый деревянный конус бросал из мортирки пушечный на 73, а мушкетный и пистолетный на 100 английских футов в высоту; а ниже упомянутых фунтов иметь и готовить не велено» [32, с. 106]. На петербургских и охтенских пороховых заводах на изготовление одного пуда пороха расходовали – 1 пуд, 3 фунта и 89 золотников различных материалов. В 1766 г. по решению КГАиФ была введена новая пропорция исходных материалов для производства пороха, общий вес которой составлял 1 пуд, 3 фунта, 4 золотника. В состав этой пропорции входили следующие ингредиенты: 30 фунтов и 66 золотников с долями селитры; 4 фунта, 57 золотников с долями серы и 8 фунтов, 13 золотников с долями угля.

На шостенских заводах тратили на 1 пуд пороха – 1 пуд, 3 фунта и 41 золотник с долями материалов (селитры 30 фунтов, серы 4 фунта и 48 золотников с долями, 8 фунтов 89 золотников с долями угля). В 1783 г. была установлена единая пропорция для изготовления пороха, которая стала употребляться на всех пороховых заводах: на 1 пуд пороха предусматривалось затрачивать 28 фунтов селитры, 5 фунтов серы и 7 фунтов угля. Такой состав для изготовления пороха сохранился вплоть до 1797 г. [30, с. 362].

Во второй половине XVIII столетия артиллерийское вооружение и боеприпасы к нему, а также иное снаряжение и имущество, необходимое для боевого применения артиллерии, изготовлялось на Ижевских заводах, принадлежавших Баташеву. Например, в период с 1770 по 1772 г. на баташевских заводах для армии было выпущено 296 артиллерийских орудий различного калибра и назначения, 18 единорогов, 12 595 ядер, 10 900 бомб, 836 гранат и 18 882 пудов дроби [30, с. 352].

На Дугненском, Богданопетровском, Черепецком и других заводах, расположенных в Калужской губернии, в большей степени производились ядра и гранаты. Пушки и боеприпасы изготовлялись на уральских заводах. Для производства и поставок боеприпасов в действующую армию привлекалась значительная часть московских, тульских и окских заводов.

Большое значение для своевременного и полноценного снабжения армии артиллерийским и другим вооружением и боеприпасами имела продукция липецких заводов. Любопытно мнение генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина о качестве продукции, выпускаемой липецкими заводами для вооружения русской армии и флота. В частности, в своем всеподданнейшем донесении на имя императрицы от 1 сентября 1788 г. он писал, что «Липецкие заводы славились прежде исправностью работ. Снаряды, там делаемые, можно всегда отличить от других... Я осмелюсь испрашивать Высочайшего повеления о приведении в действие помянутых заводов...» [19, с. 526]. По данным Л.Г.Бескровного, в период с 1788 по 1790 гг. на этих заводах было изготовлено 400 артиллерийских орудий 3-фунтового калибра, 222 орудия 6-фунтовых, 150 орудий 12-фунтовых, 116 орудий 18-фунтовых, 94 – 24-фунтовых, 82 – 30-фунтовых, 80 – 36-фунтовых, а также 146 единорогов калибром 24 фунта и 168 единорогов 18-фунтового калибра. Всего для армии и флота на липецких заводах в этот период было изготовлено 1458 артиллерийских орудий различного типа, калибра и назначения [30, с. 354].

В июне 1774 г. был пущен в ход Александровский пушечный завод (ныне г. Петрозаводск). В связи с этим возобновили свою деятельность Кончезерский литейный завод, входивший в систему Олонецких горных заводов (ныне село Кончезеро Кондопожского района Республики Карелия) и Петровский медеплавильный завод (ныне г. Петрозаводск) [33, с. 408]. Необходимо заметить, что вплоть до реконструкции завода, проведенной в 1786 г., примерно 50–60 % выпускаемой заводом продукции оказывалось бракованной. Так, например, в период с 1774 по 1786 гг. Александровский завод изготовил 76 526 пудов годных пушек и 120 510 пудов негодных, 63 620 пудов годных ядер и 64 392 пуда негодных ядер [34, с. 147].

Из-за несовершенной технологии отливки стволов артиллерийских орудий во второй половине XVIII в. готовая продукция практически всех заводов, занимавшихся изготовлением артиллерийского вооружения, имела один существенный недостаток – наличие раковин на внутренней стороне ствола артиллерийского орудия, что способствовало его быстрому изнашиванию и выходу из строя.

В связи с этим правительство и военное руководство стали требовать от Берг-коллегии повышения качества вновь отлитых артиллерийских орудий, поставляемых в войска.

Необходимые меры по контролю качества артиллерийского вооружения, поставляемого в войска, предпринимались и руководством артиллерийского ведомства.

В 1790 г. было определено, чтобы вновь изготовленные артиллерийские орудия различного типа, калибра и назначения перед поставкой их в войска испытывались на прочность и пригодность путем проведения практических стрельб в соответствии с установленным в 1790 г. КГАиФ регламентом, который определял, «...поскольку для какого орудия пороху в заряды употреблять и каким числом снарядов стрелять» [35. Л. 1 об.]. В специальной ведомости (см. табл. 3), разработанной в КГАиФ, указывалось, сколько необходимо употреблять пороха и зарядов при проведении испытательных стрельб вновь вылитых орудий сухопутной и морской артиллерии.

Таблица 3

Ведомость

Учиненная в Канцелярии главной артиллерии и фортификации по сколько для пробы выливаемых сухопутной и морской артиллерии орудий полагается употреблять на каждый выстрел пороха и снарядов [35. Л. 2–2 об.] (орфография и стиль документа сохранен – В.Б.).

Осадная, полевая и полковая сухопутная артиллерия	Полагается употреблять на выстрел					
	в 1-й раз		во 2-й раз		в 3-й раз	
	Пороху, фунт	В пушки ядер, а в единороги и мортиры бомб	Пороху, фунт	В пушки ядер, а в единороги и мортиры бомб	Пороху, фунт	В пушки ядер, а в единороги и мортиры бомб
В пушки						
24-фунтовые	12	1	18	2	16	1
18-фунтовые	9	1	13,5	2	12	1
12-фунтовые	5	1	7,5	2	6 и 2/3	1
6-фунтовые	2,5	1	5	2	2 и 3/4	1
3-фунтовые	1 и 1/4	1	2,5	2	1 ф. и 84 золотника	1
В единороги						
1-пудовые	6	1	10	1	8	1
1/2-картаульные	4	1	7	1	5,5	1
1/4- картаульные	2,5	1	4	1	3 и 1/4	1
8-фунтовые	1,5	1	2,5	1	2 и 1/4	1
3-фунтовые	1	1	2	1	1,5	1

В мортиры						
5-пудовые	6	1	12	1	9	1
2-пудовые	2	1	4	1	3	1
Л.2 об.						
В флотские						
Пушки						
36-фунтовые	18	1	24	2	21	1
30-фунтовые	15	1	22,5	2	20	1
18-фунтовые	9	1	13,5	2	12	1
12-фунтовые	6	1	9	2	8	1
6-фунтовые	3	1	6	2	4,5	1
Единороги						
1-пудовые	12	1	18	1	16	1
1/2 -пудовые	8	1	12	1	10	1
Мортиры						
5-пудовые	15	1	28	1	22	1

Такова краткая история развития артиллерийского дела в период руководства артиллерией И.И. Меллером.

После тяжелого ранения 6 октября 1790 г. главного начальника русской артиллерии барона Ивана Ивановича Меллера-Закомельского, полученного им при штурме крепости Килии, вследствие которого он скончался 10 октября того же года [36. Л. 1], главнокомандующим русской артиллерией стал генерал-фельдмаршал и светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический. По этому поводу в его приказе от 11 октября 1790 г. указано, что «...приемлю я корпус артиллерии в знак особого уважения в собственное мое начальство» [36. Л. 2].

В заключение отметим, что на протяжении второй половины XVIII в. продолжались поиски лучших составов металла, из которого отливались стволы артиллерийских орудий, и состава пороха. Многочисленные опыты по определению оптимального состава металла для артиллерийских орудий позволили определить его состав, состоящий из 91 % меди и 9 % олова. Что касается состава пороха, то опять же в результате многочисленных опытов пришли к выводу, что наилучший состав пороха, обеспечивающий максимальное использование боевых возможностей артиллерийских орудий при ведении артиллерийского огня, включает 71 % селитры, 12 % серы и 17 % угля. Артиллерийским заводам, арсеналам и пороховым заводам предписано было руководствоваться установленными пропорциями.

В это же время широкое распространение в качестве артиллерийских боеприпасов получили чугунные картечные пули, используемые вместо дорогостоящих свинцовых [9, с. 518–519].

Список литературы

1. Бенда В.Н. Состояние артиллерии и артиллерийской науки в период руководства ею генерал-фельдцейхмейстерами А.Н. Вильбоа и Г.Г. Орловым // Междунар. науч. журн. «NOVATION»(Болгария, Варна). – 2016. – № 2. – С. 58–62.
2. Бенда В.Н. Отечественная и зарубежная историография проблемы оценки состояния и развития русской артиллерии и науки во второй половине XVIII в. // Вестн. совр. науки: науч.-теорет. журн. – Волгоград, 2016. – № 6: в 2 ч. – Ч. I. – С. 21–29.
3. Бенда В.Н. Развитие артиллерийского дела, науки и артиллерийского образования во второй половине XVIII столетия // Ежемес. науч. журн. «Scientia». – 2016. – № 1. – С. 4–7.
4. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное артиллерийское управление. Исторический очерк. – СПб.: Тип. М.О.Вольф, 1902. – 574 с.
5. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. КО (Командное отделение). Д. 156.
6. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 1774.
7. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1777.
8. Масловский Д.Ф. Примечания и приложения к запискам по истории военного искусства в России. Царствование Екатерины II. Вып. 2. – СПб.: типография В. Безобразова и Комп., 1894. – 142 с.
9. История Отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2: Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). – М.: Воениздат, 1960. – 696 с.
10. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 1056.
11. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 1084.
12. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 1068.
13. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 1090.
14. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2694.
15. Мелисино П.И. Краткие артиллерийские записки для наставления унтер-офицеров в новоучрежденных артиллерийских батальонах, сочиненные при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе. – СПб.: императорская типография, 1789. – С. 13–29, 64–73.
16. Полное собрание законов Российской Империи. (ПСЗ). Собр. 1. Т. XXI. (1781–1783). – СПб.: Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1830. – 1083 с.
17. ПСЗ. Собр. – 1. – Т. XXII. (1784–1788). – СПб.: Типография II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. – 1158 с.
18. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2351.
19. Материалы для истории русского флота. Ч. XV. – СПб.: Тип. Морского Министерства, 1865–1904. – 601 с.
20. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 3971.
21. Артиллерийский журнал, издав. Артиллерийским отд. Военно-ученого комитета. – 1859. – № 2.
22. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4934.
23. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4020.
24. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 1165.
25. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 3243.
26. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. КО. Д. 1156.
27. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2756.
28. ПСЗ. Собр. 1. Т. XLIII: Книга штатов. Ч. 1: Штаты военно-сухопутные (1711–1800). 1762–1796. – СПб., 1830. – 316 с.
29. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1702.

30. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке: очерки. – М.: Военное изд-во МО СССР, 1958. – 645 с.
31. ПСЗ. Собр. 1. Т. XXIII. – СПб.: Тип. II отделения собств. ЕИВ канцелярии, 1830. (1789 – 31 октября 1796). – 969 с.
32. Вестник Европы. – М.: Университетская тип., 1807. – № 22.
33. История СССР. С древнейших времен до наших дней: в 2 сер. и 12 т. I сер. Т. III. – М.: Наука, 1967. – 621 с.
34. Герман И.Ф. Описание Петрозаводского и Кончезерского заводов и производимого при оных литья пушек и снарядов. С тридцатью двумя рисунками. – СПб.: Печ. в тип. Шнора, 1803. – 206 с.
35. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 3229.
36. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 5112.

References

1. Benda V.N. Sostoyanie artillerii i artillerijskoj nauki v period rukovodstva eyu general-fel'dcejhmejsterami A.N. Vil'boa i G.G. Orlovym [The condition of artillery and artillery science under the leadership of its General Feldzeugmeister A. N. Velboa, and G. G. Orlov] // international scientific journal "NOVATION"(Bulgaria, Varna). – 2016. – No. 2. – P. 58–62.
2. Benda V.N. Otechestvennaya i zarubezhnaya istoriografiya problemy ocenki sostoyaniya i razvitiya russkoj artillerii i nauki vo vtoroj polovine XVIII v. [Domestic and foreign historiography of the problem of assessing the state and development of Russian artillery and science in the second half of the XVIII century] // Herald of modern science. Scientific-theoretical journal. – Volgograd: Publishing house "Sphere". – 2016. – No. 6: in 2 hours p. I., – P. 21–29.
3. Benda V.N. Razvitie artillerijskogo dela, nauki i artillerijskogo obrazovaniya vo vtoroj polovine XVIII stoletiya [The development of artillery Affairs, science and artillery formation in the second half of the XVIII century] // The Monthly scientific journal "Scientia". 2016. N. 1. – P. 4–7.
4. Stoletie voennogo ministerstva. 1802–1902. Glavnoe artillerijskoe upravlenie. Istoričeskij očerok [The centenary of the war Ministry. 1802–1902. The main artillery administration. Historical sketch]. – SPb.: Type. M. O. Volf, 1902. – 574 p.
5. Arhiv Voenno-istoričeskogo muzeya artillerii, inženernyh vojsk i vojsk svyazi [The archive of the Military historical Museum of artillery, engineer and signal corps] (Archive VYMAIL and sun). F. 2. Op. FOR (Command office). D. 156.
6. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. SGF (Staff of the General Feldzeugmeister). D. 1774.
7. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. SGF. D. 1777.
8. Maslovskiy D. F. Primechaniya i prilozheniya k zapiskam po istorii voennogo iskusstva v Rossii. Carstvovanie Ekateriny II [Notes and Annex notes on the history of martial arts in Russia. The reign of Catherine II]. Vol. 2. – SPb.: printing house V. Bezobrazov and co., 1894. – 142 p.
9. Istoriya Otechestvennoj artillerii. – Т. 1. – Kn. 2: Artilleriya russkoj armii v period ukrepleniya absolyutizma (XVIII v.). [The history of domestic artillery. – Vol. 1. – Kn. 2: Artillery of the Russian army in the period of strengthening of absolutism (XVIII)]. – М.: Voenizdat, 1960. – 696 p.
10. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. Arsenal. D. 1056.
11. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. Arsenal. D. 1084.
12. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. Arsenal. D. 1068.
13. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. Arsenal. D. 1090.
14. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. SGF. D. 2694.

15. Melissino P. I. Kratkie artillerijskie zapiski, dlya nastavleniya unter-oficerov v novo-uchrezhdennyh artillerijskih batal'onah sochinennye pri Artillerijskom i inzhenernom shlyahetnom kadetskom korpuse [Brief artillery note for the instruction of non-commissioned officers in the newly-established artillery battalions composed at the Artillery and engineering gentry cadet corps]. – St. Petersburg: Imperial printing office, 1789. – P. 13–29, 64–73.
16. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. The first Assembly. (PSZ). – SPb.: Typography II Department of the EIV office, 1830. T. XXI. (1781–1783). – 1083 p.
17. PSZ. – SPb.: Typography II Department of the EIV office, 1830. T. XXII. (1784–1788). – 1158 p.
18. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. SGF. D. 2351.
19. Materialy dlya istorii russkogo flota [Materials for the history of the Russian Navy]: Part XV. – SPb.: Type. The Naval Ministry, 1865–1904. – 601 p.
20. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. SGF. D. 3971.
21. Artillery magazine, published. Artill. Department Of The Military Committee. 1839–1859. 1859. – No. 2.
22. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. SGF. D. 4934.
23. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. SGF. D. 4020.
24. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. Arsenal. D. 1165.
25. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. SGF. D. 3243.
26. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. KO. D. 1156.
27. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. SGF. D. 2756.
28. PSZ. Volume XLIII: the Book of the States: Part 1: States military land (1711–1800): 1762–1796. SPb., 1830. – 316 p.
29. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. SGF. D. 1702.
30. Bloodless L.G. Russkaya armiya i flot v XVIII veke (Ocherki) [The Russian army and Navy in the eighteenth century (Essays)]. – M.: Military publishing house USSR Ministry of defense, 1958. – 645 p.
31. PSZ. – SPb.: Typography II Department of the EIV office, 1830. – T. XXIII. (1789–31 Oct 1796). – 969 p.
32. Herald of Europe, published by Mikhailov Kochanowskiego. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1807. – No. 22.
33. Istoriya SSSR. S drevnejshih vremen do nashih dnei [History of the USSR. From ancient times to the present day]. In 2 episodes, and 12 volumes. The I series. T. III. – M.: publishing house "Nauka", 1967. – 621 p.
34. Herman I.F. Opisanie Petrozavodskogo i Konchezerskogo zavodov, i proizvodimogo pri onyh lit'ya pushek i snaryadov. S tridcat'yu dvumya risunkami [Description of Petrozavodsk and Konchezerskogo plants, and produce thereof in casting of guns and shells. With thirty-two drawings]. – SPb.: PECs. in type. Snore, 1803. – 206 p.
35. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. SGF. D. 3229.
36. Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. SGF. D. 5112.

Г.Ю. Афанасьев

**Транспортная повседневность:
кораблекрушения и безопасность судоходства
в Российской империи в XIX – начале XX вв.**

Социальные, экономические и технические перемены в русском социуме и индустрии второй половины XIX в. интенсифицировали трудовую повседневность и активность водного транспорта Российской империи. Увеличение движения по русским рекам и морям и количественный рост пассажиропотока на этом виде транспорта сказывался на безопасности судоходства. Рост количества кораблекрушений и человеческих жертв требовал значительного улучшения в области организации безопасного движения и спасательных служб на морских и речных водных коммуникациях Российской империи. Проведение охранительных мер старыми методами государственными органами управления путями сообщения и торговым флотом наталкивалось на невозможность вмешательства во внутреннюю политику частных пароходных компаний и обществ, осуществлявших морские и речные пассажирские перевозки, позволявших многочисленные отступления от норм и правил судоходства и безопасного пользования техникой. Несмотря на позитивные сдвиги в области навигации, организации водно-спасательных служб, и понимания проблем судовой общественностью, наметившаяся в начале XX в. тенденция к монополизации в сфере торгового и речного транспорта создавала новые помехи в деле организации безопасности судоходства.

Ключевые слова: катастрофы, судоходство, транспорт, повседневность, Российская империя, флот, навигация, столкновения судов.

Gr.Yr. Afanasiev

**Daily life of transport: shipwrecking and safeness
of the shipping in Russian empire of the second part
of XIX – beginning of XX centuries**

Social, economic and technic changes in Russian society and industry intensives the labour daily life and activity of water transport of Russian empire. The increasing growth of movement of shipping on seas and rivers and amount of passengers travelled by ships influenced on the safeness of this transport. The dynamics of the shipwrecking on the and human casualties in it needed more attentive policy in protection of the shipping and organizing of the rescue services on water communications of Russian empire. The conduction of the protecting measures in old way by the governments of water communications and managing of merchant navy run against the status of the private commerce of shipping companies, which made passengers movement on rivers and seas of Russia. This

status proved them to make numerous retreats from the rules of safeness of shipping and secure consummation of the new technics. In spite of the positive shifts in navigation and development of rescue services on waters, understanding the problem in community of sea and boatmen, the tendencies of the monopolization in sea and river transport make the affords of regulation of the safeness of shipping ineffective.

Key words: catastrophes, shipping, transport, daily life, Russian empire, navy, navigation, shipwreck.

Появление и внедрение в практику русского судоходства паровых механических судов интенсифицировало движение на внутренних и внешних водных путях Российской империи. Предпринимательская активность, возникшая под влиянием Великих реформ 1860-х гг., способствовала усилению как пассажирского и грузового потоков, так и количественному увеличению судов нового технического типа на морских и речных путях. В 1860–1885 гг. только два ведущих, осуществлявших исключительно пассажирские перевозки пароводных общества на р. Волга («По Волге» и «Самолет») перевезли 16 160 386 чел. В период с 1877 по 1888 гг. всеми днепровскими пароводными обществами было перевезено 3 004 183 чел. В год основания крупнейшей российской морской пароводной компании «Русское общество пароводства и торговли», в 1857 г., было перевезено 124.000 пассажиров, а уже на седьмой год ее существования, в 1864 г. – 283 283 чел. [1, с. 477, 488, 528, 532; 2, с. 120, 124]. Если в 1876–1878 г. по сибирским рекам за навигацию перевозилось в среднем 26 700, то уже между 1904–1910 гг. (т.е. в период столыпинского переселенческого движения в Сибирь) было перевезено 1 895 976 чел. (т.е. в среднем 120 000 чел. в год) [3, с. 18; 4, табл. VI, с. 2–21; 5, с. 151].

К началу XX в. вырос не только внутренний и морской каботажный, но и трансатлантический пассажиропоток, перевезенный русскими океанскими судами. За 1901–1910 г. через Атлантический океан ими было перевезено 1 600 000 чел. из общего числа эмигрантов из России в тот период в 8 000 000 чел. Ежегодно только русскими судами из отечественных портов перевозилось в Америку по 60–70 000 чел. [6, с. 211; 7, с. 89].

Если в 1853 г. в России насчитывалось всего 441 военных и гражданских паровода, то к 1906 г. их было уже 5206. Стоит отметить, что из всех паровых судов 4058 пароводов (или 3/4) имели пассажирское или полупассажирское предназначение или были рассчитаны как военные суда крупных типов на многочисленный экипаж, доходивший до нескольких сотен человек [8, с. 23, 143; 9, с. 34; 7, с. 703, 727]. Вовлечение в орбиту функционирования парового судоходства все больших масс людей увеличивало опасности для их жизни.

Развитие и распространение нового типа судов, связанное в том числе и с активным привлечением в транспортную сферу коммерческо-

предпринимательской инициативы, значительно усложнило обстановку на водных коммуникациях Российской империи. Количественное расширение русского пароходства в течение XIX в., технические особенности нового типа судов, связанные прежде всего с необходимостью более квалифицированной эксплуатации и подготовки к ней обслуживающего персонала, неготовность технической и эксплуатационной нормативной базы к актуальным вызовам паровой эпохи, превалирование коммерческого подхода в организации парового судоходства на водах России и связанные с этим особенности – все это резко умножало риски предприятия, выражавшееся в значительном увеличении числа катастроф и крушений на реках и морях страны.

Если в эпоху парусного флота было зафиксировано всего 259 происшествий с русскими военными судами, то по сведениям Главного гидрографического управления морского ведомства, уже в 1869–1905 гг. в территориальных водах Российской империи на всех морях и океанах произошло 6 207 аварий и крушений судов различных наций. На внутренних водных путях общее количество крушений и аварий в указанный период времени достиг цифры в 15 231 [10, с. 91]. Огромный резонанс в российском обществе вызвали катастрофы русских военных и гражданских пароходов – гибель в результате потери устойчивости военноморских судов клиперов «Пластун» (1860) и «Опричник» (1861), броненосца «Русалка» (1893), а также гражданских речных и морских коммерческих пароходов «Колхида» (1862), «Царь» (1873), «Вера» (1886), «Владимир» (1894), «Варягин» (1906), «Архангельск» (1908), «Обновка» (1911), «Барон Дризен» (1916) и «Семен Челюскин» (1917), количество жертв в которых достигало сотен.

Только с 1879 по 1895 г. на Черном и Азовском морях было отмечено 29 крупных столкновений судов, из которых 13 произошли днем и 14 ночью. Большая часть столкновений произошла в районе максимальной интенсивности судоходства [11]. Несмотря на то, что данный тип опасности с приходом паровой эпохи был законодательно регламентирован (правилами о расхождении судов на морях и реках от 10 марта 1837 г. и 10 августа 1842 г. было начато, а указами 7 июля 1858 г., 4 марта 1863 г., 9 октября 1867 г., 23 октября 1874 г. завершено), ввиду увеличения интенсивности мореплавания и сосуществования двух технических типов в морской и речной практике (парусного и парового) эта опасность продолжала сохранять свою повышенную актуальность [12, № 9200, 10021, 15948, 22706, 22706, 33373, 39341].

Огромным бедствием судоходства продолжали оставаться пожары. Особенно это касалось русских речных судов, где даже среди пароходов была высока доля деревянных, а процент присутствия квалифицированных специалистов был меньший, чем в военно-морском флоте. Распространение гражданского парового судоходства на Волге буквально сразу выявило его повышенную пожарную опасность и уязвимость для других

судов. Ввиду возникавших возгораний от искр первых волжских пароходов в 1850–1860-е гг. владельцы непаровых судов обращались с петициями о запрещении развития пароходства на традиционно оживленном водном пути России из-за этой угрозы [13, с. 153].

30 ноября 1872 г., согласно высочайше утвержденному докладу министра путей и сообщения, вследствие жалоб купечества Петербурга, Рыбинска и Н. Новгорода на участвовавшие случаи пожаров, на судах был учрежден Комитет о мерах предупреждения пожаров на судах и пристанях, задачей которого была выработка мер противопожарной безопасности на речном транспорте. 29 марта 1895 г. был учрежден Отдел освидетельствования паровых котлов при Управлении внутренних водных путей Министерства путей сообщения, целью которого была разработка единых правил регламентации технического оснащения русских пароходов [14]. Несмотря на это, правила пожарной безопасности, подготовленные данными органами, касались в основном плотов и непаровых судов Волги (т. е. тех, что непосредственно подпадали под юрисдикцию МПС) и не распространялись на частные пароходы. Временные же правила 1887 г., принятые после пожара на пароходе «Вера», не обладали достаточными основаниями для предъявления к нарушителям установленных мер санкций полицейско-предупредительного характера. 12 августа 1890 г. судоходный съезд в Нижнем Новгороде впервые подверг комплексному обсуждению правила безопасности волжского судоходства. По итогам работы специальной комиссии, избранной съездом, под руководством капитана 1-го ранга Н.М. Черкасова, в которую входили капитаны пароходов и 11 волжских пароходовладельцев, 1 марта 1891 г. правила были разработаны и представлены в Министерство путей сообщения, однако так и не были рассмотрены высшим начальством [15].

Третий вид опасности был напрямую связан с проблемами организации навигации на морях и реках России. Усиление мореходства и судоходства на водных артериях страны диктовали необходимость организации нового гидрографического описания акваторий наиболее судоходных морей и рек и последующего оснащения их навигационными знаками безопасности, составления навигационных карт и лоций в помощь морякам. В 1854 г. из ранее гидрографического департамента морского ведомства было образовано гидрографическое управление, заведовавшее описанием и картографией русских морей. В конце XIX в. гидрографическим управлением была существенно улучшена навигационная обстановка в морях с активным отечественным судоходством. В 1890–91 гг. состоялась русская экспедиция для глубоководных исследований Черного моря, послужившая основанием для составления И. Шпиндлером первой карты рельефа дна, давшая подробное описание Черного и Азовского морей. В 1894 г. были изданы свежие лоции Каспийского моря [16, т. XVI, с. 646; т. LXXVI, с. 633; т. XXVIII, с. 668].

Новый технологический уклад промышленного переворота вызывал необходимость более внимательного отношения к мерам поддержания безопасности мореплавания, ввиду данных изменений получивший новую специфику, связанную с необходимостью использования энергии, представлявшей ранее непосредственную угрозу для жизнедеятельности (огонь, раскаленный пар, сложные механические устройства). Все это делало неэффективными перенос прежних, запретительно-репрессивных мер по организации безопасности на судах парусного флота в новых условиях. Развитие коммерческого срочного пароходства и конкуренция за возрастающий пассажирский и грузовой поток на внешних и внутренних водных артериях между частными компаниями часто приводила к массовому нарушению правил и устоев судоходства. Отсутствие твердых многовековых корпоративных понятий и этики судоводителей в российском морском и речном гражданском флотах в условиях паровой эпохи создавало огромные риски для судоходства в контексте возникшего фактически неограниченного влияния на ситуацию коммерческого и торгово-экономического факторов. Погоня за прибылью и острая конкуренция между пароходными компаниями зачастую вынуждала пренебрегать мерами технологической осторожности или использовать аварийные ситуации в своих интересах. Все это усиливало необходимость установления жесткого контроля над судоходством и мореплаванием со стороны профильных государственных органов. Экономист К.А. Скальковский в своем труде, созданном на основе исследования судоходства на юге России по поручению министра финансов Н.Х. Бунге в 1885 г., так определял безопасность русских морских судов Черноморского бассейна: «...В настоящее время в Черном и Азовском море встретить хорошо оснащенное и вполне снабженное необходимым судно под русским флагом – большая редкость; это зависит оттого, что судохозяева, не встречая в портах контрольных мер к содержанию своих судов в исправности, приучили и мореходов, плавающих на этих судах, относиться к делу весьма беспечно. Ночные столкновения судов из-за небрежного отношения к правилам мореходства и неимения огней весьма нередки, особенно в Азовском море, и сопровождается гибелью людей... У нас нет положения, определяющего количество подъема груза и пассажиров, а в трюмах нередко пароходы имеют едва ли шестую часть груза, остальное на палубе, нет таблицы, указывающей, какие грузы допускаются к палубной перевозке вообще и какие в особенности, если пароход имеет палубных пассажиров. В настоящее время ни один пароход не имеет никаких спасательных аппаратов в числе, соответствующего комплекта пассажиров; они ограничиваются двумя классическими спасательными кругами, всегда наглухо прикрепленными, с надписью названия парохода. Противопожарных средств точно также никаких, если не считать двух-трех ведер. О пластыре для задрайки пробоин никто не имеет понятия, а такой пластырь весьма важен в Азовском море, где

легко пробить пароход о брошенный якорь... Перегрузка обычное явление, к которому уже все пригляделись, и пользование, которым составляет как бы неотъемлемое право, а между тем едва ли кто будет оспаривать, что перегрузка была причиной гибели многих судов, хотя прямые указания сделать на это трудно, если судить по дознаниям, которые производятся, как известно, весьма халатно» [17, с. 126]. Главный инспектор шоссейных и водяных сообщений М.Н. Бухарин в своем докладе министру путей сообщения по результатам волжской катастрофы парохода «Альфонс Зевеке» в 1893 г. также признавал: «Нет ни правил для перевозки пассажиров на пароходах, ни распоряжений относительно исправного содержания паровых судов или порядка управления ими, ни инструкции относительно надзора за точным соблюдением пароходным начальством должных мер предосторожности от разнообразных несчастных случаев, коим ежечасно подвергается пароход, плавающий по реке. А чины местного судоходного надзора Министерства путей сообщения, не имея законного на то полномочия и не считая себя вправе требовать от пароходного начальства каких-либо даже самых простых и рациональных, но не указанных в законе мер предосторожности от огня, безмолвствуют и бездействуют. К сожалению, бездействие чинов судоходного надзора по этому вопросу имеет по-видимому, законное основание» [18. Л. 16 об.–17]. Несмотря на назначение с 1875 г. на Волге инспекторов по судоходству, в связи с ежегодным количественным ростом пароходства волжско-камского бассейна под ежегодный надзор каждого начальника участка реки падало по 100 судов, что технически было трудно осуществимо [19. Л. 23–23 об.]. Тем не менее в 1870–1880-е гг. волжским судоходным начальством была произведена значительная работа по оснащению реки навигационными знаками, увеличившая обозначение навигационно-опасных мест в 3,5 раза, а также сделавшая возможным на определенных волжских участках допускать безопасность ночного судоходства [1, с. 510–512].

Отсутствие до 1890-х гг. судоходного надзора осложняло работу речного транспорта на сибирских реках. В 1897 г. инженер Д.Ф. Шкот писал: «за неимением на реках Западной Сибири надлежаще организованного судоходного надзора во всем судоходстве царит полнейший беспорядок и произвол пароходной администрации» [5, с. 153]. По его же данным, на одного начальника участка, в распоряжении которого имелись лишь помощник и несколько техников, приходилось около 4 000 верст судоходных путей. Необходимость проведения технических работ, составления отчетов и проектов, выполнения прочих обязанностей занимали все время начальника участка и делали физически невозможным его поездки по огромному пространству с целью контроля за судоходством... И все-таки, по отзыву Д.Ф. Шкота, проводившаяся в 1890-е гг. обстановка водных путей знаками и сигналами принесла громадную пользу, поскольку появилась возможность плавать с соответ-

ствующей глубине осадкой. Световая сигнализация в наиболее затруднительных местах позволяла судам следовать в ночное время [5, с. 153].

Увеличение количества аварий, крушений и несчастных случаев наглядно иллюстрировали наличие комплекса организационных проблем в русском судоходстве и мореплавании, во второй половине XIX в. столкнувшегося с технической и структурной модернизацией деятельности. Квалификация новых специалистов в мореплавании и судоходстве не была регламентирована документами, а фактическая неподконтрольность внутреннего управления и комплектования коммерческих пароходов предопределили произвол при замещении судовых должностей гражданского флота, с деятельностью которых была напрямую связана безопасность паровых судов (машинисты, механики, штурманы, лоцманы, кочегары, боцманы) [20]. Коммерческие условия найма экипажей морских и речных гражданских судов и ресурсы их восполнения, наличие этнической и земляческой корпоративности и, как следствие этого, многонациональной разношерстности и слабой подчиненности непосредственному командиру экипажей, отражались на степени готовности их к коллективному взаимодействию во внештатных ситуациях на судне и даже на элементарной этике поведения [21, с. 179, 200]. Особенно наглядно это проявилось при трагедии парохода компании «Русского общества пароходства и торговли» «Владимир» 27 июля 1894 г., в результате которого при благоприятной погоде и условиях погибло 76 чел. Принятое 27 июня 1867 г. Положение о мореходных классах установило систему профессионального обучения и аттестацию судовых должностей для гражданских моряков. По этому закону за 50 лет в России было открыто 40 мореходных классов, обучение в которых могли проходить только подданные Российской империи. 18 октября 1888 г. в Нижнем Новгороде, под непосредственным влиянием катастрофы парохода «Вера», по настоянию губернатора Н.М. Баранова на деньги судовладельцев было открыто первое речное училище, а к 1905 г. их насчитывалось уже 4. Только законом 6 мая 1902 г. в морском гражданском флоте был введен полный запрет на замещение судовых должностей иностранцами [22, с. 31–33; 1, с. 583].

Усиливающееся значение пассажирских и грузовых внутренних и внешних водных перевозок для экономики страны и рост числа аварий судов вынуждал осуществлять усиления в области технического надзора и соответствия речных и морских судов, а также по организации помощи и спасения при кораблекрушениях. В 1896 г. основанные ранее страховые общества Мариинской водной системы – «Россия» (1881), «Русский Ллойд» (1870), «Надежда» (1847), «Волга» (1871), «Якорь» (1872), «Саламандра» (1846), «Российское транспортное и страховое общество» (1893 г.), пришли к соглашению о необходимости создания объединенного Рыбинского технического бюро транспортно-страховых

обществ для технического надзора за проходящим флотом. Для безопасного плавания в навигацию 1897 г. бюро было освидетельствовано 1294 судна. Его работа позволила к концу века несколько улучшить техническое состояние проходящих по Мариинской системе судов, так как судовладельцы были вынуждены принимать меры по устранению обнаруженных недостатков, в противном случае им отказывали в страховании судна и груза» [23]. В мае 1899 г. в России впервые были изданы «Правила для классификации плавающих по Мариинской системе судов и для определения их грузоподъемности». Успешная деятельность технических бюро, обширность и сложность их работы, которая увеличивалась из года в год, привели руководителей бюро к убеждению, что классификацией должно заниматься отдельное от страхового дела учреждение, аналог иностранных классификационных обществ (английского «Ллойда» и бюро «Веритас»). Всё это создало предпосылки для создания в России самостоятельного классификационного общества под названием «Общество для классификации морских, речных и озерных судов "Русский Регистр"». Официально «Русский Регистр» был основан 31 декабря 1913 г., когда министр торговли и промышленности России С.И. Тимашев по согласованию с министром путей сообщения С.В. Рухловым утвердил Устав общества [24].

В морских европейских державах в деле помощи бедствующим на воде активно участвовали широкие слои общественности: первые спасательные общества были созданы в Англии (1825), Бельгии (1838), Дании (1850) на благотворительной основе. В России похожее общество возникло по инициативе морских энтузиастов и высших чиновников гидрографического департамента морского ведомства, придворной знати и биржевого купечества. 7 марта 1872 г. состоялось первое собрание членов «Общества подания помощи при кораблекрушениях». Интерес к организации подобного общества со стороны придворной знати, чиновничества морского и ведомства путей сообщения (главой общества был избран вице-адмирал К.Н. Посьет, впоследствии министр путей сообщения) придал организации соответствующий статус. 21 октября 1872 г. оно было принято под высочайшее покровительство вел. кн. Марии Федоровны, что возвело его в ранг общероссийского благотворительного общества [10, с. 93]. Избранное правление немедленно приступило к созданию окружных и местных руководящих органов общества (Херсон, Одесса, Николаев, Архангельск, Москва, Саратов) с практической организацией спасательных станций и постов. В 1872–1875 гг. по всей России их было основано до 179. В навигационноопасных районах акватории Балтийского и Белого моря, а также Мурманского берега, Общество организовывало (в 1874, 1877–81 и 1911 гг.) постоянное патрулирование парусными спасательными ботами, а также постройку приютов-становищ, что оказало влияние на снижение крушений в этих

водах. Благодаря активному подключению к инициативе спасения русского священства удалось увеличить безопасность судоходства (введение т.н. «метельного звона» прибрежных церквей) и пополнить количество спасательных станций организации. К началу XX в. *Императорское Российское общество спасения на водах* вело работу в 79 округах всех губерний империи, распоряжалось 163 морскими и речными спасательными станциями и 168 – полустанциями. Под надзором Общества находились 88 речных и озерных переправ. В период с 1872 по 1898 г. *Обществом* было спасено 11 014 чел. и предотвращена 931 авария и катастрофа морских и речных судов и плавсредств. Однако стоит отметить, что общая организация спасательного дела на морях и реках в России не была централизована и характеризовалась распылением сил между тремя непрофильными казенными ведомствами (таможенно-пограничным ведомством, дирекцией маяков, путевскими структурами регионального уровня) и одним общероссийским негосударственным, но профильным благотворительным обществом [10, с. 94].

В начале XX в. происходило укрупнение и поглощение конкурентными речными и морскими пароходными предприятиями своих партнеров. В сфере водных перевозок создавались монополистические объединения, способные координировать управленческую политику компаний и согласованно противостоять непоследовательности административных нововведений в сфере безопасности [13, с. 11]. Замедленность государственного реагирования на проблемы судоходства в целом и неэффективность прежнего принципа организации аварийно-спасательных служб на водах страны требовало более выраженного вмешательства государства в сферу водного транспорта и объединения в профильно-ориентированную правительственную структуру – прообраз современного МЧС.

Список литературы

1. Шубин И.А. Волга и волжское судоходство (История, развитие, современное состояние судоходства и судостроения). – М.: Транспечать, 1927. – 992 с.
2. Барышников М.Н. Русское общество пароходства и торговли: учреждение, функционирование, перспективы развития // Terra Economics. – 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 106–128.
3. История торговли и промышленности в России / под ред. П.Х. Спасского. Т. II. Вып. VIII. Пути сообщения. – СПб., 1913. – 35 с.
4. Статистические материалы о движении грузов и пассажиров по водным путям, состоящим в заведовании Томского округа путей сообщения за навигацию 1904–1910 гг. – Томск, 1913. – 385 с.
5. Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири XIX века. – Новосибирск: Наука, 1991. – 216 с.
6. Пузырев В. П., Скугарев В.Д., Басов А.В., Березовский Н.Ю., Реданский В.Г. Под флагом России: История зарождения и развития морского торгового флота. – М., 1995. – 564 с.

7. Статистический ежегодник на 1914 г. / под ред. В.И. Шараго. – СПб., Совет Съездов представителей промышленности и торговли, 1914. – 849 с.
8. Шершов А. П. К истории военного кораблестроения. – М.: Военмориздат ВММ СССР, 1952. – 357 с.
9. Виргинский В.С. Начало парового судоходства в России. – М.: Речиздат, 1948. – 48 с.
10. Афанасьев Г.Ю. Водные спасатели Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.): становление, структура, эффективность // Науч.-техн. ведомости СПбГПУ. Сер. «Гуманитарные и общественные науки». – 2014. – Вып. № 4 (208).
11. Доценко В. По поводу столкновений пароходов // Русское судоходство. – 1895. – CLXII. – С. 68–77.
12. Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. II. Отд. I. Т. XI–XXXVII. – СПб., 1837–1864.
13. Фурер Л.Н. К истории развития волжского пароходства // История СССР. – 1959. – №2. – С. 153–157.
14. Российский государственный исторический архив. Путеводитель: в 4 т. 2-е изд., доп. и испр. Т. 3: Фонды общественных и частных учреждений и организаций. – СПб.: Лики России, 2012. – 215 с.
15. Вопрос о безопасности плавания по нашим водам // Рус. судоходство. – 1894. – № 150. – С. V–XVII.
16. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Terra, 1992.
17. Скальковский К.А. Русский торговый флот и срочное пароходство на Черном и Азовском морях. – СПб., 1887. – 554 с.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 185. Оп. 1. Д. 10.
19. РГИА. Ф. 95. Оп. 1. Д. 1162.
20. Желательные меры по увеличению безопасности мореплавания // Русское судоходство. – 1894. – СXLIX. – С. 7–11.
21. Лухманов Д.А. Жизнь моряка / сост. В.И. Соболев. – Л.: Лениздат, 1985. – 511 с.
22. Филипов Ю.Д. История русского торгового флота со второй половины XIX в. – СПб., 1908. – 63 с.
23. История Русского речного регистра. – URL: <http://www.rivreg.ru/about/hrrr/> (дата обращения: 12.06.2015).
24. Конюхов А.Р. Судоходство по Мариинской водной системе (200 лет со дня открытия) – URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-210786.html?page=5> (дата обращения: 12.06.2015).
25. Можин В.П. Монополии в речном и морском судоходстве: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1958. – 20 с.

References

1. Shubin I.A. Volga i volzhskoe sudokhodstvo (Istoriya, razvitie, sovremennoe sostoyanie sudokhodstva i sudostroeniya) [Volga and it's shipping (history, development, modern condition of shipping and shipbuilding)]. – М.: Transpechat', 1927. – 992 p.
2. Baryshnikov M.N. Russkoe obshchestvo parokhodstva i torgovli: uchrezhdenie, funktsionirovanie, perspektivy razvitiya (1856–1864) [Russiansocietyofshippingand trade: establishment, operationand prospectsofdevelopment (1856–1864)] // Terra Economics. – 2015. – Ser.13. – Vol. 2. – P. 106–128.

3. Istoriya torgovli i promyshlennosti v Rossii. Pod red. P.Kh. Spasskogo [The history of trade and industry in Russia. Adopted by P.Kh. Spasski]. – T. II. – Vyp. VIII. Puti soobshcheniya. – St-Petersburg, 1913. – 32 p.
4. Statisticheskie materialy o dvizhenii gruzov i passazhirov po vodnym putyam, sostoyashchim v zavedovanii Tomskogo okruga Putei soobshcheniya za navigatsiyu 1904–1910 gg. [The statistics of movement of goods and passengers on water communications managed by Tomsk district of lines of communications at seasons of 1904–1910]. – Tomsk, 1913. – 385 p.
5. Bol'shakov V.N. Ocherki istorii rechnogo transporta Sibiri XIX veka [Sketches of history of river transport of Siberia of 19th century] – Novosibirsk: Nauka, 1991. – 216 p.
6. Puzyrev V. P., Skugarev V. D., Basov A. V., Berezovskii N.Yu., Redanskii V. G. Pod flagom Rossii: Istoriya zarozhdeniya i razvitiya morskogo torgovogo flota [Under the flag of Russia. The history of the foundation and the development of the sea merchant navy]. – Moscow, 1995. – 564 p.
7. Statisticheskii ezhegodnik na 1914 g. Pod red. V.I. Sharago. [A yearbook of statistics on the year of 1914. Adopted by V.I. Sharago]. – SPb.: Sovet S"ezdov predstavitelei promyshlennosti i torgovli, 1914. – 839 p.
8. Shershov A. P. K istorii voennogo korablestroeniya [In case of history of maritime shipbuilding]. – M.: Voenmorizdat VMM SSSR, 1952. – 357 p.
9. Virginskii V. S. Nachalo parovogo sudokhodstva v Rossii [The beginning of steamboat shipping in Russia]. – M.: Rechizdat, 1948. – 48 p.
10. Afanasiev G. Y. Vodnye spasateli Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nach. XX v.): stanovlenie, struktura, effektivnost' [Water rescue services of Russia in the middle 19-th – beginning 20-th century: foundation, structure, effectiveness] // Humanities and Social Sciences. – St. Petersburg State Polytechnical University Journal. – 4 (208). – 2014. – P. 90–97.
11. Dotsenko V. Po povodu stolknovenii parokhodov [About the crashes of steamboats] // Russkoe sudokhodstvo. – 1895. – CLXII. – P. 68–77.
12. Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii [The Anthology Collection of Laws of the Russian Empire]. – Sobr. II. – Otd. I. – T. XI–XXXVII. – St-Petersburg, 1837–1864.
13. Furer L.N. K istorii razvitiya volzhskogo parokhodstva [To the history of Volga's steams shipping] // Istoriya SSSR. – 1959. – №2. – P. 153–157.
14. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. Putevoditel' v 4-kh tomakh. [Russian State Historical Archive. Guidebook in 4 volumes] Izd. 2-e dopoln. i ispravl. – T. 3: Fondy obshchestvennykh i chastnykh uchrezhdenii i organizatsii [Volume 3: Funds of the social and private organizations]. – SPb.: «Liki Rossii», 2012. – 350 p.
15. Vopros o bezopasnosti plavaniya po nashim vodam [A question of protection of shipping in our waters] // Russkoe sudokhodstvo. – 1894. – №150. – P. V–XVII.
16. Entsiklopedicheskii slovar' F.A.Brokgauza i I.A. Efrona. [Encyclopedia F.A. Brokgauz and I.A. Efron. Reprinted Edition]. – St. Petersburg: "Terra" Publ, 1992.
17. Skal'kovskii K.A. Russkii torgovyi flot i srochnoe parokhodstvo na Chernom i Azovskom moryakh [Russian merchant navy and steams shipping on Black and Azovskoe seas]. – SPb., 1887. – 554 p.
18. *Rossiyskiy gosudarstvennyi istorichesky arkhiv* [The Russian State Historical Archives] (RGIA). F. 185. Op. 1. D. 10.
19. RGIA. F. 95. Op. 1. D. 1162.
20. Zhelatel'nye mery po uvelicheniyu bezopasnosti moreplavaniya [Needed measures for increasing the protection of shipping] // Russkoe sudokhodstvo. – 1894. – CXLIX. – P. 7–11.

21. Lukhmanov D.A. Zhizn' moryaka / Sost. V.I. Sobolev [The life of seaman. Adopted by V.I.Sobolev]. – L.: Lenizdat, 1985. – 511 p.
22. Filipov Yu.D. Istoriya russkogo torgovogo flota so vtoroi poloviny XIX v. [The history of Russian merchant navy from the second part of 19th century] – SPb., 1908. – 63 p.
23. Istoriya Russkogo rechnogo registra [The history of Russian river register]. – URL: <http://www.rivreg.ru/about/hrrr/> (assessed: 12.06.2015).
24. Konyukhov A.R. Sudokhodstvo po Mariinskoi vodnoi sisteme (200 let so dnya otkrytiya) [Shipping on Mariinskaya water system (200 years from the foundation)]. – URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-210786.html?page=5> (assessed: 12.06.2015).
25. Mozhin V.P. Monopolii v rechnom i morskome sudokhodstve [The monopolies in river and sea shipping]. Avtoref. diss. kand. ist.nauk. – M., 1958. – 20 p.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930.2(47):316.342.1
ГРНТИ 03.23.07

Е.В. Годовова

Дневники и письма как исторический источник по изучению военной повседневности казачьего сословия

В статье анализируются казачьи дневники и письма как источники по изучению военной повседневной жизни этого сословия. Независимо от принадлежности авторов к разным казачьим войскам – Донскому, Кубанскому, Забайкальскому, Оренбургскому – и непохожесть сюжетов их повествований, все они поднимают такие темы, которые позволяют сформировать определённый образ казака, раскрывая различные аспекты военной повседневности казачьего сословия. Казачьих дневников и писем сохранилось немного, что свидетельствует о значимости этого материала. Подчеркивается, что эти источники, с одной стороны, являются важным материалом для реконструкции тех или иных исторических явлений, свидетелем которых стал автор, с другой стороны, позволяют восстановить личностную сущность человека, заглянуть в его ментальный мир и реконструировать его самоощущения.

Ключевые слова: казачество, повседневная жизнь, военная повседневность, эго-документы, источники, источники личного происхождения, дневники, письма.

Ye.V. Godovova

Diaries and letters as a historical source of the Cossacks military daily life studying

The article analyzes the Cossack blogs and letters as sources for the study of the military daily life of this class.

Regardless of the authors belonging to different Cossack troops - Don, Kuban, Trans-Baikal, Orenburg – and the dissimilarity of plots of their stories they raise such topics, which allow to form a certain image of the Cossack, revealing different aspects of the daily life of the Cossack military class.

Cossack diaries and letters are rarely met, indicating the importance of this material. The author emphasizes that these sources, on the one hand, are important sources for the reconstruction of certain historical phenomena witnessed by the author, on the other hand, they make it possible to restore the essence of men, to look into his mental world and to reconstruct his self-awareness.

Key words: Cossacks, everyday life, military daily life, ego-documents, the sources, the sources of personal origin, diaries, letters.

Изучение военной повседневной жизни казачества невозможно без *опоры на эго-документы или источники личного происхождения*, отражающие личностное восприятие произошедших событий, прошедшую через память информацию о прошлом с учетом личного опыта и социально-коммуникационных связей автора, фиксирующего эти события на документально-субъективном уровне в различной форме [1].

К эго-документам относятся личные дневники, переписка, мемуары, исповедальные нарративы и некоторые пограничные жанры [2, с. 14]. В рамках данной статьи остановимся на анализе дневников и писем казаков как источников по изучению военной повседневной жизни казачьего сословия.

Личные дневники современные исследователи рассматривают как «повод к интерпретации, а не самодостаточное изложение истинного положения дел», данные в них фиксируются сразу же после того или иного события [3, с. 36].

Дневниковые записи можно классифицировать по двум категориям. Первая – это дневниковые записи, описывающие происходящие события и отношение к ним автора. Вторая – это особая форма литературного творчества.

Личный дневник, как правило, содержит три основные тематические линии.

1. Фиксирование и описание внешних событий, свидетелем которых стал автор дневника: дорожных впечатлений, различных коллизий и происшествий, разговоров и сплетен.

2. Описание «внутренних» событий – пришедших идей, душевных состояний, мечтаний, переживаний своих отношений с близкими людьми и проч.

3. Прямые обращения к самому себе с целью самоизмениться. В этой ипостаси дневник превращает автокоммуникацию в программу собственных будущих действий [2, с. 16–17].

Казачьих дневников сохранилось немного. Причиной этого, вероятно, является, во-первых, неграмотность большинства казаков, во-вторых, отсутствие понимания значимости ведения подобных записей или в силу занятости невозможность это делать и, в-третьих, возможно, уничтожение таких материалов в период расказачивания как самими казаками, так и властью. Линейный казак А. Шпаковский, опубликовавший свои воспоминания о службе в «Военном сборнике», отмечал: «Теперь я жалею, что не вел дневника (впрочем, тогда это дело было почти невозможное)» [4, с. 189].

Сохранившиеся в архивах и изданные воспоминания казаков различаются по своему содержанию. Большая часть таких сочинений отражает военные будни казаков, их участие в походах и содержит подробное описание военных действий, следовательно, эти материалы дают представление о повседневной военной жизни казачьего сословия. Например, дневник донского казака С.П. Полушкина, освещающий события

Русско-турецкой войны 1877–1878 г., был написан на «месте самого действия под свежим впечатлением виденного и слышанного»: на полях сражений, на перевязочных пунктах, в госпиталях и в дороге. Автор дополнял свои записи песнями, документами, в частности, приказами генерала Скобелева [5]. Очень интересны воспоминания астраханских казаков, которые в основной своей части освещают события Русско-турецкой войны [6, с. 11].

Описанию участия казаков в Русско-японской войне посвятил свой дневник Андрей Валерьянович Квитка [7].

В этом эго-источнике мы находим подробную информацию обо всем, что видел автор во время железнодорожного пути на Дальний Восток: поведение людей, природу, местности, которые они проезжали. Ценно то, что автор в доказательство своих слов прилагает фотоматериалы.

Достаточно подробно А.В. Квитка описывает и события Русско-японской войны (схватки с неприятелем, нелегкие условия походной жизни): «Тяжелой казалась мне эта первая ночь в походе: мне было так жестко, несмотря на подостланную бурку и все, что попало под руку, что все члены болели и я не мог спать. Я думал тогда, что мои старые кости никогда не привыкнут к этой пытке. Десятки офицеров храпели во всю мочь, а когда стало светать, мухи, ужасные маньчжурские мухи, извели меня вконец» [7, с. 34–35].

Дневник иллюстрирует внутренние переживания автора: «Грустно было видеть проводы и расставания матерей, жен и близких с отъезжающими на войну. Я вновь пережил весь ужас вчерашнего прощания» [7, с. 3].

В дневнике Квитки мы видим и обращение автора к самому себе с целью самоизмениться: «Я поступил на службу только на время войны, после двадцати лет отставки, и, пожалуй, для чина войскового старшины был не довольно молод, но я себя считал бодрым и способным нести сторожевую службу так же ретиво, как в молодости, и мне хотелось скорее доказать, что я здоров и могу служить не хуже молодого» [7, с. 29].

Очень интересны и дневниковые записи, которые на передовой и в тылу вел казачий офицер Леонид Викторович Саянский первые три месяца Первой мировой войны. Ценность этих записей, опубликованных автором в 1915 г., в их непосредственности и свежести восприятия. За три месяца службы Л. Саянский был офицером связи, участвовал в авиаразведке, был командиром пехоты. В дневнике не только излагаются события, в которых автор принимал участие, но и его размышления о войне, врагах, военной публицистике, фронтовом быте. Вот как он описывает свои ощущения после первого боя: «С этим боевым крещением мы потеряли представление о времени... Как-то странно на душе. Она какая-то другая стала, не прежняя. Слишком много пришлось пережить за эти два дня боя. И теперь я, испытавший их, могу посоветовать каж-

дому, кто недоволен жизнью, судьбой, сложившейся обстановкой, – пасть хоть на минутку под огонь немецких шрапнелей. Ручаюсь, что всякое недовольство жизнью выскочит у него из головы, и взамен появится яркое желание сохранить ее, эту драгоценную жизнь... Появится особое просветление духовное... Враги, мелкие враги, каких много накапливается за нашу жизнь, – покажутся друзьями, а причины иногда многолетней вражды – шуткой. И когда он, этот обиженный жизнью человек, выйдет живым из-под дождя свинца и стали, он будет другим и научится многому.

Этим и хороша война. Она учит жизни. Все мелочи ее, столь важные в мирное время, – получают свою настоящую оценку под этим вечным голосом Смерти и станут пустяковыми, незначительными в сравнении с жаждой жить, хоть как-нибудь, но жить...» [8, с. 49].

Профессор Н.И. Цимбаев отметил, что читая дневник Л. Саянского, мы слышим живой голос человека, не обремененного ни знанием будущих событий, ни задачами военного репортера [8, с. 4].

Итак, дневник, с одной стороны, является важным источником для реконструкции тех или иных исторических явлений, свидетелем которых стал автор, с другой стороны, позволяет восстановить личностную сущность ведущего дневник, заглянуть в его ментальный мир и реконструировать его самоощущения [2, с. 18].

Личные письма, написанные близкому человеку и не предназначенные для чужих глаз, заведомо не преследуют никакой общественно-политической цели и представляют собой источник уникальной психологической достоверности. Ни один другой источник не может так же точно передать настроение, образ мысли, психологию человека определенного социального слоя и определенного исторического периода, восприятие им тех или иных событий [9, с. 5].

К сожалению, писем, написанных казаками во второй половине XIX – начале XX в., практически не сохранилось. В своем дневнике, относящемся к периоду Русско-японской войны, А.В. Квитка отмечал, что письма терялись и неделями валялись на этапах и канцеляриях, пока не попадали на глаза кого-нибудь, случайно знающего адресата, который сам уже доставлял или посылал их дальше по назначению [7, с. 162]. Именно поэтому уникальным источником являются письма, опубликованные Е.Ф. Колпиковой в книге «300 писем расстрелянного есаула».

Они были написаны в период Первой мировой войны донским казачьим офицером Александром Упорниковым и адресованы любимой девушке, подруге, а потом жене Валентине Хрисанфовне Упорниковой, до замужества Григорьевой.

Александр Упорников родился в 1893 г. в станице Акишевой Хоперского округа Войска Донского. Воспитывался в Симбирском кадетском корпусе. После его окончания был принят в Михайловское конно-артиллерийское училище в С.-Петербурге, которое окончил в 1912 г. [10, с. 550].

Валентина Григорьева тоже выросла на Дону, в станице Урюпинской, училась в гимназии в станице Усть-Медведицкой. Её роман с молодым донским казаком Александром Упорниковым начался в 1913 г. в Замостье (Польша), где служили донские казаки, в том числе сам Упорников, отец и брат Вали, и куда она приезжала со своей матерью на лето. В 1914 г. началась Первая мировая война и Александр Упорников ушел на фронт. За годы войны молодые люди виделись всего несколько раз: во время его краткосрочного отпуска и ее приездов на фронт в период затишья. А в основном их общение – это переписка, в которой так много любви.

В одном из своих первых писем, написанном спустя некоторое время после знакомства, он говорит: «...Начиная эти строки, мне только хочется сказать Вам о том, как безумно иногда тоскую по Вам с тех пор, как Вы покинули Замостье, и как сильно с первого взгляда люблю Вас» [10, с. 205]. Когда Александр писал эти строки, он еще не знал, что Валя тоже полюбила его, поэтому извинялся за свои откровения и не рассчитывал получить ответ: «Я знаю – Вы не ответите мне на это письмо, и поэтому оно будет последним» [10, с. 205], и, конечно, был очень рад получить от нее ответ: «Я все же никогда не думал, что Вы мне ответите. Мне всегда казалось, что я для Вас пустое место, мимо которого можно пройти, не замечая, и с этой мыслью я совсем примирился. Вы можете судить теперь, что было со мной, когда на столе у себя я увидел Ваше письмо. Я долго его не распечатывал, но в конце концов почти угадал его содержание, потому что на мое письмо можно было или вовсе не ответить, или же ответить так, как Вы» [10, с. 207].

Из писем Александра Упорникова мы узнаем о его увлечении изучением военной истории и желании воевать: «Пока что на мою долю выпадает отвратительная жизнь тыла. Что же, я не унываю, пройдем через все тернии, но и дойдем же когда-нибудь до передовых линий» [10, с. 215], о том, что тяжелее условий фронтовой жизни для молодого офицера был «книжный голод», что в блиндаже он мечтал прочитать «Войну и мир» и, конечно, желал скорейшего завершения войны: «Теперь и я начинаю мечтать о том времени, когда все наконец кончится» [10, с. 245].

Упорников не очень много пишет о самой войне, обычно ограничивается фразами: «ты это можешь узнать из газет» или «не хочу описывать этого». Вероятно, это было связано с тем, что все письма проходили цензуру. Хотя в одном из них он рассказывал, как попал под удушливые газы. Он и еще один казак были в масках и выжили, а двое других задохнулись [10, с. 311]. «Хорошо, что была маска, и я отделался только тем, что чихал долгое время, да теперь кожа слезает с лица» [10, с. 309].

Несмотря на то, что письма Упорникова обращены к любимой, они позволяют увидеть, насколько велико в нем чувство самосознания как

представителя казачьего сословия: «Я не жду от своей службы ни выгоды, ни карьеры, иначе не стоило бы оставаться в войске. Ведь в любой из регулярных батарей я был бы старшим офицером. Но расстаться с родным нет желания. Я все же горд сознанием, что я донской казак, и пусть в тылу вешают на нас каких угодно собак, в бою с нами счастлив быть каждый» [10, с. 250]. Когда брат Александра предложил ему быть у него в батарее старшим офицером, он отказался: «Меня остановила необходимость перестать быть казаком. Перестать верить и любить все то, чему верил и любил раньше, перестать быть конником...» [10, с. 337].

Письма Упорникова свидетельствуют о том, как за годы войны меняются его взгляды на армию и на войну. В августе 1914 г. он писал: «Вот и война, Валя, о которой мы все так мечтали в Замостье» [10, с. 32–33, 215], а в августе 1917 г.: «Как бы хотелось, чтобы человечество скорее одумалось и решило покончить с этим кошмаром» [10, с. 537–538].

Безусловно, выживать на фронте и коротать время в тылу помогали письма, о чем А. Упорников не единожды писал Валентине: «Твои письма всегда как будто возвращают к жизни, как будто повторяют, что есть другая, какая-то особенная жизнь [10, с. 343]. Так хорошо, что у нас с тобой есть своя личная жизнь. За все счастье, за то, что жить хочется, благодарю тебя» [10, с. 489].

Частная переписка уникальна как исторический источник. Письма раскрывают мировоззрение человека, показывают, как меняются его мысли, взгляды, настроения, помогают увидеть особенности характера автора письма, позволяют исследователю или просто читателю прочувствовать то, что он чувствовал, пережить те события, которые пережил он.

Итак, эго-документы являются интересным и ценным источником по изучению военной повседневности казачьей жизни. Независимо от принадлежности авторов к разным казачьим войскам – Донскому, Кубанскому, Забайкальскому, Оренбургскому – и непохожесть сюжетов их повествований, все они поднимают такие темы, которые позволяют сформировать определённый образ казака, раскрывая различные аспекты военной повседневности казачьего сословия.

Список литературы

1. Кодан С.В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // Genesis: ист. исслед. – 2014. – № 3. – URL: http://e-notabene.ru/hr/article_11431.html. (дата обращения: 08.05.2016).
2. Троицкий Ю.Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: исследования и источники / Ин-т ист. и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: АсПУр, 2014. – С. 14–32.
3. Голикова С. В. Дневниковые записи как источник по изучению повседневной жизни Екатеринбурга на рубеже XVIII–XIX веков // Уральский город XVIII – начала XX в.: история повседневности. – Екатеринбург, 2001. – С. 35–46. – URL: <http://www.atlasch.ru/work/17> (дата обращения: 08.05.2016).

4. Шпаковский А. Записки старого казака // Воен. сб. – 1870. – № 7. – С. 188–220.
5. Дневник донского казака С.П. Полушкина. 1877–1878 гг. – СПб., 1880. – 218 с.
6. Рассказы о службе астраханских казаков / зап. А.А. Догадиным; под ред. Комис. по собиранию казачьих рассказов и песен. – Астрахань: Аст. казачье войско, 1908. – 91 с.
7. Квитка А.В. Дневник Забайкальского казачьего офицера. Русско-японская война 1904–1905 гг.: ил. и фото авт. – СПб., 1908. – 431 с.
8. Саянский Л.В. Три месяца в бою: дневник казачьего офицера. – М.: ФОРУМ, 2014. – 124 с.
9. Волков С.А. Предисловие // Колпикова Е.Ф. 300 писем расстрелянного есаула. – М.: РИПОЛ классик, 2009. – С. 3–5.
10. Колпикова Е.Ф. 300 писем расстрелянного есаула. – М.: РИПОЛ классик, 2009. – 560 с.

References

1. Kodan S.V. *Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya: ponyatie, mesto rol' v izuchenii istorii gosudarstvenno-pravov ykhyavlenii* [The sources of personal origin: concept, place and role in the study of the history of the state-legal phenomena] // *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical research]. 2014. № 3. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_11431.html. (data obrashcheniya: 08.05.2016).
2. Troitskii Yu.L. *Analitika ego-dokumentov: instrumentar'nyi resurs istorika* [Analysis of ego-documents: instrumental resource historian] // *Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki* [History in the ego-documents: Studies and sources] / Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. – Ekaterinburg: "AsPUr" Publisher, 2014. P. 14–32.
3. Golikova S. V. *Dnevnikovye zapisi kak istochnik po izucheniyu povsednevnoi zhizni Ekaterinburga na rubezhe XVIII – XIX* [The diary entries as a source for the study of everyday life at the turn of Ekaterinburg of the XVIII-XIX centuries] // *Ural'skiigorod XVIII – XIX vv.: istoriya povsednevnosti* [Ural city of XVIII – early XX century: the history of everyday life]. Ekaterinburg, 2001. P. 35–46. URL: <http://www.atlasch.ru/work/17> (data obrashcheniya: 08.05.2016).
4. Shpakovskii A. *Zapiski starogo kazaka* [Notes of the old Cossack] // *Voennyi sbornik* [Military Collection]. 1870. № 7. P. 188–220.
5. *Dnevnik donskogo kazaka S.P. Polushkina* [Don Cossack Polukhin's diary]. 1877–1878. – SPb., 1880. – 218 p.
6. *Rasskazy o sluzhbe astrakhanskikh kazakov* [Stories about the service of the Astrakhan Cossacks] *Zapisany* [Written] A.A. Dogadin. *Izdanie Astrakhanskogo kazach'ego voiska* [The publication of the Astrakhan Cossack troops] *Pod redaktsiei Komissii po sobiraniyu kazach'ikh rasskazov i pechen* [Edited by the Commission for collecting Cossack stories and liver]. – Astrakhan, 1908. – 91 p.
7. Kvitka A.V. *Dnevnik Zabaikal'skogo kazach'ego ofitsera*. Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. [Diary of the Trans-Baikal Cossack officer. Russian-Japanese war of 1904–1905]. – SPb., 1908. – 431 p.
8. Sayanskii L.V. *Tri mesyatsa v boyu: Dnevnik kazach'ego ofitsera* [Three months in the battle: Cossack officer's diary]. – Moscow, FORUM, 2014. – 124 p.
9. Volkov S.A. *Predislovie* [Preface] // Kolpikova E.F. *300 pisem rasstrelyannogo esaula* [300 letters of Captain shot]. – M.: RИPOLklassik, 2009. – P. 3–5.
10. Kolpikova E.F. *300 pisem rasstrelyannogo esaula* [300 letters of Captain shot]. – M.: RИPOLklassik, 2009. – 560 p.

ИСТОРИЯ ПРАВА

УДК 94(47)"14/15":34
ГРНТИ 03.23.25

И.Б. Михайлова

«А старостам татины и розбойные дела делати»: повседневная судебная практика в Московском государстве конца XV–XVI вв.

Статья посвящена проблеме устройства и повседневной деятельности судебной системы в Московском государстве конца XV–XVI вв. В отличие от большинства исследователей, писавших о проведении «губной реформы» в 30–50-е гг. XVI в., автор статьи считает, что она была составляющей длительного процесса преобразования судебной системы в Московском государстве, продолжавшегося с конца XV в. до начала 60-х гг. XVI столетия.

Местное управление XIV–XV вв., основанное на системе кормлений было несовершенным: наместники судили бесконтрольно и присваивали себе судебные пошлины. Иван III и Василий III проводили политику ограничения власти кормленщиков, боролись с их корыстолюбием и самоуправством. Об этом свидетельствуют Уставная белозерская грамота 1488 г., Судебник 1497 г., Уставные грамоты, данные 7 апреля 1506 г. переяславским рыбакам и 29 июля 1509 г. бобровникам Каменского стана Дмитровского княжества, правые судные грамоты первой трети XVI в.

В 30–40-е гг. XVI в., пользуясь ослаблением верховной власти в период малолетства Ивана IV, бояре-временщики расширили права наместников. 1539 г. датируются Белозерская и Каргопольская губные грамоты – первые из 19 сохранившихся до настоящего времени актов, регламентирующих деятельность новых, выборных местных судов. Последние были подчинены Разбойному приказу. Губные органы власти учреждались неравномерно, с 1539 до 1556 гг. Губная реформа привела к замене традиционного состязательного процесса розыском, обусловила развитие приказного суда, способствовала утверждению в Московской Руси самодержавной формы правления.

Ключевые слова: Иван III, Василий III, Иван Грозный, суд, местное управление, Белозерская уставная грамота 1488 г., Судебник 1497 г., губная грамота, губной староста, преступление, разбой.

I.B. Mikhailova

“And starostas should decide thieves and robbery cases”: the everyday judicial practice in Moscow state in the late XV–XVI centuries

The article discusses the structure and functioning of the judicial system in the Moscow State end of XV–XVI centuries. Unlike most of the researchers who wrote about the conduct of gubnaya reform in the 30–50-es of the XVI century, the author believes that it

was part of a long process of transformation of the judicial system in the Moscow State, which lasted from the end of the XV century to the beginning of the 60s of the XVI century.

Local government of XIV–XV centuries, based on the *cormlenaya* system was imperfect: the governors tried uncontrollably and appropriated judicial duties. Ivan III and Vasily III pursued a policy of limited government *kormlenschikov*, struggled with their greed and arbitrariness. This is evidenced by Statutory *Belozerskaya* of Merit in 1488, Code of Law 1497, charters, data 7 April 1506 *Pereyaslavl* anglers and July 29, 1509 *Bobrovnikov Kamensky* district *Dmitrov* Principality, the right legal deeds the first third of the XVI century.

In the 30–40-es of the XVI century, using weakening of the supreme power during childhood Ivan IV, the boyars-temporary, governors have expanded rights of *cormlenschikov*. 1539 dated *Belozerskaya* and *Kargopolskaya* *gubnye gramoty* – the first of 19 survived to the present time regulations governing the activities of the new, elected local courts. Last orders were subject to *Rozboynij prikaz*. *Gubnaya* government bodies were established uneven, with the 1539 to 1556 years. *Gubnaya* reform has led to the replacement of the traditional adversarial process tracing, in of the court clerk, contributed approval in the Muscovy State autocratic form of government.

Key words: Ivan III, Vasily III, Ivan the Terrible, the court, the local administration, *Belozersk* Charters of 1488, Code of Law 1497, *gubnaya gramota*, *gubnoj starosta*, crime, robbery.

С древнейших времен русские князья жаловали старейших дружинников правом временного управления в отдельных городах подвластной земли. За исполнение боярами судебных, административных, финансовых, военных функций местное население их «кормило»: снабжало продовольствием, фуражом, другими необходимыми средствами.

В Московском государстве эта традиция сохранилась: великий князь направлял отличившихся на службе бояр и детей боярских в бывшие самостоятельные уделы, превращенные в уезды – административно-территориальные единицы единого государства, и тем самым стремился укрепить здесь свою власть. Уездными городами управляли наместники, сельскими округами – волостели. Их полномочия удостоверялись «кормленными» грамотами. Кормленщиков окружали собственные и переданные в их распоряжение служилые люди – тиуны, доводчики и праветчики, которые исполняли функции судебных агентов. Тиуны были помощниками, при необходимости заместителями бояр-судей, доводчики разыскивали и задерживали преступников, доставляли их в темницу и на суд, расследовали дела, праветчики исполняли приговоры – взымали пошлины и штрафы. Эти средства должны были поступать в казну формировавшегося государства, потому что суд был великокняжеским. Но правоохранительная и связанная с ней финансовая деятельность местных управителей никем не контролировалось, что позволяло им присваивать судебные пошлины. К тому же срок кормлений наместников, волостелей и их дворян, как правило, не превышал года. Это короткое время местные управители старались использовать не столько для обеспечения благополучия уездных жителей, сколько для собственного обогащения. Поэтому Иван III и вслед за ним Василий III проводили по-

литику ограничения власти кормленщиков, боролись с их корыстолюбием и самоуправством.

В Уставной белозерской грамоте, составленной в марте 1488 г., впервые регламентированы состав аппарата наместника, способ взимания и количество предназначенного ему корма. Боярину-управителю разрешалось иметь только двух тиунов и десять доводчиков, причем двое из них должны были служить в городе, а остальные восемь – в станах. Становая служба продолжалась не менее года и была нелегкой. Чтобы иметь точное представление о криминальной обстановке, не заводить здесь приятелей и недругов, доводчик должен был один, без сопровождающих лиц и запасных лошадей, постоянно объезжать деревни и села во вверенном ему округе. «Где доводчик ночует, туто ему не обедали, а где обедает, туто ему не ночевати», – требует Уставная белозерская грамота. Чтобы наместник и его люди не бесчинствовали, не грабили местных жителей, когда им вздумается, выборным сотским вменялось в обязанность дважды в год – накануне Петрова дня и Рождества Христова – самим собирать их «корм» и отвозить его в уездный город. Кормленщикам было велено «имати...свой побор у соцкого в городе» Белоозере. Этот побор взимался с «сохи» (фискальной единицы измерения труда землепашца с тремя лошадьми, кожемяки, имевшего один чан, рыболова, пользовавшегося неводом, торговца, владевшего лавкой, кузнеца и т.д.) в количестве: для наместника зимой полоть говяжьего мяса или 2 алтына, 10 «хлебов» или 10 денег, бочка овса или 10 денег, воз сена или 2 алтына, летом – баран или 8 денег, 10 буханок хлеба или 10 денег, для тиуна – «вполы наместничя корму», для доводчика – «на Рождество Христово за ковригу денга, за часть мяса денга, за зобню овса две денги; а на Петров день ... за ковригу денга, за сып денга». «Корм» требовалось собрать вовремя «со всех сох» Белозерской земли (их число в грамоте не указано), а в первые месяцы пребывания в уезде, с марта до середины лета, великокняжеские управители должны были довольствоваться тем, «что хто принесет» [1, с. 170–171] (о «сохе» во второй половине XV в. см: 2, № 21, с. 39; 3, с. 7–8; 4, с. 40).

В Судебнике 1497 г. фиксируются установленные государственной властью размеры пошлин за ведение и вершение уголовных дел, земельных и других тяжб, а также за оформление официальных бумаг. Судьям было предписано принимать всех приходивших к ним «жалобников», не отказывать никому из желавших вчинить иск обидчику. Это постановление лишило наместников и волостелей возможности произвольно оценивать свои действия на всех этапах судебного процесса и отказываться от сложных или невыгодных дел. Всем кормленщикам запрещалось брать взятки. На суде требовалось обязательное присутствие дьяка. Он документировал судебный процесс, что затрудняло манипуляции судьи с показаниями тяжавшихся сторон, свидетелей, доказательствами вины ответчика.

Об ограничении власти кормленщиков в конце XV в. свидетельствует и такое явление, как существование наряду с наместниками, вершившими все поступавшие к ним дела, управителей, не имевших права призывать к ответу подозреваемых в душегубстве, разбое, грабеже, татьбе с поличным, любом «ведомом лихом» преступлении, а также рассматривать вопросы, связанные с освобождением из холопства. Последние всех истцов, обращавшихся к ним с такого рода проблемами, направляли в Москву, где их судил великий князь или назначенные им бояре. Эта практика получила название передачи судебных дел «на доклад» государю или его приближенным. В источниках различие компетенций наместников обозначалось клаузулами: правитель «с судом боярским» был полноправным, «без суда боярского» – с ограниченным объемом юрисдикции [5, с. 19, ст. 1–3, с. 21, ст. 18, 20; с. 24, ст. 38; с. 25, ст. 42, 43]. Единичные упоминания кормленщиков «с судом боярским» в грамотах конца XV – первой половины XVI в. свидетельствуют о том, что в представлении великих князей Московских эти подданные отличились выдающимися заслугами, а потому и были удостоены почетной и весьма выгодной для них награды [6, с. 95–96].

Контроль над судебной деятельностью управителя со стороны местного населения осуществляли имевшие безупречную репутацию «добрые люди». Ст. 38 Судебника 1497 г. было узаконено обязательное их присутствие на наместничьем суде. Если «добрые» крестьяне или дети боярские замечали процессуальные нарушения или считали приговор судьи несправедливым, они коллективным решением передавали дело «на доклад» великому князю. Они также имели право ужесточить наказание «татю», если подтверждали присягой свое заявление о том, что он рецидивист. При этом во внимание принималось только коллективное требование пяти-шести «добрых людей» [5, с. 20, ст. 12, 13; с. 24, ст. 38].

Василий III продолжил политику ограничения власти кормленщиков. В Уставной грамоте, данной 7 апреля 1506 г. переяславским рыболовам, он подчеркнул необходимость присутствия на суде местного волостеля или его тиуна общинного старосты и «добрых людей» [7. № 25, с. 44, 8, с. 424]. Последние неоднократно упоминаются в «правых» судных грамотах первой трети XVI в. [9, с. 230, прим. 63]. Вслед за старшим братом удельный князь Юрий Иванович Дмитровский в Уставной грамоте, пожалованной 29 июля 1509 г. бобровникам Каменского стана, запретил местным управителям – ловчему, тиуну и доводчику – самим собирать «корм». Князь поручил взимать его (не со всех общинников поровну, а в зависимости от их доходов) старосте и десятским, которые «по праздникам» «в городе в Дмитрове» должны были передавать собранное кормленщикам. Как и Василий III, Юрий Иванович требовал: «Без лутчих людеи ловчему и его тиуну суда не судити никакова» [7. № 27, с. 48–49].

С 1515 г. сначала в Ржевском, Тверском уездах, Смоленске, затем в других землях Московского государства наряду с наместниками или вместо них действовали назначенные из служивших здесь детей боярских городские приказчики. Это были великокняжеские администраторы, наделенные полномочиями, ранее принадлежавшими исключительно наместникам [10, № 12, с. 219; 9, с. 229; 1, с. 136–138].

После смерти Василия III, когда власть, номинально принадлежавшую беспомощному ребенку Ивану IV, захватили бояре, в ожесточенной борьбе смещавшие и уничтожавшие друг друга, криминальная обстановка в стране резко обострилась. Наместники не располагали достаточными средствами для усмирения замученных поборами крестьян и горожан, свирепствовавших землевладельцев, выбитых из колеи привычной благоустроенной жизни людей, опустившихся и промышлявших разбоем [12, с. 18–19, 21–25, 27; 13, с. 280–281, 285; 9, с. 225]. К тому же они действовали только в пределах назначенных им уездов и не могли преследовать преступников в землях других кормленщиков [14, с. 31–32]. В условиях политической нестабильности наместники не были уверены в завтрашнем дне, поэтому, стремясь быстрее обогатиться, притесняли и разоряли вверенное их заботам население. Добиваясь поддержки своих ставленников, бояре-временщики закрывали на это глаза и предоставляли местным управителям новые источники доходов. Об этом свидетельствуют кормленные грамоты тех лет. В отличие от более ранних актов они фиксируют передачу кормленщикам прибыльных торговых пошлин, доходов с питейных заведений, сборов с владельцев лошадей и скота за обязательный учет и клеймение этих животных [6, № 51–54, 57, 58, 61–64, 66, 67, 69, 70, с. 138–141]. В XV – первой трети XVI в. все эти подати поступали в государственную казну. Бояре-временщики передали их наместникам и волостелям, которые не только пользовались чрезвычайно доходным пожалованием, но и «выжимали» из подвластного населения максимум «кормов», пошлин, а сверх того мучили его незаконными поборами.

Так, псковские наместники 1540/41 г. Андрей Михайлович Шуйский и Василий Иванович Репнин Оболенский были «свирепи, яко лвове». «Злодеи» Шуйский осуждал честных людей, принуждая их платить штрафы и пошлины по сто, двести, триста и более рублей. «А во Пскове мастеровыя люди все делали на него даром, а болшии люди подаваша к нему з дары». Тогда многие «добрые» псковичи «разыдошася от лихих наместников» «по иным городом, а игумены честные из монастыреи избегоша в Новгород». Сельские жители тоже были напуганы и «не смели ездить во Псков» [15, с. 110; 16, с. 229]. Иван Грозный с горечью заметил: «И что от сего случишася в Руси, егда быша в коемждо граде градоначальницы и местоблюстителю, и какова разорения быша от сего» [17, с. 24].

Необходимость реформирования всей системы управления Московским государством осознавали и столичные сановники, и простой народ.

23 октября 1539 г. в Белозерский и Каргопольский уезды были отправлены губные грамоты – первые из 19 сохранившихся до настоящего времени актов, регламентирующих деятельность новых, выборных местных судов, подотчетных московским боярам, «которым разбойные дела приказаны», позднее – Разбойному приказу.

В ответ на челобитные подданных, жаловавшихся, что «лихие» налетчики «розбивают» и «жгут» их села и деревни, грабят имущество, убивают многих путников на дорогах, «а иные многие люди...розбойниковъ у себя держать, а къ инымъ людемъ розбойники съ разбоемъ приезжаютъ и розбойную рухлядь къ нимъ привозятъ», юный государь повелел в каждой волости – «губе» – провести собрание всего населения и «заодинъ» избрать трех-четырех блюстителей порядка из детей боярских, «которые бы грамоте умели» и были «пригожи» к исполнению опасной службы, и в помощь им – «старость и десятцких и лутчихъ людей крестиянъ человекъ пять или шесть». На местных жителей во главе с губными «головами» была возложена обязанность ловить разбойников на территории судебного округа и за его пределами, собирать о них сведения путем «обыска» – опроса всех лиц, располагающих любой информацией о подозреваемых, для получения главного доказательства вины последних – их личного признания – применять пытки, карать преступников смертной казнью. Имущество казненных разбойников требовалось описывать и передавать потерпевшим, излишки, превышающие сумму, указанную в исках, хранить, «где будетъ пригоже». Отчеты о выборах губных властей и раскрытых преступлениях надлежало предоставлять в Москву «нашимъ бояромъ, которымъ розбойные дела приказаны». В случае отказа жителей губы преследовать, задерживать и уничтожать разбойников государь грозился каждого из них оштрафовать, дополнительно наказать и со «всех» вместе взять без суда двойную сумму убытков потерпевших [18. № 187, с. 163–165; 19. № 31, с. 32–33].

Историки по-разному трактуют термин «губа»: как производное от слова «губить»; заимствование из германского языка, означающее «деревенская усадьба»; искаженные шведские фразы «совокупность частновладельческих обработанных земель» или «административно-территориальный округ, население которого пользуется правом самостоятельно вершить уголовные дела» [20, с. 368–369; 21, с. 176–179, 182–183, 185–187].

Губная реформа, как составная часть преобразований местных органов власти конца XV – 50-х гг. XVI в., осуществлялась неравномерно. В 1539–1541 гг. губные грамоты получили белозерцы, каргопольцы, жители Слободского верхнего городка на Вятке, Вельского стана Важского уезда, части Устюжского уезда, Соли Галицкой, Пскова, вятских поселе-

ний Хлынова, Слободы, Карино, Котельнича, тверских, новоторжских, старицких и бежецких вотчин Троице-Сергиева монастыря. Псковский летописец свидетельствует, что его земляки с благодарностью приняли пожалование государя и немедленно приступили к исполнению его распоряжений. «Псковичи, – писал он, – такову грамоту взяша и начаша псковские целовальники и соцкие соудити лихих людеи на княжи двори, в соудницы на Великою рекою, и смертною казнию ихъ казнити...и бысть крестьяном радость и лгота велика от лихих людеи и от поклепец и от наместников». «Лихие люди», с которыми расправлялись местные жители – это рецидивисты. Юрисдикция губных органов вятских городков, тверских, новоторжских и старицких земель Троице-Сергиевой обители определялась шире. Им предписывалось бороться не только с разбойниками, но и с «татями» (ворами), среди которых были преступники, схваченные впервые. В Соли Галицкой вместе с выборными десятскими, пятидесятскими и сотскими действовали городовые приказчики. Здесь стражи порядка осуществляли контроль над жителями посада, «осматривали и записывали, какие люди въ которомъ дворе ставятся», подозрительных лиц доставляли к городовым приказчикам. Неизвестные люди, не пожелавшие назвать свои имена и указать цель приезда и пребывания в городе, подлежали задержанию и «обыску». Если они оказывались разбойниками, их «по всемъ торгомъ» избивали кнутом, а затем казнили. К маю 1543 г. солигалицкий наместник утратил судебную власть, она перешла к выборным посажанам и городовым приказчикам. В 1545 г. губные старосты действовали в Двинском уезде [18. № 187, с. 163–165, № 192, с. 168–170; 19. № 31, с. 32–33; 22, с. 18–20; 23, с. 331, 334; 15, с. 110; 9, с. 251–252, 255–269, 273; 11, с. 142–143; 24. № 4, с. 220–222; 25, с. 571].

С 1547 г. реформа охватила центральные районы Московского государства. «В апрельской и сентябрьской грамотах Никольскому Песношскому монастырю 1547 г. на земли в Дмитровском и Кашинском уездах», «в мартовской грамоте 1548 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на вотчины в Белозерском, Вологодском, Углицком и Дмитровском уездах» содержалось запрещение наместникам и волостелям единолично, без губных должностных лиц, рассматривать и вершить дела о «разбое и татьбе с поличным», – отметил С.М. Каштанов [11, с. 143]. Ст. 60 Судебника 1550 года деятельность губных учреждений была узаконена на территории всей страны, они получили монопольное право бороться с разбоями. Вместе с тем губным старостам (за исключением тех, кому было велено также искоренять татьбу) предписывалось «не вступатися» в другие судебные дела, которые остались в ведении кормленщиков [26, с. 248, ст. 60].

В 50-е гг. XVI в., особенно после ликвидации в 1555/56 г. института наместников и волостелей, сфера деятельности избранных управителей неуклонно расширялась. Они судили тяжбы о земельных владениях,

разъезжали, измеряли, описывали вотчины и поместья, распределяли и охраняли места промыслов, высылали из подворий незаконно занявших их жильцов [27, с. 529–530]. В источниках того времени упоминаются бежецкие, служившие в крепости Белой, вяземские, дмитровские, дорогобужские, зубцовские, калужские, кашинские, клинские, костромские, можайские, московские, переяславские, ржевские, рузские, серпуховские, суздальские, торжковские, угличские, ярославские губные старосты [28, с. 126, 130, 132, 136, 141, 143, 149, 150, 154, 164, 169, 176, 180, 182, 185, 190, 192, 193, 195, 200, 203, 205; 9, с. 331–332, 338–339; 27, с. 529–530].

Провозглашенное реформаторами местное самоуправление в действительности обернулось для населения Московского государства тяжелой повинностью. Кандидатуры губных старост и их помощников утверждались в Москве, после чего судебные агенты, даже те, кто не хотел без вознаграждения или по другим причинам исполнять возложенные на них обязанности, приводились к присяге. Губные старосты целовали крест на том, что будут делать «добро» и служить «в правду» не народу, а царю, его семье, «их землям» [26, с. 186]. Их помощники тоже клялись крестом, а потому назывались целовальниками. Вернувшись в уезд, судебные агенты должны были немедленно произвести «обыск», основываясь на полученных сведениях, схватить «лихих людей», путем «розыска» (закрытого суда с применением пыток и использованием формальных доказательств) установить их вину, вынести и привести в исполнение смертный приговор, в дальнейшем, получив сигнал о совершенном преступлении или появлении в губе подозрительных лиц, действовать столь же быстро и решительно.

Честные и мужественные стражи порядка пользовались уважением местных жителей и были отмечены государем. Когда губной староста Зубцовского уезда Иван Федоров сын Пусторослев заболел, его земляки, вероятно, в знак признательности и доверия к служилому человеку избрали судьей его ближайшего родственника Гришу Васильева, сына Пусторослева. Охранявшие порядок в крепости Белая Роман Комакин, сын Койсаров, и в Калуге Сава Иванов, сын Наумов, были зачислены в «тысячу» «лутчих слуг» царя для исполнения его тайных поручений и важных государственных дел. Главе рузского губного суда Андрею Иванову, сыну Ковригину, было предписано служить «у царицы» Анастасии Романовны [28, с. 79, 81, 169, 176, 182, 193].

Однако другие судебные агенты принимать присягу отказывались, о «государевом деле» борьбы с преступностью не радели, использовали служебное положение в собственных интересах. Например, в 1570-е гг. игумен Кирилло-Белозерской обители Козьма жаловался Ивану Грозному на пошехонского губного старосту Павлина Ощерина, который приписал монастырские пустоши, не облагавшиеся налогом, к «живущим» землям, за которые требовалось платить подать. За неуплату всех тре-

буемых им сумм Ощерин сажал монахов в тюрьму и приказывал публично избивать их кнутом. Издеваясь над иноками, он приговаривал: «Игумен де ваш с старцы предо мною не вежливы, поминков (подарков – *И.М.*) ко мне не присылают» [27, с. 536].

Поэтому еще в Приговоре о разбойных делах, составленном 18 января 1555 г., были указаны санкции для тех губных старост, которые «креста целовати не едут, и дел не делают, и грамот царя и великого князя не слушают». Их надлежало отправлять в темницу. Тех старост, которые приняв присягу, задерживались в столице «за своими делы», требовалось «ссылати с Москвы..., а появятца опять, а с Москвы не поедут, ино их сажати в тюрьму на время». Для проверки жалоб на судебных агентов, злоупотребляющих служебным положением, следовало присылать старост из других уездов и вместе с ними производить розыск сначала. Судьи, не выполнившие это требование, должны были возместить убытки истца и оплатить судебный процесс. Царским указом о татебных делах от 28 ноября 1555 г. с целью повышения эффективности борьбы с преступностью избранным судьям вменялось в обязанность регистрировать новоселов, вести учет объявившихся в их округе или скрывшихся из него «лихих людей», фиксировать, «от чего (они – *И.М.*) пошли ис тое губы в ыную губу жити», а также «в книги записывать и петнити» всех продаваемых, покупаемых и обмениваемых местными жителями лошадей. С 22 августа 1556 г. им было приказано «сыскивати накрепко, чтоб семьями и заговоры, стакався, в обысках» не давали ложных показаний, создать на местах разветвленную агентурную сеть, завербовав осведомителями игуменов и священников, женщин, «лучших», «средних» и «молодых» мужчин, «и от кого что услышат о государевых делех, и о земских, и о всяких росправах, и о том писати к царю... или к тем бояром, у кого те города в приказе». За неисполнение этих распоряжений губным старостам грозило суровое наказание [29, с. 34, № 6, ст. 7, 8, 11, с. 37; № 10, ст. 2, 3, с. 41; № 16, ст. 13–15].

Для губных целовальников тоже были составлены инструкции с угрозами. Если задержанный преступник называл имена сообщников, скрывшихся в другой губе, эту информацию немедленно пересылали властям того округа, где прятался «лихой человек». Поскольку не все губные начальники оперативно извещали сослуживцев, а целовальники не всегда доставляли их грамоты вовремя и по месту назначения, с 18 января 1555 г. гонцу предписывалось отправляться в путь в сопровождении нескольких «добрых людей». В конфликтной ситуации последние на очной ставке в Разбойном приказе подтверждали факт получения целовальником от начальника и передачи адресату секретного послания, и гонец признавался невиновным. В противном случае он вместе с губными старостами, не сумевшими поймать преступников, платил большой штраф. При этом сумма взыскания делилась пополам между теми судебными агентами, «которые не прислали» грамоту с по-

лученными на допросе показаниями «лихого человека», и теми, «которые упустили» его сообщников.

Прошел год, и недостатки в служебной деятельности губных целовальников проявились более отчетливо. Об этом 28 ноября 1555 г. доложил Ивану Грозному начальник Разбойного приказа князь Иван Андреевич Булгаков. Прослушав отчет боярина, царь приказал: «А которой губной целовалник розбойника и татя упустит или животы розбойничьи или татины покрадет, да сам губной целовалник побежит, и губным старостам» его имущество изъять и им оплатить половину «исцовых исков». Если этих средств будет недостаточно, остальное следует «взятии на людех», которые беглеца избрали. Кроме того, избиратели должны были поручиться, что «добудут» нерадивого целовальника, а в подтверждение своих слов целовать крест и временно, до исполнения клятвы, передать в губную избу немалую сумму денег. Разыскав целовальника и доставив его по месту службы, жители губы таким же образом удостоверили его обещание найти и схватить упущенного преступника. Арест последнего не избавлял провинившегося стража порядка от ответственности: губным старостам надлежало «того губного целовалника бити кнутъем, а бив кнутъем, выкинуть ево из губных целовалников вон» [29, с. 34, № 6, ст. 10, с. 36–37; № 10. ст. 4].

Не только судебные агенты, но и их избиратели, сначала радовавшиеся государевой милости, к середине XVI в. воспротивились дальнейшему проведению судебной реформы. Они отказывались выполнять приказы губных старост, участвовать в «обысках», ставить тюрьмы, охранять заключенных, «давать» палачей. Ослушников усмиряли штрафами: если из-под стражи бежал разбойник, «на тех людех, которые в тюрьму не пособляют», брали сумму имущества, указанную в исках потерпевших, игнорирование «обыска» обходилось «с сохи по рублю». Попустительство нарушителям закона и безответственным судьям обернулось для заключенных ужесточением наказаний. В соответствии со ст. 56 Судебника 1550 г. преступник-рецидивист подлежал смертной казни только в том случае, если признавал себя виновным. Приговор 18 января 1555 г. требовал лишать жизни уже всех узников, «облихованных» на обысках, в том числе не признавших своей вины даже под пыткой, потому что «они ис тюрьмы утекают», и вновь «кровь от них крестьянская льетца».

В ноябре того же года И.А. Булгаков сообщил царю, что уездные жители «у себя в волостях лихих людей, татей не сказывают». Монарх тотчас распорядился брать с укрывателей и передавать потерпевшим половину украденного или разграбленного у них имущества, возвращать эти деньги и вещи владельцам только после задержания преступника. Возмещать все материальные утраты истцов должны были родственники и соседи осужденного и казненного злодея, проживавшие с ним в одной волости, а также дворовладельцы, дававшие ему приют. Меры,

направленные на то, чтобы связать жителей губы круговой порукой, неотвратимо вовлечь их в «государево дело» уничтожения криминала, не подействовали. 22 августа 1556 г. Боярская дума признала, что «в обысках многие люди лжут семьями и заговоры великими: иные говорят по ищее, а иные по ответчиках: и то тем по лживым обыском посылают вдругие обыскивать, ино те же обыскные люди, а говорят иные речи». Законодатели постановили собирать на «обыски» сотни людей, показания участников судебных опросов документировать, «солгавших» «обысчиков» наказывать – «изо ста человек, выбрав прикащиков и крестьян лутчих людей человек пяти или шти, бить кнутъем». Боярам, дворянам, приказным людям было объявлено, что за неверные «речи» на «обысках» их ждет «великая опала», а их крестьяне и холопы за то же нарушение закона будут казнены. Многочисленные тайные агенты должны были следить за подданными московского государя, доносить об их словах и действиях, подтверждать показания в губных избах и пыточных стенах [26, с. 180, ст. 1, с. 247, ст. 56; 29, с. 33–34, № 6. ст. 1, 2, 9, с. 36–37, № 10, ст. 1, с. 39–40, № 16, ст. 1, 3, 4].

Задуманная для укрепления государственной власти, оформленная как дарование русскому народу самоуправления, во второй половине 50-х гг. XVI в. судебная реформа приобрела те черты, которые наиболее ярко проявились несколько лет спустя, в период опричнины. В жестокой борьбе с преступностью царская власть опиралась на уездных служилых людей, верхушку крестьянства и посадского населения, из них создала и укрепила карательный аппарат, заменила традиционный состязательный процесс со свидетелями и возможностью самозащиты на розыск с формальными доказательствами вины подозреваемого и пыточными камерами, путем поощрения и принуждения усилила круговую поруку губных жителей, чтобы быстрее вовлечь их в процесс реорганизации всей системы государственного управления. Губная реформа обусловила развитие приказного суда с подконтрольными ему органами местной власти, способствовала окончательному утверждению в Московской Руси самодержавной формы правления.

Список литературы

1. Памятники русского права. – Вып. 3. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1955. – 528 с.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.; Л.: Изд. и тип. Академии наук СССР, 1949. – 408 с.
3. Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. – М.: Наука, 1987. – 230 с.
4. Михайлова И.Б. От полюдья до сохи. Какие налоги и как платили в средневековой Руси // Родина: Рос. ист. журн. – 2002. – № 2. – С. 37–40.
5. Судебники XV–XVI веков. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 620 с.
6. Антонов А.В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV – середины XVI века // Рус. дипломатарий. – Вып. 3. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – С. 91–155.

7. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. – М.: Наука, 1964. – 687 с.
8. Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI в. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 640 с.
9. Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 408 с.
10. Сборник императорского Русского исторического общества. – СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. Т. 95. – 706 с., 108 стлб.
11. Каштанов С.М. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. // История СССР. – 1959. – № 6. – Ноябрь.-дек. – С. 134–148.
12. Шалфеев Н.П. Об Уставной книге Разбойного приказа. – СПб.: Тип. Мор. м-ва в Гл. Адмиралтействе, 1868. – 76 с.
13. Курдиновский В.И. Губные учреждения Московского государства // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1895. – Сент. – Ч. ССЦИ. – С. 280–318.
14. Пашкова Т.И. К вопросу о причинах губной реформы 30–40 гг. XVI в. // Феодалная Россия. Новые исследования. – СПб.: Третья Россия, 1993. – С. 30–34.
15. Псковские летописи. Вып. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 147 с.
16. Псковские летописи. Вып. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 363 с.
17. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – М.: Наука, 1993. – 432 с.
18. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. 1. – СПб.: В тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. – 491 стлб., 14 с., 25 с.
19. Дополнения к актам историческим. – Т. 1. – СПб.: В тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. – 279 с.
20. Калачов Н.В. Об уголовном праве по судебнику царя Иоанна Васильевича // Юрид. зап. – 1842. – Т. 2. – С. 306–418.
21. Ретвих Н.П. Термин «губа», определение «губной грамоты», причины возникновения «губного института» и передачи высшей уголовной власти в руки народа // Вестн. археологии и ист., издаваемый Археолог. ин-м. – СПб., 1892. Вып. IX. – С. 176–197.
22. Шумаков С.А. Губные и земские грамоты Московского государства. – М.: Унив. тип., 1895. – 246 с.
23. Шумаков С.А. Новые губные и земские грамоты // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1909. – Ч. XXIII. – Октябрь. – С. 329–416.
24. Леонтьев А.К. Устюжская губная грамота 1540 г. // Ист. архив. – 1960. – № 4. – С. 218–222.
25. Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х гг. XVI в. – М.: Новое лит. обозрение, 2010. – 888 с.
26. Памятники русского права. Вып. 4. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. – 632 с.
27. Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. – Л.: Наука, 1969. – 602 с.
28. Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. – М.; Л.: Академия наук СССР, 1950. – 456 с.
29. Законодательные акты Русского государства второй половины XV – первой половины XVII в.: тексты. – Л.: Наука. Ленингр. отд. 1986. – 264 с.

References

1. Pamjatniki russkogo prava [Monuments of Russian law]. Vyp. 3. – М.: State publishing House of legal literature, 1955. – 528 p.

2. Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [The instruments of Novgorod and Pskov]. – M.; L.: Publishing. and type. USSR Academy of Sciences, 1949. – 408 p.
3. Kolycheva E.I. Agrarnyj stroj Rossii XVI veka [The agrarian system of Russia of the XVI century]. – M.: Nauka, 1987. – 230 p.
4. Mihajlova I.B. Ot poljud'ja do sohi. Kakie nalogi i kak platili v srednevekovej Rusi [From polyudye to socha. What taxes are paid, and how in medieval Russia] // Rodina. Rossijskij istoricheskij zhurnal [Homeland. Russian Historical Journal]. – 2002. – № 2. – P. 37–40.
5. Sudebniki XV-XVI vekov [Law in XV–XVI centuries]. – M.: L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952. – 620 p.
6. Antonov A.V. Iz istorii velikoknjazheskoj kanceljarii: kormlennye gramoty XV-serediny XVI veka [From the history of the Grand Chancellery: kormlennye gramoty XV-middle of XVI century] // Russkij diplomatarij [Russian diplomatarj]. – M.: Monuments of Historical Thought, 1998. – Vol. 3. – Pp. 91–155.
7. Akty social'no-jekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV–nachala XVI v [Acts of the socio-economic history of the North-Eastern end of the XIV–XVI centuries]. – T. III. – M.: Nauka, 1964. – 687 p.
8. Mihajlova I.B. Sluzhilye ljudi Severo-Vostochnoj Rusi v XIV-pervoj polovine XVI veka [Service people of the North-Eastern Russia in the first half of the XIV–XVI centuries]. – SPb.: St. Petersburg State University Publishing House, 2003. – 640 p.
9. Nosov N.E. Oчерki po istorii mestnogo upravlenija Russkogo gosudarstva pervoj poloviny XVI veka [Essays on the history of local government of the Russian state the first half of the XVI century]. – M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. – 408 p.
10. Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. – SPb., 1895. – T. 95. – 706 p. 108 stb.
11. Kashtanov S.M. K probleme mestnogo upravlenija v Rossii pervoj poloviny XVI v. [On the problem of local government in Russia in the first half of the XVI century] // Istorija SSSR [History of the USSR]. – 1959. – № 6. November-December. – P. 134–148.
12. Shalfeev N.P. Ob Ustavnoj knige Razbojnogo prikaza [About Authorized Rogue book orders.]. – SPb.: Printing Naval Ministry in the Main Admiralty, 1868. – 76 p.
13. Kurdinovskij V.I. Gubnye uchrezhdenija Moskovskogo gosudarstva [Gubnye establishment of the Moscow State] // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija [Ministry of Public Education Magazine]. – 1895. – September. – Ch. CCCI. – P. 280–318.
14. Pashkova T.I. K voprosu o prichinah gubnoj reformy 30–40 gg. XVI v. [To a question about the reasons for the gubnoj reform of lip 30–40 years. XVI century] // Feodal'naja Rossija. Novye issledovanija [Feudal Russia. New studies]. – SPb.: The third Russian, 1993. – P. 30–34.
15. Pskovskie letopisi [Pskov chronicles]. – Vol. 1. – M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941. – 147 p.
16. Pskovskie letopisi [Pskov chronicles]. – Vol. 2. – M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. – 363 p.
17. Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrew Kurbsky]. – M.: Nauka, 1993. – 432 p.
18. Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj imperii Arheograficheskiju jekspedicieju Imperatorskoj Akademii nauk [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire Archeological expedition of the Imperial Academy of Sciences]. – T. 1. – SPb., 1836. – 491 stb., 14 p., 25 p.
19. Dopolnenija k aktam istoricheskim [Additions to the historical acts]. – T. 1. – SPb.: The Printing Division II Own HIH The Office, 1846. – 279 p.

20. Kalachov N.V. Ob ugovnom prave po sudebniku carja Ioanna Vasil'evicha [On the criminal law on Sudebnik Tsar Ivan Vasilyevich] // Juridicheskie zapiski [Legal note]. – 1842. – T. 2. – P. 306–418.
21. Retvih N.P. Termin «guba», opredelenie «gubnoj gramoty», prichiny vozniknovenija «gubnogo instituta» i peredachi vysshej ugovnoj vlasti v ruki naroda [The term "guba", the definition of "gubnaya gramota," the causes of "gubnoj Institute" and the transfer of the supreme criminal authority in the hands of the people] // Vestnik arheologii i istorii, izdavaemyj Arheologicheskim institutom [Bulletin of Archaeology and History, published by the Archaeological Institute]. – SPb., 1892. – Vyp. IX. – P. 176–197.
22. Shumakov S.A. Gubnye i zemskie gramoty Moskovskogo gosudarstva [The Gubnye and zemskie gramoty of the Moscow State]. – M.: University Printing House, 1895. – 246 p.
23. Shumakov S.A. Novye gubnye i zemskie gramoty [New gubnye and zemskie gramoty] // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija [Magazine of the Ministry of Education]. – 1909. – Ch. XXIII. – October. – P. 329–416.
24. Leont'ev A.K. Ustjuzhskaja gubnaja gramota 1540 g. [Ustiug lip Merit 1540] // Istoricheskij arhiv [Historical Archive]. – 1960. – № 4. – P. 218–222.
25. Krom M.M. «Vdovstvujushhee carstvo»: Politicheskij krizis v Rossii 30–40-h godov XVI veka ["Widowhood Kingdom": The political crisis in Russia 30-40-ies of the XVI century]. – M.: «New Literary Review», 2010. – 888 p.
26. Pamjatniki russkogo prava [Monuments of Russian law]. – Vol. 4. – M.: State Publishing House of legal literature, 1956. – 632 p.
27. Nosov N.E. Stanovlenie soslovno-predstavitel'nyh uchrezhdenij v Rossii. Izyskanija o zemskoj reforme Ivana Groznogo [Formation of estate-representative institutions in Russia. Researches on zemskaya reform of Ivan the Terrible]. – L.: Nauka, 1969. – 602 p.
28. Tysjachnaja kniga 1550 g. i dvorovaja tetrad' 50-h gg. XVI v [The thousand book 1550 book and yard 50th. XVI century]. – M.; L.: The USSR Academy of Sciences, 1950. – 456 p.
29. Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XV – pervoj poloviny XVII veka. Teksty [Legislation of the Russian state the second half of the XV – the first half of XVII century. Texts]. – L.: Science. Leningrad branch, 1986. – 264 p.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

УДК 94(47)"1860/1870":304.3
ГРНТИ 03.23.31

Н.Л. Пушкарева

Интимные тайны «молодых штурманов будущей бури» (что лежало в основе самоотверженности российских радикалов-шестидесятников?)* **

В центре внимания автора статьи одна из страниц истории российской сексуальной культуры, а именно типика сексуальных отношений в среде российских радикалов-«шестидесятников». Анализируя детали эго-документов (прежде всего дневников и писем, тексты которых давно известны, но не привлекали внимания специалистов именно с этой стороны), автор пытается понять причины самозабвенной готовности этих революционеров к самопожертвованию. Социально-политический и нравственный максимализм русской демократической мысли 1860–1870-х гг. обернулся в России воинствующим неприятием эмоциональных, бытовых, психофизиологических реалий нормальной человеческой жизни. Это неприятие многократно усиливалось несчастливой личной судьбой ряда идеологов демократизма и народничества, ставших морализаторами и ханжами. Большинство этих людей обманулись в отношениях с женщинами, а затем долгие годы боялись, что их несостоятельность проявит себя в общественной сфере. Возможно поэтому, считает автор, отрицая эротику и секс, социал-демократы вообразили картины будущего идеального общества и счастья в нем, лишая себя нормальной сексуальной жизни и эротизма. С последствиями пропаганды этого «ужасного совершенства» российское общество не может справиться уже много лет.

Ключевые слова: сексуальная культура, повседневность, гендер, демократ, общественное движение.

N.L. Pushkareva

Intimate secrets of the “young navigators of future storm” (what was the basis of the dedication of the Russian radicals of the sixties?)

The purpose of the article is to reconstruct one of the pages of the history of Russian sexual culture and precisely the types of sexual relations in the milieu (social environment) of Russian radicals of 1860-s. Analyzing the details of ego-documents (especially the diaries and letters, texts of which have long been unknown and did not attract the attention of

---

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований РАН «Историческая память и российская идентичность» (2016–2018).

** Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ) № 16-0-00136.

© Пушкарева Н.Л., 2016

© Pushkareva N.L., 2016

specialists from this point of view), the author tries to understand the patterns of readiness to sacrifice themselves for social needs and forget about the selfs that were so typical for Russian revolutionaries. Socio-political and moral maximalism of Russian democratic thought of 1860-1870-ies in Russia turned violent rejection of emotional, domestic, psychophysiologicaly normal human life. This rejection was intensified by an unfortunate personal fate of a number of ideologists of democracy, that became pharisee and hypocrites. Most of these people disappointed in relationships with women, feared then for a long time and their inadequacy manifested itself in the public sphere. Perhaps this is why, according to the author, denying the erotic and sex, the Social Democrats imagined visions of the future ideal society and happiness in it, depriving themselves of the normal sexuality and eroticism. With the effects of this propaganda of "terrible perfection" Russian society can not cope for many years.

Key words: sexual culture, everyday life, gender, democrat, social movement.

Понять систему ценностей «молодых штурманов будущей бури» – радикальных демократов 1860-х гг. – в ее трагической односторонности, нащупать истоки и причины их самозабвенной готовности к самопожертвованию во имя иллюзорных идеалов «свободного братства» (так именовал будущее общество В.Г. Белинский) пытаются ныне многие исследователи. Между тем становление сложных форм социально-бытовой жизни – того, что Норберт Элиас называл «процессом цивилизации», – было всегда тесно связано в России с эволюцией государственной власти. Нормы поведения, правила приличия обычно внедрялись здесь и контролировались сверху. Давление в сторону унификации жизни подданных (и дворян, и тех, чьим трудом крепла и богата русская земля) оказывалось всегда сильнее тенденции к индивидуализации. А без сложившихся и достаточно разнообразных «подкультур» не возникало базы для нормативного плюрализма, для терпимости по отношению к инакомыслящим и «инакодействующим». Из века в век русское государство устанавливало четкие нормы индивидуального поведения, контролируя их соблюдение с помощью административно-правовых актов и практик [1, с. 337]. Этот вывод относится и к сфере сексуальных нормативов и запретов.

На примере отношения к эротике и чувственной любви в эпоху средневековья, а также в начале Нового времени, истории их гонения и осуждения этот антагонизм между официальной, освященной церковью идеологией и традицией (бытовой культурой народных масс), – заметен особенно хорошо [2, с. 85–104]. Даже в «просвещенном осьмнадцатом столетии», когда в России зародилось – не без влияния Франции – и начало получать признание сложное эротическое искусство (средством которого сексуальность только и может быть включена в состав «высокой» культуры) – процесс этот затронул ничтожно малый социальный слой: столичных представителей «благородного», «образованного» сословия, дворян. Однако большинством из них утверждения такого рода редко обнародывались. Одинаковые для всех нормы религиозной

морали довлели и над ними, так что выдвижение на первый план ценностей индивидуально-психологического, личного порядка (столь хорошо «просматривающиеся» в зародившейся в то время художественной литературе и мемуарах) еще не могло быть залогом признаний, касающихся интимной сферы: «грязного секса», «грешных помыслов».

Немало авторов дневников и мемуаристов XVIII столетия старались к тому же – кто явно, а кто неумышленно – противопоставить себя представителям «подлых» сословий, чья натуралистическая философия сексуальности была мало совместима с романтической образностью. Даже те из просвещенных и образованных дворян, кто стремился понять жизнь и систему ценностей «труждающихся» крестьян, воспринимали народные празднества и ритуалы, содержавшие явные эротические элементы, как проявления чего-то низменного, безнравственного и некультурного. Это была своеобразная внутренняя самоцензура, за которой в действительности стоял социальный контроль. Он же породил и то, особо острое именно в России, противоречие между натуралистической бездуховностью «низкой» и идеалистической бестелесностью «высокой» культуры, которое стало лейтмотивом всей русской литературы и искусства.

С одной стороны, к рубежу XVIII и XIX столетий в обыденном языке россиян существовало огромное количество пословиц, присловий, поговорок и других фольклорных произведений, основанных на изощренном русском мате; с другой – вся история литературного классицизма и сентиментализма в России подготовила появление «высокого литературного *штиля*», а вместе с ним – особых образов русских женщин, которых невозможно было жаждать телесно, а тем более сексуально домогаться. Каждая из них, от пушкинской Татьяны до героинь Тургенева, от Светланы Жуковского до княжны Мэри, являла собой «чистейшей прелести чистейший образец», «мимолетное виденье», «гения *чистой* красоты».

Та же рассогласованность чувственности и нежности по отношению к женщине – рожденная православием, в котором прекрасный пол делился на асексуальных девственниц и похотливых блудниц – легко прослеживается и в русском изобразительном искусстве рубежа XVIII–XIX вв. Обнаженная натура писалась в допетровское время только в связи со сценами пыток грешников, наказаний блудниц [3]. В XVIII же веке в русской живописи завоевала прав традиция свободного (казалось бы!) изображения наготы. (Отметим, что на Западе ей было уже три сотни лет). Однако в картинах русских художников, изображавших обнаженных, отсутствовал всякий налет эротичности. Разумеется, без Карла Брюллова, Федора Бруни «история наготы» в русской живописи была бы неполной, как и без прелестных образов купальщиц Александра Венецианова. Но каждый из перечисленных художников владел своеобразной «доктриной расстояния» [4, р. 391]: представляя обнаженное человеческое тело обобщенно и идеализированно, «драпируя» его в

возвышенные ассоциации, эти живописцы рассчитывали на «смягчение шока» от лицезрения человека без одежд. На практике это означало изъятие наготы из современного им, в том числе интимного, опыта и в то же время придание ей величия – за счет сюжетов и поз, заимствованных из мифологии, религии или экзотики (например, изображения народных празднеств в далеком прошлом или современных).

Стоит заметить и еще одну особенность русской живописной традиции. В эгоцентрическом мире русского романтизма оставалось необычайно мало места для женщин. Одинокое размышление облегчалось по большей мере мужским товариществом в ложе или в кружке. Поэтому в русской живописи (как, впрочем, и в литературе – от Сковороды до Бакунина!) видны сильные намеки на гомосексуальность, хотя и сублимированного, платонического сорта. Эту страсть можно обнаружить в склонности А. Иванова рисовать нагих мальчиков. Она объяснялась самим художником стремлением к духовному совершенству андрогинии, возвращением к первоначальному единству мужских и женских черт. Искусствоведам давно известно, что в предварительных набросках головы Христа в «Явлении Христа народу» художник использовал как мужскую, так и женскую натуры.

Свойственные русской классической литературе и живописи возвышенно-поэтическое отношение к женщине, воспевание ее как матери и хозяйки дома, отсутствие истерической озабоченности в отношении сексуальных прегрешений (столь свойственной западноевропейской культурной традиции) были прекрасной основой для усвоения нравственных и этических ценностей всеми слоями российского общества. Но они же порождали бесконечные разочарования и драмы у конкретных людей, стремившихся «делать жизнь» с литературных примеров.

«Страсть к идеям и развитие психологических комплексов вокруг некоторых имен и понятий, вообще типичные для европейского романтизма, в России были доведены до крайности... В русской привязанности к классической древности и к сублимации сексуальности в творческой деятельности было нечто нездорово-одержимое. Можно предположить, что удивительные и оригинальные творческие жизни Бакунина и Гоголя были в какой-то степени компенсацией их сексуального бессилия», – размышлял четверть века тому назад над страницами классической русской литературы американский историк Дж. Биллингтон. Он видел в героях Пушкина, Лермонтова, Тургенева «эгоцентрических любовников», которые «обнимали женщин, как и идеи, с той смесью страсти и фантазии, которая делала прочные отношения почти невозможными...» [5, р. 349]. Классическая русская литература XIX в. формировала в читающей публике отношение к любви как к событию. «Чувственная страсть для русской женщины и русского мужчины – это не дар божий, не благо, не ровное тепло, что обогревает жизнь, ... но стихийное бедствие, пожар,

землетрясение, эпидемия, после которой жить больше нельзя, а остается лишь омут, обрыв, откос, овраг..." [6, с. 25].

С гипертрофией духовно-романтического, внутренне-трагического аспекта любовных отношений было связано настороженно-подозрительное и даже враждебное отношение ко всякой чувственности. И такую аскетическую мораль в России насаждали и пропагандировали (в отличие от Запада) отнюдь не только консерваторы и представители церковных кругов, но и властители дум молодежи прошлого века, передовых слоев общества – лидеры радикальных общественных движений, прежде всего разночинцы.

Аристократы пушкинского времени, с детства получавшие хорошее светское воспитание, даже оставаясь религиозными людьми, всегда дистанцировались от официального ханжества. Разночинцам, выходцам преимущественно из духовной среды, бывшим семинаристам, сделать это было значительно труднее. Порывая с одними устоями своей прошлой жизни, они не могли преодолеть других. Перенесенные в чужую социальную среду, многие из них мучительно страдали от стеснительности, тщетно пытались подавить волнения собственной плоти, тем более что, как и у прочих людей, в их сексуальности не все, не всегда было «каноническим».

Темпераментный, чувственный и одновременно страшно застенчивый Вассарион Белинский был преследуем мыслью, что природа клеймила его лицо «*проклятьем безобразия*», из-за которого – полагал он – его не сможет полюбить ни одна женщина [7, с. 390]. Поэтому главной отдушиной для него стала страстная, неосознанно гомоэротическая дружба, стержень которой составляли бесконечные интимные излияния параноидального свойства. «Боткина я уже не люблю, как прежде, а просто влюблен в него и недавно сделал ему формально объяснение», – признавался Белинский своему главному наперснику тех лет (конец 1830-х гг.) Михаилу Бакунину [7, с. 190].

Весьма схожие переживания переполняли душу юного Николая Добролюбова [8]. 16-летним юношей он страстно привязался к своему семинарскому преподавателю И.М. Сладкопевцеву: «Я никогда не повеял ему своих сердечный тайн, не имел даже надлежащей свободы в разговоре с ним, но при всем том – одна мысль: быть с ним, говорить с ним – делала меня счастливым, и после свидания с ним, особенно после вечера, проведенного с ним наедине, я долго-долго наслаждался воспоминанием и долго был под влиянием обаятельного голоса и обращения... Для него я готов был сделать все, не рассуждая о последствиях...» [9, с. 441]. Привязанность Добролюбова к Сладкопевцеву сохранилась и после отъезда последнего из города и поддерживалась письмами.

Пытаясь разобраться как в этой привязанности, так и в других «*ло-роках*», будущий критик был очень озабочен поисками аналогий в частной жизни великих людей. Благодаря Богу за то, что схожие ситуации

ему было «*сыскать*» весьма легко, он писал: «Рассказывают наверное, что Фон-Визин и Гоголь были преданы онанизму, и этому обстоятельству приписывают даже душевное расстройство Гоголя» [9, с. 466], – писал он, весьма точно отражая уровень тогдашних медицинско-сексологических представлений о «вреде» самоудовлетворения [см.: 10].

Страхом за приверженность этому «пороку» были проникнуты также дневниковые и эпистолярные размышления целого ряда современников и «старших товарищей» Николая Добролюбова. Тот же Белинский, буквально соревнуясь с Михаилом Бакуниным в постыдных саморазоблачениях, в ответ на признание последнего о склонности к онанизму в юности [7, с. 190], с жаром отвечал откровенностью на откровенность: «Я начал тогда, когда ты кончил – 19 лет. Сначала я прибег к этому способу наслаждения вследствие робости с женщинами и неумения успевать у них. Продолжал же уже потому, что начал. Бывало в воображении рисуются сладострастные картины – голова и грудь болят, во всем теле жар и дрожь лихорадочная. Иногда удержусь, а иногда окончу гадкую мечту еще гадчайшей действительностью...» [11, с. 39]. Несмотря на постоянную «потребность выговаривания», эти переживания тщательно скрывались от окружающих. Даже от друзей. «Бывало Ст[анкевич], говоря о своих подвигах по сей части, спрашивал меня, не упражнялся ли я в этом благородном и свободном искусстве... Я краснел, делал благочестивую и невинную рожу и отрицался». И ниже выражал уверенность в том, что теперь, когда и он сам, и Михаил Бакунин признались друг другу в «*гадкой слабости*», их дружба наверняка станет вечной... [11, с. 40].

Характерно, что все эти побуждения к откровенным излияниям навсегда прекратились после женитьбы В.Г. Белинского [12; 13].

Весьма похоже реагировал на невозможность подавить молодую чувственность младший современник Белинского – Н.Г. Чернышевский. Проблема соотношения любви и дружбы, которые он рисовал в своем воображении весьма возвышенно, и вульгарной чувственности, которой он мучительно стыдился, занимала немалое место в текстах его дневников. Двадцатилетний писатель (вероятно, и в страшном сне не предполагавший, что кто-то спустя столетие с лишним будет вчитываться в его сокровенные мысли – *Н.П.*) признавался: «...Я знаю, я легко увлекаюсь и к мужчинам, а ведь к девушкам или вообще к женщинам мне не случилось никогда увлекаться (Я говорю это в хорошем смысле, потому что если от физического настроения чувствую себя беспокойно, это не от лица, а от пола, и этого я стыжусь)...» [14, с. 35–36].

Ниже он с ужасом пытался разобраться в своих «бедах», с тревогой восклицая: «Сколько за мною тайных мерзостей, которых никто не предполагает! Например, разглядывание [существительное здесь умышленно не названо автором – *Н.П.*] во время сна у детей и сестры и проч. ...» [14, с. 38]. Через несколько дней он записал: «Ночью я проснулся: по-

прежнему хотелось подойти и приложить... [снова пропуск автора – Н.П.] к женщине, как бывало раньше...» [14, с. 83]. А спустя еще два дня Чернышевский признался: «Ночью снова чорт дернул подходить к Марье и Анне (горничные – Н.П.) и ощупывать их и на голые части ног класть свой... Когда подходил, сильно билось сердце, но когда приложил – ничего не стало...» [14, с. 91].

Стремление преодолеть в себе «*тайные мерзости*» в сочетании с невозможностью подавить юношескую гиперсексуальность порождало в сознании социально ориентированных молодых радикалов тяжелейший психологический стресс. 11 августа 1848 г. Николай Чернышевский и его ближайший друг Василий Лободовский, оба «сказали, поправляя у себя в штанах: Скверно, что нам дана эта вещь...» [14, с. 82].

Ни в гомоэротизме, ни в раздвоенности чувственности и нежности, ни тем более во влечении к женщинам, разумеется, не было ничего исключительного. Подобные переживания были и будут свойственны бесчисленным юношам прошедших и будущих столетий и в России, и на Западе. Можно, однако, отметить некоторую «национальную специфику» в сексуальной культуре россиян. Она впервые была замечена Василием Розановым, а ныне исследуется и обосновывается Дмитрием Галковским [15, с. 67]. Речь идет об особой склонности «совершать любовное преступление в одиночку», об онанизме. Тема эта неслучайно присутствовала на страницах дневников и писем буквально всех радикальных демократов прошлого столетия. Онанизм как форма «замещения» чувственных переживаний, которые способна доставить женщина, «отзывался» в непростой и нестабильной социальной действительности России XIX в. **существованием политически бессильных людей, живших почти исключительно общественно-политическими воспросами.** «Рассогласованность» мира законов и действительности, ощущение ирреальности умозрительных социальных конструкций, рождавшихся в воспаленном воображении людей, охваченных «революционным нетерпением», корреспондировали с мастурбационной тревожностью, связанными с онанизмом страхами и объяснялись в конечном счете катастрофически низким уровнем сексуальной культуры даже в высших, образованных социальных слоях.

Именно этим объясняется то, что русская литература и публицистика классического «золотого века» с настойчивостью, достойной лучшего применения, старалась сформировать у читателей (особенно молодых) образ большой возвышенной любви, начисто лишенной какого-либо эротического звучания или оттенка. Век Мопассана и Флобера во Франции родил в России образ Женщины, главным достоинством которой была бы возможность «делить свои мысли до такой степени», чтобы с нею было возможно вместе читать и обсуждать «новые произведения». Умевший, по словам Н.А. Некрасова, «рассудку страсти подчинять» Н.А. Добролюбов, грезя о такой спутнице жизни, писал, что тогда «был

бы счастлив и ничего не хотел боле... Увы, такой женщины нет», – писал он. – Сознание полной бесплодности и вечной неосуществимости этого желания гнетет и мучит меня, наполняет тоской, злостью, завистью...» [9, с. 340]. Описывая, как сестры его учеников, к которым он воцелел, смотрят на него иронично и свысока, он мазохистки упрекал сам себя, что спит с проституткой, которую никогда не сможет полюбить, «потому что нельзя любить женщины, над которой осознаешь свое превосходство...» [9, с. 517].

Отдав свои высокие «мечты, надежды, помышленья» Отчизне в самом широком понимании этого слова, он добровольно (подобно монаху-аскету) оградил себя от нормальной чувственности, которую именовал «животными отношениями» и оценивал однозначно: «Все это грязно, жалко, меркантильно (?), недостойно человека..» [9, с. 553].

И Белинский, и Чернышевский, и Добролюбов, и те, кто окружал их и верил их слову, видели себя в честолюбивых одиноких мечтах красивыми, ловкими, благородными, спасающими падших женщин и показывающими всем остальным примеры нравственности. В своих сочинениях и критических оценках сочинений современников они исходили не из своего реального жизненного опыта (очень и очень ограниченного, если судить по оставшимся от них памятникам личного происхождения), а из воображаемых, надуманных образов. Вместо того, чтобы способствовать развитию терпимости, освобождению (эмансипации) от навязанных православием строгих ограничений, они развили безуспешную внутреннюю борьбу, вылившуюся в осуждение и отрицание чувственности как чего-то «пошлого» и «недостойного». Любой из литературных критиков (а все названные выше революционеры-радикалы не брезговали этой сферой литературной деятельности) гневно ополчались на тех писателей и поэтов, которые робко или, напротив, настойчиво вводили эротическую тему в ткань повествования. «Неистовый Виссарион», например, взяв на себя ничем не обоснованную обязанность рассуждать с точки зрения воображаемого «невинного молодого мальчика», которого следует уберечь от соблазнов, неодобрительно отнесся к поэзии Александра Полежаева, откровенно бранил Боккаччо, а роман Поля де Кока назвал «гадким и подлым» произведением. Дмитрий Писарев искренне осуждал Г.Гейне за «легкое воззрение на женщин». Неприятие и нереализованность собственных сексуально-эротических влечений тех, кто стоял у истоков идеи социального освобождения в России, породили отношение к литературе как к «учительнице жизни». С тех пор и чуть ли не на целое столетие книги стали оцениваться критиками не по художественным, а по социально-педагогическим критериям.

Подозрительно-настороженное отношение к сексуальности, унаследованное от прежних, православных идеологов радикалами-шестидесятниками (прочившими самих себя в мессии!), передалось как инфекционное заболевание их идейным последователям – народоволь-

цам. Именно в 1870-е гг., в годы наибольшего распространения революционной народнической идеологии, психосексуальные трудности отдельных «критически мыслящих личностей» стали превращаться в идеологию. В то время как консервативно-религиозная критика неустанно осуждала эротизм за то, что он противоречил догматам веры, внемирскому аскетизму православия, у революционных демократов и народников (которые как раз начинали свою деятельность в 1860-е гг.) эротика не вписывалась в нормативный канон человека, призванного отдать все силы борьбе за освобождение трудового народа. В сравнении с этой великой общественной целью все индивидуальное, личное выглядело ничтожным. Тончайшая интимная лирика Афанасия Фета, Якова Полонского, Константина Случевского осталась вне разума этих опаленных великой утопической идеей людей. Она казалась им пошлой, а уж между эротикой, «клубничкой» и порнографией они и во все не видели никаких различий. Художника или писателя, бравшегося в России второй половины XIX в. за «скользкую» тему, ожидали таким образом яростные атаки не только «справа», но и «слева». Тем самым развитие высокого, рафинированного эротического искусства в России, а вместе с ним и соответствующей лексики, без которой секс и разговоры о нем выглядят действительно «низменными», «грязными», затормозилось на несколько десятилетий.

Социально-политический и нравственный максимализм русской демократической мысли 1860–1870-х гг. обернулся воинствующим неприятием эмоциональных, бытовых, психофизиологических реалий, из которых, в сущности, складывается нормальная человеческая жизнь. Это неприятие многократно усиливалось несчастливой личной судьбой ряда идеологов демократизма и народничества, подчас по своей воле, а иной раз в силу не зависящих от них обстоятельств, становившихся морализаторами и ханжами. Любой из них вслед за героем чеховского рассказа «Ариадна» (1895) мог бы лишь сказать в свое оправдание: "... Мы не удовлетворены, потому что мы идеалисты. Мы хотим, чтобы существа, которые рожают нас и наших детей, были выше нас, выше всего на свете... У нас в России... чувственность смешна и внушает отвращение... Но вот беда в чем. Едва мы женимся или сходимся с женщиной,... как мы чувствуем себя разочарованными, обманутыми» [16, с. 117].

Обманувшись сами – в отношениях с женщинами, в невозможности «перехитрить природу» радикалы-шестидесятники оказались в тисках мучительной боязни того, что их несостоятельность проявит себя в иной, исключительно важной для них общественной сфере. Поэтому, отрицая эотику и секс, они с жаром создавали картины будущего счастья, подобные «шестому сну» Веры Павловны из романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Последствия этой пропаганды российское общество расхлебывало не одно десятилетие.

Список литературы

1. Engelstein L. The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de Siecle Russia. – Ithaca and London, 1992 (Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. – М.: Изд. центр "Терра", 1996. – 571, [1] с.).
2. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. – М.: Мысль, 1989. – 286 с.
3. Пушкарева Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних русов и москвитов X–XVII вв. // Секс и эротика в русской традиционной культуре. – М.: Ладомир, 1996. – С. 51–103.
4. Gay P. The Bourgeois Experience. Victoria to Freud. V.1. Education of the senses. – N.Y., 1984.
5. Billington J.H. The Icon and the Axe. An Interpretative History of Russian Culture. – New York, 1970.
6. Гачев Г. Русский Эрос: «роман» Мысли с Жизнью. – М.: ЭКСМО, 2004. – 636 с.
7. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 11. – М.: Изд. АН СССР, 1959.
8. Пещерская Т.И. Русский демократ на *rendez-vous* // Литературное обозрение. – 1991. – № 11. – С. 40–43.
9. Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: в 9 т. – Т. 8. – М.: Худ. лит., 1964. – 714 с.
10. Верременко В.А. «Страшный враг юношества» – борьба с онанизмом и половое просвещение подростков из привилегированных слоев российского общества во второй половине XIX – начале XX вв. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. Вып. 7. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 68–74.
11. Цит. по: Сажин В. Рука победителя. Выбранные места из переписки В.Белинского и М.Бакунина // Литературное обозрение. – 1991. – № 11.
12. Гинзбург Л. О психологической прозе. – М.: INTRADA, 1999. – 415 с.
13. Кон И.С. Дружба. Этико-психологический очерк. – М.: Политиздат, 1989. – 348 с.
14. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 1. Дневники. – М.: Гослитиздат, 1939. – 860 с.
15. Галковский Д. Бесконечный тупик // Волшебная гора. – № 1. – М., 1993.
16. Чехов А.П. Собрание сочинений и писем: 8 т. Т. 6: Рассказы и повести, 1895–1903. – М., 1986. – 735 с.

References

1. Engelstein L. The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de Siecle Russia. – Ithaca and London, 1992.
2. Pushkareva N.L. Zhenshchiny Drevnej Rusi [Women Of Ancient Russia]. – M.: Mysl', 1989. – 286 s.
3. Pushkareva N.L. Seksual'naya ehtika v chastnoj zhizni drevnih rusov i moskovitov X-XVII vv. [Sexual ethics in the private life of the ancient Rus and the Muscovites of the X-XVII centuries] // Seks i ehrotika v russkoj tradicionnoj kul'ture [Sex and erotica in Russian traditional culture]. – M.: Ladomir, 1996. – S. 51–103.
4. Gay P. The Bourgeois Experience. Victoria to Freud. V.1. Education of the senses. – N.Y., 1984.
5. Billington J.H. The Icon and the Axe. An Interpretative History of Russian Culture. – New York, 1970.
6. Gachev G. Russkij EHros: «roman» Mysli s ZHizn'yu [Russian Eros: "novel" Thoughts with Life]. – M.: EHKSМО, 2004. – 636 s.

7. Belinskij V.G. Polnoe sobranie sochinenij. – T. 11. – M.: Izd. AN SSSR, 1959.
8. Peshcherskaya T.I. Russkij demokrat na rendez-vous [Russian Democrat on rendez-vous] // Literaturnoe obozrenie [Literary review]. – 1991. – № 11. – S. 40–43.
9. Dobrolyubov N.A. Sobranie sochinenij v 9-ti tt. [Collected works in 9 TT]. – T. 8. – M.: Hud. lit., 1964. – 714 s.
10. Veremenko V.A. «Strashnyj vrag yunoshestva» – bor'ba s onanizmom i polovoe prosveshchenie podrostkov iz privilegirovannyh sloev rossijskogo obshchestva vo vtoroj polovine XIX – nachale HKH vv. ["The worst enemy of youth" – the struggle against Masturbation and sexuality education of adolescents from privileged strata of Russian society in the second half of XIX – early XX centuries] // Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii: mater. Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem / otv. red. V.V. Karpova [Capital and the provinces: the relationship between the centre and regions in the history of Russia: mater. Vseros. scientific. Conf. with int. participation]. – Vyp. 7. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2016. – S. 68–74.
11. Cit. po: Sazhin V. Ruka pobeditelya. Vybrannye mesta iz perepiski V.Belinskogo i M.Bakunina [The hand of the winner. Selected passages from correspondence V. Belinsky and Bakunin M.] // Literaturnoe obozrenie [Literary review]. – 1991. – № 11.
12. Ginzburg L. O psihologicheskoi proze [On psychological prose]. – M.: INTRADA, 1999. – 415 s.
13. Kon I.S. Druzhba. Ehtiko-psihologicheskij ocherk [Friendship. Ethico-psychological essay]. – M.: Politizdat, 1989. – 348 s.
14. CHernyshevskij N.G. Poln. sobr. soch. T. 1. Dnevnik [Full. Coll. CIT. vol. 1. Diaries]. – M.: Goslitizdat, 1939. – 860 s.
15. Galkovskij D. Beskonechnyj tupik [Endless deadlock] // Volshebnaya gora [The Magic mountain]. – M., 1993. – № 1.
16. CHEkhov A.P. Sobranie sochinenij i pisem v 8-ii tomah. T. 6: Rasskazy i povesti, 1895–1903 [Collected works and letters in 8-11 volumes. V. 6: Stories and novels, 1895–1903]. – M., 1986. – 735 s.

ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94.(470.43-25)"1951/1917"
ГРНТИ 03.23.31

С.В. Любичанковский

Рецензия на кн.: Кобозева З.М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX вв.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара: Изд-во Самарский университет, 2013. 608 с.

В статье дан научный анализ и показаны дискуссионные моменты монографии З.М. Кобозевой о мещанском сословии в Самаре пореформенного периода. Отмечено, что рецензируемая монография является междисциплинарным исследованием, проведенным на стыке истории, культурологии, психологии, социологии и эстетики. Выбор объекта исследования объясняется интересом профессионала-историка к «судьбе маленького человека», каковым она считает представителя мещанского сословия, а также, как житель г. Самары и потомок самарских мещан, стремлением воссоздать ретроспективу жизни городских жителей вековой давности. Для реализации своего замысла исследователь взяла на вооружение новейшие методологические подходы, апробируемые в современной историографии «повседневности». Она решительно отмежевывается от разделения городского населения по классовому принципу и от классовой теории в целом; скептически относится к сформировавшемуся в русской культуре «антимещанскому комплексу», в связи с чем выразила желание абстрагироваться от дискурса русской художественной литературы. Необходимость, с одной стороны, описания взаимодействия власти и сословия и обыденной жизни с ее «мелкими» повседневными заботами, с другой, побудили к сочетанию методов микро- и макроанализа. Правомерность такого сочетания историк доказывает, опираясь как на собственное мнение, так и на известную монографию А.Б. Каменского «Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в.». Свое исследовательское поле повседневности она определила как мещанскую повседневность, охватывающую сословную повседневность, речевую, дискуссионную и эмоциональные повседневности. Сделан вывод о том, что З.М. Кобозевой удалось показать «многоликость» самарского мещанина, застигнутого в разных жизненных ситуациях. Определено место книги в современной историографии повседневности.

Ключевые слова: повседневность, мещане, историография, власть, Самара, пореформенный период, микроанализ, макроанализ, провинция.

Review of the book: Kobozeva Z.M. Bourgeois estate of Samara in space of the power and daily life (the second half of XIX – the beginning of the XX centuries), or the Story about “Soul with duties”. Samara: Publishing house “Samara university”, 2013. 608 p.

The article contains the scientific analysis and the debatable moments of the monograph of Z.M. Kobozeva about bourgeois estate in Samara of the post-reform period. It is shown that the reviewed monograph is the interdisciplinary research conducted on a joint of history, cultural science, psychology, sociology and an esthetics. The choice of object of this research is explained by interest of the professional historian in "destiny of the little person". The author has an aspiration to recreate a retrospective of life of city dwellers of century prescription. For realization of the plan the researcher adopted the latest methodological approaches approved in a modern historiography of "daily life history". She resolutely refuses from division of urban population according to the class principle and from the class theory in general; she is skeptical about the "an anti-bourgeois complex" created in the Russian culture. The author makes descriptions of interaction between a power and an estate, and ordinary life with her "small" daily cares, with another, induced to a combination of methods micro and the macroanalysis. The historian proves legitimacy of such combination, relying both on own opinion, and on the known monograph of A.B. Kamensky "Daily life of the Russian city inhabitants: historical jokes from provincial life of the XVIII century". The conclusion is drawn that Z.M. Kobozeva managed to show differentness of the Samara bourgeois overtaken in different life situations. The book place in a modern historiography of daily occurrence is defined.

Key words: daily life, bourgeois, historiography, power, Samara, post-reform period, microanalysis, macroanalysis, province.

Появившаяся в 60-е годы минувшего столетия новая отрасль исторического знания, направленная на изучение повседневной жизни людей, отдельных сообществ и общества в целом, в последнее время стало особенно популярной и востребованной. За полувековой период сформировались различные школы (французская школа «анналов», германо-итальянская школа «микроистории» и др.) и подходы к определению «истории повседневности» [1]. Последнее обстоятельство существенно осложняет труд исследователя, погруженного в изучение «повседневности» конкретного сообщества.

Книга доктора исторических наук, доцента Самарского университета Зои Михайловны Кобозевой «Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или рассказ о "душе с повинностями"» представляет собой исследование, социально и территориально локализованное в пределах мещанского сословия города Самары в позднеимперский период. Уже с

первого взгляда внимание привлекает объем книги (608 с.) и масштабность затрагиваемых проблем. Издание снабжено великолепным иллюстративным материалом – фотографиями из семейных альбомов самарских мещан и фотокопиями архивных документов. Автор постаралась вместить в исследование весь спектр жизни и деятельности мещанина от колыбели до одра.

Выбор объекта исследования З.М. Кобозева объясняет интересом профессионала-историка к «судьбе маленького человека», каковым она считает представителя мещанского сословия, а также, как житель г. Самары и потомок самарских мещан, стремлением воссоздать ретроспективу жизни городских жителей вековой давности. Для реализации своего замысла исследователь взяла на вооружение новейшие методологические подходы, апробируемые в современной историографии «повседневности». Она решительно отмежевывается от разделения городского населения по классовому принципу и от классовой теории в целом; скептически относится к сформировавшемуся в русской культуре «анти-мещанскому комплексу», в связи с чем выразила пожелание абстрагироваться от дискурса русской художественной литературы. Необходимость, с одной стороны, описания взаимодействия власти и сословия, и обыденной жизни с ее «мелкими» повседневными заботами, с другой, побудили к сочетанию методов микро- и макроанализа. Правомерность такого сочетания историк доказывает, опираясь как на собственное мнение, так и на известную монографию А.Б. Каменского «Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в.». Свое исследовательское поле повседневности она определила как мещанскую повседневность, охватывающую сословную повседневность, речевую, дискуссионную и эмоциональные повседневности [2, с. 27].

Несомненно, перед нами междисциплинарное исследование, проведенное на стыке истории, культурологии, психологии, социологии и эстетики. Работа написана в отличном литературном стиле. Вероятно, ее междисциплинарный характер позволил автору обосновывать свое мнение ссылками на художественные произведения, которые педантичному историку могут показаться неуместными. Так, в описании проправительственного курса в деятельности Городской думы после принятия «Положения» 1870 г. З.М. Кобозева ссылается на сказку Дж. Радари «Чиполлино» [2, с. 236]. Однако нельзя не признать, что подобные вкрапления делают повествование более живым и запоминающимся.

Исследование проведено на основе материалов Центрального государственного архива Самарской области. Были задействованы документы из шести фондов. Многие из них, в первую очередь из фонда мещанской палаты, никогда ранее не фигурировали в научных публикациях. Обнаруженные в них сведения позволили З.М. Кобозевой счесть ошибочным представление о делопроизводстве данного сословного

учреждения как отражающего лишь его фискально-контролирующие функции. За традиционной номенклатурой дел она разглядела «удивительные истории – анекдоты из повседневности мещан-обывателей». Причем, собранного материала оказалось настолько достаточно, что исследователь даже не сочла нужным обращаться к такому, казалось бы, необходимому в исследовании повседневности источнику, как периодическая печать г. Самары пореформенного периода. Анализ архивного материала ограничился характеристикой только двух из шести фондов, что мешает формированию целостного представления о привлеченных архивных источниках. То же самое можно сказать и об опубликованных источниках и литературе, так как их список не прилагается, а историографический обзор, помещенный во введении, как-то больше напоминает методологический анализ истории повседневности. Собственно истории изучения взаимодействия городских жителей с властью в рассматриваемый период посвящена первая глава первого раздела книги

З.М. Кобозева предрекает своему исследованию непростое будущее, так как оценивать его будут историки старшего поколения, которые, как она пишет, «даже не сомневаются в неизбывности традиционной методологической парадигмы и, следуя древнейшей бинарной оппозиции «свой-чужой», силой изгоняют «чужаков» и «маргиналов» [2, с. 48]. И все потому, что в исследовании используются инновационные методы лингвокультурного анализа источников. После такого предупреждения как-то даже боязно переходить к чтению основных разделов книги. Вдруг что не так поймешь и станешь «ретроградом»...

Книга имеет логически выстроенную структуру. В первом разделе мещанское сословие рассматривается в пространстве власти. Привлечение литературы, описывающей сословную повседневность мещан в разных городах России, позволили автору посредством компаративного и ситуативного подходов обнаружить немало нюансов, отражающих своеобразие Самары и ее жителей. Вопреки сложившемуся мнению, что в первой половине XIX в. система городского самоуправления, дарованная городскому обществу в 1775 г., уже устарела, З.М. Кобозева доказывает, что в Самаре, напротив, период до 1870 г. как раз и был временем общественной сословной активности. «Именно в дореформенный период мещане и купцы города создали свою модель «городского гражданства», относясь к нуждам города как к своим собственным, с позиций трудовой этики и «психологии хозяина». После 1870 г. мещанство растворилось во всесословном городском самоуправлении. С введением всесословного городского положения заканчивается «золотой век» мещанства [2, с. 70, 95, 125].

Значительная часть повествования во 2-й главе первого раздела выстроена таким способом, что сначала излагается мысль из обобщающих работ А.И. Куприянова, В.В. Рабцевича и других исследователей, а затем они подтверждаются, уточняются или опровергаются ссылками на

производства по делам самарских мещан. В случае, если иллюстративного материала недостаточно, допускаются предположительные суждения. К примеру, на с. 148 приводится цитата из монографии Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, что в «19 городах наличие полного цехового устройства не сопровождалось записью в вечно-цеховое состояние...» [3, с. 481]. Основываясь на этом замечании, З.М. Кобозева делает вывод: «можно предположить, что в Самаре значительная часть ремесленников не была записана в вечно-цеховые, а продолжала сохранять принадлежность к мещанству».

Для целостного представления о мещанском сословии в исследовании явно не хватает статистики, причем представленной в динамике. Нет данных о численности мещанского населения в 1850-е гг. Без цифровых показателей ряд авторских утверждений выглядит как констатация факта, присущего любому развивавшемуся торгово-промышленному центру пореформенной России. В частности, это касается горизонтальной мобильности. «Самарское мещанство пополняли жители различных губерний империи». Далее приводятся несколько фамилий лиц, в 1858 г. ходатайствовавших о причислении в сословное общество самарских мещан [2, с. 156]. А может, это были единичные случаи? Или переселенцев было настолько много, что они оказывали давление на жизнь мещанского общества? Однако, возможно, что исследование истории повседневности может обойтись и без статистических нагромождений. В том, что исследователь все же не чуждается числовых показателей, убеждает указание, что в 1876 г. из Самарской губернии выселилось 140 мещан, а переселился из других губерний 121 чел. [2, с. 209]. Повторимся, более информативно эти данные могли бы смотреться во временном срезе.

Информационно-аналитический потенциал исследования существенно расширился за счет привлечения послужных списков мещан – членов Городской думы и использования лингвокультурного анализа. С принятием Городового положения 1870 г. представительство мещан в Думе сократилось, но, судя по послужным записям, от своих предшественников они отличались более высоким образованием, имущественной состоятельностью. На повышение их общественно-правового статуса указывает использование в написании отчества вместо прежнего -ов суффикса -ич.

Третья глава первого раздела служит иллюстрацией выдвинутой гипотезы на провинциальном самарском материале. В качестве гипотезы приводятся указания Б.Н. Миронова, что в пореформенный период «рядовые граждане были фактически отчуждены от управления и принятия решений. Им оставалась роль статистов» [4, с. 500]. Мещанские общества не имели будущего. «Формально мещанские общества прекратили свое существование в конце 1917 – начале 1918 г. с отменой сословий и закрытием сословных организаций. Но эта смерть была тихой и законо-

мерной» [4, с. 507]. В связи с последним указанием весьма убедительным выглядит подмеченное З.М. Кобозевой свидетельство, что «фактически круг вопросов мещанского сословного делопроизводства Самары в 1916 г. сужается до проблемы выдачи паспортов» [2, с. 202]. Вместе с тем хотелось бы заметить, что развернутая в последние годы довольно убедительная критика методологических и методических ошибок, содержащихся в работах Б.Н. Миронова, делает весьма проблематичным отношение к его выводам как к рабочим гипотезам, принимаемым просто «на веру» (см., например, материалы нашумевшей дискуссии о причинах русской революции, в ходе которой произошел нелицеприятный для Б.Н. Миронова разбор его трудов, на портале <http://book.uraic.ru/elib/Authors/NEFEDOV/Science/Part2.html>). Автору рецензируемой монографии следовало бы учесть это обстоятельство в своем анализе.

Емко и точно отражено в названии второго раздела «Душа с повинностями» его содержание. В нем повествуется о хозяйственной повседневности мещан, заботах об имуществе, отношении к налогам и повинностям. Автор будто проводит воображаемую инструкцию. Показывает читателю дома и подворья обывателей, рассказывает об их устройстве. Затем приводятся сведения о профессиональной деятельности мещан. Здесь же читатель узнает о поденной плате самарцев, работавших по найму, о ценах на товары, прямых и косвенных налогах и копившимся по ним недоимкам. В итоге получился достаточно расплывчатый портрет самарского мещанина. Состав сословного общества разнился по роду занятий, доходов и наличия имущества. Мещанин мог заниматься благотворительностью и стоять на паперти. З.М. Кобозева подчеркивает свойственные мещанской ментальности рационализм, материализм и прагматизм, обусловленные стихией рынка. По ее мнению, русский мещанин вполне мог превратиться в добропорядочного бюргера «если бы у него для этого оказалось чуть больше исторического времени, прерванного революцией, и чуть больше денег» [2, с. 305].

Затронутая в главе «Мещанин и война» рекрутская повинность мещан, в отличие от крестьянской рекрутской повинности, до сих пор не выделялась в качестве отдельно изучаемого объекта. В исследовании представлены различные стратегии, использовавшиеся мещанами. Подавляющее большинство из них были направлены на поиск возможностей уклонения от солдатского бремени. Мещанское общество и родители могли использовать рекрутскую повинность в качестве наказания за непослушание и проступки. И лишь в исключительных случаях мещане призывного возраста сами изъявляли желание записаться в рекруты. Если отношение мещан к рекрутчине и в целом к воинской повинности логически выстроено и конкретизируется примерами из мещанского делопроизводства, то об отношении тех же самарских мещан к войне не сказано ничего определенного.

Наиболее интимные вопросы повседневности человека, касающиеся любви и семейной жизни, телесных недугов, старости и смерти, рассматриваются в третьем разделе. На мещанскую семью З.М. Кобозева предлагает посмотреть «через сферу человеческой субъективности, через эмоциональные переживания, через родительскую любовь, страдания, ссоры и примирения» [2, с. 430]. Автором приводятся много интересных фактов, связанных с возрастом и обстоятельствами вступавших в брак мещан, состава семьи и других вопросов семейной жизни. В основном они носят констатирующий, а порой и противоречивый характер. Так, о рождаемости говорится следующее: «детей рожали до тех пор, пока мужчина и женщина находились в репродуктивном возрасте... Многодетные семьи среди мещан не часто встречаются. Самое распространенное количество детей в семье – 2–3 ребенка» [2, с. 431–432]. Во-первых, из текста неясно, из каких статистических выкладок получены эти усредненные данные. Во-вторых, если мещанские девицы выходили замуж в возрасте 22–23 лет и рожали, пока позволяло здоровье, то отчего у них было так мало детей?

Поставленные автором задачи наиболее успешно реализуются через использование ситуативного подхода. Благодатный материал для его применения представляет исследование семейных отношений в их материальном проявлении. В книге они описываются посредством анализа конфликтных ситуаций между членами мещанских семей, ставших предметом разбирательства мещанской управы. В тех случаях, когда иллюстративного материала из Самарского архива недостаточно, как, например, для характеристики родительской любви в мещанской семье, З.М. Кобозева вынуждена использовать сюжеты из исторической и даже художественной литературы и по аналогии судить по ним об эмоциональной стороне отношений в семьях самарских мещан.

Главу, посвященную «телу» мещанина, предваряет ремарка, повествующая, что «тело мещанина – это тело, предоставленное болезням, старости и смерти». Для выявления заболеваний, которым были подвержены самарские мещане, З.М. Кобозева использует делопроизводственную документацию, содержащую просьбы об освобождении от тех или иных повинностей на основании состояния здоровья. Однако более точную и статистически выверенную картину по видам заболеваний жителей Самары содержит датированный 1888 г. отчет Самарского городского покоя, выписка из которого приведена на 473 с.

Как и недуги, старость и смерть членов мещанского общества анализируются на основании делопроизводств, относящихся к городской богадельне, и ходатайств лиц, желавших в ней поселиться. Все это были люди немощные, не имевшие достаточных средств к существованию, а потому нуждавшиеся в общественном попечении. К той же категории одиноких, часто нищих людей относились мещане, чье имущество за неимением наследников поступало в распоряжение мещанского обще-

ства. Под впечатлением такого рода документальных свидетельств З.М. Кобозева заключает: «Все данные косвенно говорят только об одном общем для мещан факторе: о низком уровне жизни большинства представителей сословия. Не было денег лечить мещанское тело. Не было денег поддерживать мещанское тело в старости. Не на что было хоронить мещанское тело» [2, с. 484]. Возможно, вывод бы был не столь однозначным, если бы нашлись свидетельства о том, как заботились о своем бренном теле исправные налогоплательщики (сколько их было?), все эти лавочники, чиновники, мастеровые, которые, как это следует из книги, давали за своих дочерей тысячи рублей приданного.

Ряд интересных наблюдений представлены автором в главе, посвященной уголовной и политической преступности, в той ее части, где говорится о мещанах-революционерах. Работ, исследующих численность мещан, состоявших в начале XX в. в политических, в том числе революционных, партиях, до сих пор не написано. На примере агитаторов, террористов и законопослушных полицейских осведомителей выведен социальный и психологический портрет мещанина-революционера: молодой человек, чаще всего учащийся, недостаточно образованный, с ограниченным кругозором, страдающий юношеским максимализмом, а потому мечтающий о подвигах и легко поддающийся под влияние революционной агитации и лиц, ее распространяющих. Проявившиеся в годы первой русской революции политические и нравственные девиации исследователь справедливо определяет как неизбежное следствие репрессивного контроля над населением. Заключительный же вывод этой главы – «имперские сословные ритуалы спасали обывателя от революционной стихии» – звучит красиво и как-то даже поэтично, но не убедительно. Разве сословная градация российского общества не заключала оснований для недовольства?

В целом книга оставляет благоприятное, хотя и не однозначное впечатление. Посредством цитирования архивных документов, исходящих от исследуемого объекта, их культурологического, социологического и психологического анализа, З.М. Кобозевой удалось показать «многоликость» самарского мещанина, застигнутого в разных жизненных ситуациях.

Рецензируемая монография, несомненно, может быть рекомендована для ознакомления и будет интересна широкому кругу ученых, занимающихся историей России XIX – начала XX вв.

Список литературы

1. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы анналов к российской философской школе // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – История. – №1. – С. 8–22.

2. Кобозева З.М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX вв.), или рассказ о «душе с повинностями». – Самара: Изд-во Самарский ун-т, 2013. – 608 с.

3. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). – М.: ИРИ РАН, 2010. – 620 с.

4. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). – Т. 1. – СПб.: Дм. Буланин, 2000. – 680 с.

References

1. *Pushkareva N.L., Lyubichankovskiy S.V. Ponimanie istorii povse-dnevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot Shkoly Annalov k rossiiskoi filosofskoi shkole* [Understanding of history of daily occurrence in modern historical research: from School of the Annals to the Russian philosophical school] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin]. – 2014. – Т.4. Istoriia [History]. – № 1. – P. 8–22.

2. *Kobozeva Z.M. Meshchanskoe soslovie g. Samary v prostranstve vlasti i povsednevnosti (vtoraia polovina XIX – nachalo XX vv., ili rasskaz o «dushe s povinnostiami* [Bourgeois estate of Samara in space of the power and daily life (the second half of XIX – the beginning of the XX centuries), or the Story about "Soul with duties"]. – Samara: Izd-vo «Samarskii universitet» [Publishing house "Samara university"], 2013. – 608 p.

3. *Ivanova N.A., Zheltova V.P. Soslovnnoe obshchestvo Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX veka)* [Class society of the Russian Empire (XVIII – the beginning of the 20th century)]. – Moscow: IRI RAN, 2010. – 620 p.

4. *Mironov B.N. Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Russia of the period of the empire (XVIII – the beginning of the 20th century)]. – Т. 1. – St. Petersburg: Dm.Bulanin, 2000. – 680 p.

В.А. Верременко, В.О. Левашко

Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: об итогах международной научной конференции 17–19 марта 2016 г. (Санкт-Петербург, г. Пушкин)

В работе рассматриваются итоги проходившей 17–19 марта 2016 г. в Ленинградском государственном университете им. А.С. Пушкина международной научной конференции, посвященной проблемам материального фактора в повседневной жизни населения России. Рассмотрены основные направления работы конференции. Сделан вывод о важности изучения экономической повседневности для создания более полного представления о жизни населения страны в различные периоды истории России.

Ключевые слова: повседневность, предпринимательство, материальный фактор, историография, население России.

V.A. Veremenko, V.O. Levashko

Material factors and entrepreneurship in the everyday life of the Russian population: History and Modernity: results of the International Scientific Conference on March 17–19, 2016 (St. Petersburg, Pushkin)

The paper discusses the results of the International Scientific Conference held on March 17–19, 2016 at Pushkin Leningrad State University. The conference was devoted to the problems of the material factor in the everyday life of the Russian population. The main directions of the conference are examined. It is concluded that the study of the economic everyday life is important in formation of a more complete picture of the population life in the different periods of Russian history.

Key words: everyday life, entrepreneurship, material factor, historiography, the population of Russia.

В Ленинградском государственном университете имени А.С. Пушкина традиционно большое внимание уделяется исследованию проблем истории повседневности. Ежегодно, начиная с 2012 г., на базе университета проходят крупные научные форумы, посвященные различным аспектам этого актуального и востребованного научного направления. В предыдущие годы центральными темами конференций становились

прежде всего многообразные проблемы, связанные с военными событиями, повседневной жизнью общества в условиях военных конфликтов [5; 6]; влиянием на повседневность состояния общественного сознания [19]; взаимодействием повседневной жизни и уровня развития гражданственности и патриотизма в России [18].

На этот раз на пятой юбилейной конференции, темой обсуждения участников форума стали проблемы экономической повседневности и истории предпринимательства. На конференцию прибыло более 200 ученых из 37 регионов Российской Федерации и из 5 иностранных государств (Германии, Грузии, Казахстана, Молдовы и Украины). В работе пленарного заседания, секций и круглых столов приняли также активное участие студенты факультета истории и социальных наук ЛГУ им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербургского университета МВД России и ряда других высших учебных заведений С.-Петербурга.

В исторической науке материальные аспекты истории жизни населения страны зачастую оставались в тени более «крупных» социальных и политических процессов, рассматриваясь лишь как одна из причин социальных движений. Этот перекос и стремились исправить организаторы и участники конференции. Главное внимание они обратили на жизнь человека в различных условиях, на особенности экономических стратегий и повседневных практик россиян в те или иные периоды истории страны.

Ряд обстоятельных докладов был посвящен проблемам предпринимательства и направлениям экономической деятельности россиян. Так, А.В. Тихонова обратила внимание на начало сыроваренного бизнеса в России [26], С.А. Саломатина исследовала процесс демократизации банковской системы в пореформенной России [22], Е.Н. Крылова проанализировала условия ведения издательского дела в столицах Российской империи в начале XX в. [14]. Особый интерес вызвало выступление Е.В. Демчик, посвященное кредитованию предпринимательства в Сибири в период нэпа [7].

Одной из актуальных проблем, широко обсуждавшихся на конференции, стала история становление малого и среднего предпринимательства на различных этапах истории России – тема чрезвычайно актуальная в настоящий момент. Всего проблемам малого предпринимательства в различных аспектах было посвящено 35 выступлений на пленарном заседании, круглых столах и секциях.

Не остались без внимания и вопросы истории торговых связей и экономических аспектов межнациональных коммуникаций, обстоятельно рассмотренные С.Н. Травкиным [27], Л.Н. Дзаговой [8], С.И. Ковальской [12] и другими исследователями.

Значительное место в работе конференции занимал анализ проблем взаимодействия власти и общества в экономической сфере, а так-

же влияния политики государства на материальную жизнь населения страны. Особый интерес в этой связи вызвали доклады А.И. Репинецкого [21], раскрывавший условия проведения в 1947 г. денежной реформы, и Р.М. Нуреева [17], посвященный изучению степени воздействия на рядового потребителя введенных против России западными странами санкций.

На конференции были широко представлены результаты исследований учеными различных практик выживания населения в условиях военной и экстремальной повседневности. Так, Н.Д. Козлов [13], А.Ш. Кабирова [10] и В.О. Левашко [15] обратили свое внимание на экономические девиации, ставшие для части населения способом приспособления к экстремальным условиям жизни. Реконструкции особенностей жизни людей в тылу и на оккупированной территории были посвящены работы Р.Р. Хисамутдиновой [28], Л.А. Болокиной [2], Г. Бежиташвили [1] и других исследователей. Важно, что влияние материального фактора на жизнь широких слоев населения в исследованиях Р.Р. Хисамундиновой, Н.Д. Козлова и других ученых рассматривалось в свете включения его в систему гражданско-патриотического воспитания населения, и прежде всего молодёжи. Не секрет, что на протяжении предшествующих десятилетий эти понятия – гражданственность и патриотизм, с одной стороны и материальный фактор и предпринимательство, с другой, фактически противопоставлялись друг другу. Несомненно, что разработка взаимосвязи этих понятий, вскрытие механизмов их взаимодействия имеет большое значение для формирования общественных настроений в сегодняшней России.

Большой интерес аудитории вызвала тема участия в экономической жизни страны женщин и детей. Различным аспектам имущественного положения женщин были посвящены труды Н.Л. Пушкаревой [20] и Л.П. Заболотной [9], формы и последствия женского отходничества в пореформенной России осветила З.З. Мухина [16], материальные условия жизни женщин-работниц и административно высланных исследовали О.В. Северцева [23] и О.В. Ванюшина [3]. Проблемы подросткового труда нашли отражение в выступлениях В.А. Веремченко [4], В.В. Карповой [11], И.В. Синовой [24] и других авторов.

Конференция со всей очевидностью показала, что в исследовании материального фактора повседневной жизни населения России накоплен богатый материал, сделан ряд важных обобщений и выводов. Кроме того, как справедливо отметил В.Н. Скворцов при открытии конференции: «Изучение влияния материального фактора на жизнь широких слоев населения – основа для подготовки научной базы совершенствования работы по гражданско-патриотическому воспитанию населения, и прежде всего молодёжи» [25, с. 16].

Список литературы

1. Бежиташвили Г., Гогитидзе М. Трудовой подвиг Грузинской ССР во время Великой Отечественной войны Советского Союза в 1941–1945 гг. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. (далее – Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г...). – С. 280–285.
2. Болокина Л.А. Экономические аспекты оккупационного режима на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. В.А. Веремченко; [отв. ред. С.В. Степанов]. – СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2016. (далее – Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект)...). – С. 281–288.
3. Ванюшина О.В. Материальное положение женщин, административно высланных в Тверскую губернию (1881–1917 гг.) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект) ... – С. 350–357.
4. Веремченко В.А. Трудовое воспитание в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. ... – С. 361–370.
5. Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой Победы): материалы междунар. науч. конф., 12–14 марта 2015 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – 456 с.
6. Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – 560 с.
7. Демчик Е.В. Кредитование предпринимательской деятельности в Сибири: опыт нэпа // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект) ... – С. 166.
8. Дзагова Л.Н. Роль немецких переселенцев в экономической жизни Нальчикского округа Терской области в последней трети XIX – начале XX вв. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект) ... – С. 172–179.
9. Заболотная Л.П. Женщина и деньги, или скрытная власть денег (сфера семейно-имущественных отношений в средневековом обществе) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. ... – С. 340–346.
10. Кабирова А.Ш. Борьба с экономическими преступлениями в период Великой Отечественной войны (на материалах Татарской АССР) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект)... – С. 52–58.
11. Карпова В.В. К вопросу о рентабельности деятельности ученических трудовых дружин в годы Первой мировой войны (1915–17 гг.) // Материальный фактор и

предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. ... – С. 370–377.

12. Ковальская С.И. Зарубежная историография экономической модернизации советского Казахстана в 20–40-е гг. XX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект) ... – С. 44–52.

13. Козлов Н.Д. Повседневность военного времени и общественные настроения // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. ... – С. 261–269.

14. Крылова Е.Н. Организация издательского дела в начале XX в. как способ предпринимательской деятельности (на примере бесцензурных изданий Москвы и Санкт-Петербурга) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. ... – С. 142–147.

15. Левашко В.О. Проявление негативных (девиантных) настроений в советском обществе в начале военных конфликтов 1939–1940 гг. на примере населения Ленинграда и Ленинградской области // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект) ... – С. 266–273.

16. Мухина З.З. Женское отходничество в пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. ... – С. 351–356.

17. Нуреев Р.М., Петраков П.К. Рядовой потребитель: бремя экономических санкций против России // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект)... – С. 244–254.

18. Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни Российского общества (XVIII – XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцов, отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. – 300 с.

19. Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2012 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. – 324 с.

20. Пушкарева Н.Л. Правовые основы женской имущественной самостоятельности и предприимчивости в Российской империи конца XVIII – начала XIX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. ... – С. 346–351.

21. Репинецкий А.И. Последняя жертва: власть и общество в период денежной реформы 1947 г. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. ... – С. 103–109.

22. Саломатина С.А. Процесс демократизации банковской системы Нового времени: на примере России конца XIX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. ... – С. 128–131.

23. Северцева О.В. Женщины на текстильных предприятиях Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв. // Материальный фактор и предпринима-

тельство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект) ... – С. 345–350.

24. Синова И.В. Ремесленное ученичество в экономике России во второй половине XIX – начале XX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. ... – С. 185–190.

25. Скворцов В.Н. Материальный фактор и предпринимательство в истории Российской повседневности – актуальное и востребованное научное направление // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. ... – С. 15–16.

26. Тихонова А.В. Вкус сыра: начало сыроваренного бизнеса в России // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. ... – С. 116–121.

27. Травкин С.Н. История изучения и структура монетного клада XVI столетия из Онешт: нумизматика и экономика повседневности // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. ... – С. 404–408.

28. Хисамутдинова Р.Р. Трудовой подвиг детей и подростков уральского села в годы Великой Отечественной войны // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект)... – С. 362–371.

References

1. Bezhitashvili G., Gogitidze M. Trudovoj podvig Gruzinskoj SSR vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza v 1941–1945 gg. [Labor feat of the Georgian SSR during the great Patriotic war of the Soviet Union in 1941-1945] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17-19 marta 2016 g. [Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and present: materials of mezhdunar. scientific. Conf. March 17-19, 2016] / pod obshch. red. prof. V.N. Skvorcova; otv. red. V.A. Veremenko. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2016. (dalee - Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17–19 marta 2016 g...) [(hereinafter - the Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and present: materials of mezhdunar. scientific. Conf. March 17–19, 2016...)]. – S. 280–285.

2. Bolokina L.A. EHkonomicheskie aspekty okkuracionnogo rezhima na territorii Kalininskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny Economic aspects occupational regime on the territory of Kalinin region during the great Patriotic war // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyj aspekt): Sb materialov mezhdunar. nauch. konf., / pod obshch. red. V.A. Veremenko; [otv. red. S.V. Stepanov] [The Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and modernity (regional aspects): Sat materials Intern. scientific. Conf. under the General editorship of V.A. Veremenko; [resp. edited by S.V. Stepanov]] – SPb.: Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo, 2016. (dalee – Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyj aspekt)... [(hereinafter – the Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and modernity (regional aspects)...)]. – S. 281–288.

3. Vanyushina O.V. Material'noe polozhenie zhenshchin, administrativno vyslannyh v Tverskuyu guberniyu (1881–1917 gg.) [The material status of women is administratively expelled in the Tver province (1881-1917)] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyj aspekt) ... [Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and modernity (regional aspects)] – S. 350–357.

4. Veremenko V.A. Trudovoe vospitanie v dvoryansko-intelligentskih sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale HKH v. [Labor education in aristocratic intellectual families in Russia in the second half of XIX – early XX century // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17–19 marta 2016 g. ... [The Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and present: materials of mezhdunar. scientific. Conf. March 17-19, 2016 ...] – S. 361–370.

5. Voennaya istoriya Rossii: lyudi i sobytiya (k 70-letiyu Velikoj Pobedy): materialy mezhdunar. nauch. konf., 12–14 marta 2015 g. / pod obshch. red. prof. V.N. Skvorcova, otv. red. V.A. Veremenko [Military history of Russia: people and events (the 70th anniversary of the great Victory): the materials of Intern. scientific. Conf. 12-14 March 2015 / under the General editorship of Professor V. N. Skvortsov, ed. edited by V. A. Veremenko]. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2015. – 456 s.

6. Vojna i povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii XVII – HKH vv. (k stoletiyu nachala Pervoj mirovoj vojny): materialy mezhdunar. nauch. konf., 14–16 marta 2014 g. / pod obshch. red. prof. V.N. Skvorcova; otv. red. V.A. Veremenko [War and the everyday life of the population of Russia XVII – XX centuries (to the centenary of the First world war): proceedings of the international. scientific. Conf. March 14-16, 2014 / under the General editorship of Professor V. N. Skvortsova; resp. edited by V. A. Veremenko]. – SPb: LGU im. A.S. Pushkina, 2014. – 560 s.

7. Demchik E.V. Kreditovanie predprinimatel'skoj deyatel'nosti v Sibiri: opyt nehpa [Lending to business activities in Siberia: the experience of the NEP // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyj aspekt) ... [Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and modernity (regional aspects) ...] – S. 166.

8. Dzagova L.N. Rol' nemeckih pereselencev v ehkonomicheskoy zhizni Nal'chikskogo okruga Terskoj oblasti v poslednej treti XIX – nachale HKH vv. [The role of German immigrants in the economic life of the Nalchik district of the Terek region in the last third of XIX – early XX centuries] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyj aspekt) ... [The Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and modernity (regional aspects) ..] – S. 172–179.

9. Zabolotnaya L.P. ZHenshchina i den'gi, ili skrytnaya vlast' deneg (sfera semejno-imushchestvennyh otnoshenij v srednevekovom obshchestve) [The woman and the money, or the secretive power of money (the sphere of family and property relations in medieval society) // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17-19 marta 2016 g. ... [Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and present: materials of mezhdunar. scientific. Conf. March 17-19, 2016 ...] – S. 340–346.

10. Kabirova A.SH. Bor'ba s ehkonomicheskimi prestupleniyami v period Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Tatarskoj ASSR) [The fight against economic crimes in the period of the great Patriotic war (on the materials of the Tatar ASSR)] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremen-

nost' (regional'nyj aspekt)... [Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and modernity (regional aspects)...] – S. 52–58.

11. Karpova V.V. K voprosu o rentabel'nosti deyatel'nosti uchenicheskikh trudovykh družhin v gody Pervoj mirovoj vojny (1915–17 gg.) [To the question about the profitability of activities of student labor brigades in the First world war (1915-17)] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17-19 marta 2016 g. ... [The Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and present: materials of mezhdunar. scientific. Conf. March 17-19, 2016 ...] – S. 370–377.

12. Koval'skaya S.I. Zarubezhnaya istoriografiya ehkonomicheskoy modernizacii sovetskogo Kazahstana v 20-40-e gg. HKH v. [Foreign historiography of the Soviet economic modernization of Kazakhstan in 20-40-ies of the XX century // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyj aspekt) ... [The Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and modernity (regional aspects) ...] – S. 44–52.

13. Kozlov N.D. Povsednevnost' voennogo vremeni i obshchestvennye nastroyeniya [Everyday life in wartime and the public mood] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17–19 marta 2016 g. ... [Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and present: materials of mezhdunar. scientific. Conf. March 17-19, 2016 ...] – S. 261–269.

14. Krylova E.N. Organizaciya izdatel'skogo dela v nachale HKH v. kak sposob predprinimatel'skoj deyatel'nosti (na primere bescenzurnykh izdanij Moskvy i Sankt-Peterburga) [The organization of publishing in the early twentieth century as a method of entrepreneurship (on the example of the uncensored editions of Moscow and St. Petersburg)] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17–19 marta 2016 g. ... [Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and present: materials of mezhdunar. scientific. Conf. March 17-19, 2016 ...] – S. 142–147.

15. Levashko V.O. Proyavlenie negativnykh (deviantnykh) nastroyenij v sovetskom obshchestve v nachale voennykh konfliktov 1939-1940 gg. na primere naseleniya Leningrada i Leningradskoj oblasti [The manifestation of negative (deviant) attitudes in Soviet society at the beginning of the war conflict of 1939-1940 on the example of the population of Leningrad and Leningrad region] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyj aspekt) ... [Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and modernity (regional aspects) ...] – S. 266–273.

16. Muhina Z.Z. ZHenskoe othodnichestvo v poreformennoj Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo HKH v.) [Female seasonal work in the post-reform Russia (second half of XIX – beginning of XX century)] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17–19 marta 2016 g. ... [Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and present: materials of mezhdunar. scientific. Conf. March 17–19, 2016 ...] – S. 351–356.

17. Nureev R.M., Petrakov P.K. Ryadovoj potrebitel': bremya ehkonomicheskikh sankcij protiv Rossii [Average consumer: the burden of economic sanctions against Russia // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyj aspekt)... [The Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and modernity (regional aspects)...] – S. 244–254.

18. Patriotizm i grazhdanstvennost' v povsednevnoj zhizni Rossijskogo obshchestva (XVIII – XXI vv.): materialy mezhdunar. nauch. konf. 14–16 marta 2013 g. / pod obshch red. prof. V.N. Skvorcov, otv. red. V.A. Veremenko [Patriotism and citizenship in the daily life of Russian society (XVIII – XXI centuries): proceedings of the international. scientific. Conf. March 14-16, 2013 / under the General editorship of Professor V. N. Skvortsov, ed. edited by V. A. Veremenko]. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2013. – 300 s.

19. Povsednevnaya zhizn' i obshchestvennoe soznanie v Rossii XIX – XX vv.: mater. mezhdunar. nauch. konf. 14–16 marta 2012 g. / pod obshch. red. V.N. Skvorcova; otv. red. V.A. Veremenko [Daily life and social consciousness in Russia in the XIX – XX centuries. Intern. scientific. Conf. 14-16 March 2012 / under the General editorship of V. N. Skvortsova; resp. edited by V. A. Veremenko]. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2012. – 324 s.

20. Pushkareva N.L. Pravovye osnovy zhenskoy imushchestvennoj samostoyatel'nosti i predpriimchivosti v Rossijskoj imperii konca XVIII – nachala XIX v. [The legal basis of women's financial independence and entrepreneurship in the Russian Empire in the late XVIII – early XIX century // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17–19 marta 2016 g. ... [The Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and present: materials of mezhdunar. scientific. Conf. March 17–19, 2016 ...]. – S. 346–351.

21. Repineckij A.I. Poslednyaya zhertva: vlast' i obshchestvo v period denezhnoj reformy 1947 g. [Last sacrifice: power and society in the period of the monetary reform of 1947] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17–19 marta 2016 g. ... [Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and present: materials of mezhdunar. scientific. Conf. March 17–19, 2016 ...] – S. 103–109.

22. Salomatina S.A. Process demokratizacii bankovskoj sistemy Novogo vremeni: na primere Rossii konca XIX v. [The process of democratization of the banking system of the New time: on the example of Russia in the late XIX century] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17–19 marta 2016 g. ... [The Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and present: materials of mezhdunar. scientific. Conf. March 17–19, 2016 ...] – S. 128–131.

23. Severceva O.V. Zhenshchiny na tekstil'nyh predpriyatiyah Sankt-Peterburga vo vtoroj polovine XIX – nachale HKH vv. [Women in the textile factories of St.-Petersburg in second half XIX – early XX centuries] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyj aspekt) ... [The Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and modernity (regional aspects) ..] – S. 345–350.

24. Sinova I.V. Remeslennoe uchenichestvo v ehkonomike Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale HKH v. [Trade apprenticeship in the Russian economy in the second half of XIX – early XX century] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17–19 marta 2016 g. ... [The Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and present: materials of mezhdunar. scientific. Conf. March 17–19, 2016 ...] – S. 185–190.

25. Skvorcov V.N. Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v istorii Rossijskoj povsednevnosti – aktual'noe i vostrebovannoe nauchnoe napravlenie [The material factor and entrepreneurship in the history of Russian everyday life is a relevant and useful scientific direction] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17–19 marta 2016 g. ... [The

Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and present: materials of mezhdunar. scientific. Conf. March 17-19, 2016 ...] – S. 15–16.

26. Tihonova A.V. Vkus syra: nachalo syrovarennogo biznesa v Rossii [The taste of the cheese: start the dairy business in Russia] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17–19 marta 2016 g. ... [The Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and present: materials of mezhdunar. scientific. Conf. March 17–19, 2016 ...] – S. 116–121.

27. Travkin S.N. Istoriya izucheniya i struktura monetnogo klada XVI stoletiya iz Onesht: numizmatika i ehkonomika povsednevnosti [The history of study and structure of the coin treasure of the XVI century from the District: numismatics and Economics of everyday life] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., 17–19 marta 2016 g. ... [The Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and present: materials of mezhdunar. scientific. Conf. March 17-19, 2016 ...] – S. 404–408.

28. Hisamutdinova R.R. Trudovoj podvig detej i podrostkov ural'skogo sela v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Labor feat of children and adolescents Ural village during the great Patriotic war] // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyj aspekt)... [The Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and modernity (regional aspects)...] – S. 362–371.

Сведения об авторах

Абдрахманова Кымбат Казалиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории, Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова, e-mail: kimbat_abd@mail.ru

Афанасьев Григорий Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: greenia2006@rambler.ru

Бенда Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент межфакультетской кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: bvn.1962@mail.ru

Веремченко Валентина Александровна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

Годовова Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбургский филиал; e-mail: godovova@mail.ru

Жукова Анастасия Евгеньевна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: Anastasiia.sm@gmail.com

Каминский Валерий Владимирович – PhD истории, независимый исследователь (г. Ашдод, Израиль); e-mail: kaminsckij.valera@yandex.com

Левашко Вадим Олегович – кандидат исторических наук, доцент, зав. межфакультетской кафедрой истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург); e-mail: vo-levashko@yandex.ru

Любичанковский Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: svlubich@yandex.ru

Михайлова Ирина Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Истории России с древнейших времен до XX века, Институт Истории, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: mikhailova.irina@inbox.ru

Пушкарева Наталья Львовна – доктор исторических наук, профессор, зав. сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, Президент Российской ассоциации исследователей женской истории; e-mail: pushkarev@mail.ru

Сактаганова Зауреш Галимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований, Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова; e-mail: zauresh63@mail.ru

Северцева Ольга Валентиновна – аспирант II курса, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: oseverseva@mail.ru

Федькин Андрей Васильевич – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: campus.fedkin@yandex.ru

About authors

Abdrakhmanova Kymbat G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Archeology, Ethnology and National History, Karaganda State University of the name of academician E. A. Buketov (Karaganda, Kazakhstan); e-mail: kimbat_abd@mail.ru

Afanasiev Grigory Yu. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: greenia2006@rambler.ru

Benda Vladimir N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Independent Department of History, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: bvn.1962@mail.ru

Godovova Elena V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Social-economic Disciplines, Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orenburg, Russia); e-mail: godovova@mail.ru

Fedkin Andrey V. – postgraduate, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: campus.fedkin@yandex.ru

Kaminsky Valeriy V. – PhD in History, independent researcher (Ashdod, Israel); e-mail: kaminskij; e-mail: valera@yandex.com

Levashko Vadim O. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Independent Department of History, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: vo-levashko@yandex.ru

Lyubichankovskiy Sergey V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia); e-mail: svlubich@yandex.ru

Mikhailova Irina B. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian history from ancient times to the twentieth century, Institute of History, Saint Petersburg University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: mikhailova.irina@inbox.ru

Pushkareva Natalya L. – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Head of Sector of Ethno-Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; President of Russian Association of Women's History researchers; e-mail: pushkarev@mail.ru

Saktaganova Zauresh G. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Archeology, Ethnology and National history, Director of Ethno-cultural and Historical-anthropological Research Center, Karaganda State University of the name of academician E. A. Buketov (Karaganda, Kazakhstan); e-mail: zauresh63@mail.ru

Severtseva Olga V. – postgraduate, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: oseverseva@mail.ru

Veremenko Valentina A. – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Head of Department of History, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

Zhukova Anastasia E. – postgraduate, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: Anastasiia.sm@gmail.com

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «История повседневности» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.
2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владиминова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.
3. Лобанов В. В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vozpitaniya-v-s-pirussskogo> (дата обращения: 01.12.2015).
4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках**]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. *Drake L.L. Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berezovskii, 1911. – 32 p.
2. *Mel'tsin M.O. Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. 2013. № 3(08). P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: valentina.veremenko@yandex.ru**

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 2

Редактор *Л. М. Григорьева*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 15.12.2016. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Arial. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 9. Тираж 500 экз. Заказ № 1306

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10